

Б. В. Щербаков

Тропа глиною в год

природы



Б. В. Щербаков

Трона глиною в 200



Алма-Ата
«Кайнар»
1985

Щербаков Б. В.

Щ 61 Тропа длиною в год.— Алма-Ата: Қайнар,
1985.—184 с.

В этой книге автор рассказывает читателям о своих наблюдениях за многоликим миром птиц и зверей, обитающих на Казахском Алтае, о редких и удивительных растениях, с которыми ему приходилось встречаться во время путешествий и ботанико-зоологических экспедиций. Уметь видеть красоту земли, наших гор, лесов, рек и озер, любить и беречь ее — главная мысль повествования.

Для массового читателя.

20

Щ $\frac{2005000000-131}{403(05)-85}$ 105—85

Рецензенты: *Э. И. Гаврилов* — лауреат Государственной премии КазССР, доктор биологических наук, профессор;
Т. А. Гиричева — член Союза журналистов СССР.

Мы так уж, видно, устроены, что у каждого есть на земле заветный уголок, — безразлично, велик или предельно мал он. На всю жизнь он сохраняется в памяти. К нему мы так или иначе привязаны, прикипели, как говорят, и душой и телом. С этим уголком бывают связаны самые лучшие воспоминания прошлого. Не важно, берег реки, березовая рощица на лугу или тополя в городском парке, все равно только о них чаще обычного вспоминаешь, когда находишься далеко от родных мест. Они сняты нам по ночам. Это из-за них бывает трудно расстаться с краем, где родился. И тогда бессильны разные соблазны, трудно взять и просто уехать куда-нибудь и навсегда оставить то, к чему давно привязался сердцем.

У меня тоже есть такой уголок на земле. Из года в год я навещаю его, чтобы еще раз увидеть и, расставшись, снова ждать, когда кончится зима и снова представится возможность уйти туда хотя бы на день или два, чтобы окунуться в близкое сердцу прошлое. Это среднегорная долина Западного, или Рудного, Алтая, находящаяся у истоков Белой и Черной Убы, то есть у самой границы Восточного Казахстана и Алтайского края. Эта небольшая долина со всех сторон окружена горными хребтами. Мы привыкли называть ее Райской. С этим романтическим названием согласился бы каждый, побывай он там хоть раз. Уникальность ее подтверждают давно сказанные слова московского профессора, геоло-

га Григория Александровича Щуровского, который в 1842 году восемь месяцев путешествовал с экспедицией по Алтаю. Он писал, что более красивых мест на всем Алтае, кроме юго-западного угла Телецкого озера и места у истоков уже названных нами рек, он не видел. Впечатления ученого, изъездившего прекрасные горы и побывавшего во многих местах, убедительны. Алтай, мы знаем, сам по себе очень красив, но эти места — особенные!

Поэтому каждый год вот уже на протяжении пятнадцати лет я хожу в Райскую долину с новыми поколениями юных орнитологов.

Долину окружают сразу несколько хребтов: с юга — горная гряда водораздельной части Ивановского хребта — самого красивого, могучего хребта казахстанской части Алтая. С востока долину закрывает вздыбивший свои вершины на 2500 метров хребет Холзун. Это могучий с дикими вершинами хребет, большей частью покрытый обширными каменистыми россыпями, отчего он кажется неприветливым, отрешенным. С севера долину закрывает малоизвестный даже для географов небольшой горный хребет, протянувшийся всего на шестьдесят километров, — Линейский белок. Почти все вершины или части хребтов, которые покрыты вечными, не тающими снегами, на Алтае принято называть белками (от слова «белый»). Линейский белок, подобно могучему зверю, положившему туповатую голову, увенчанную короной гранитных останцев на ее край, любит красоту цветущих лугов, замшелых ядовито-зеленых болот, могучими, древними кедрово-лиственничными лесами, полями и реками разноцветных каменистых россыпей, сверканием платиновых речек, сиянием ультрамариновых озер и вечным холодным свечением снегов, белеющих на склонах гор, окружающих долину.

Невозможно передать словами удивительную красоту этого уголка Алтая. Отсюда начинаются не только многочисленные ручьи, но и известные на Алтае реки —

Белая и Черная Уба, Барсук, и совсем недалеко отсюда берет начало крутонравый и бешеный Тургусун. Только здесь и нигде больше на территории нашей республики найден целый ряд редких для Казахстана птиц. Область распространения этих видов по большей части лежит либо на юге Западной Сибири, либо охватывает ее восточные районы.

На рассвете или в закатный час можно услышать тихие и нежные песни синего соловья или щура. По ночам жужжат бекасы — отшельник и азиатский. Только здесь пока для Рудного Алтая известны места, где все лето проводят на сочных лесных лугах маралы, приходящие с Южного Алтая.

Многие мои юннаты из Усть-Каменогорска прошли здесь интересную школу орнитологических исследований и, полюбив профессию зоолога, связали впоследствии свою жизнь с этой наукой. Именно здесь, у истоков рек, в краю высокогорных озер и редких птиц мы с ребятами узнали лучше друг друга, и теперь, спустя годы, сойдясь вместе, вспоминаем разные случаи, интересные встречи с животными. Райская долина — наше прошлое и настоящее.

Начало пути

Перед тем как отправиться с юннатами в Райскую долину, мне предстояло подготовить моих спутников — юных зоологов, предварительно провести с ними ряд специальных бесед. Поэтому еще с зимы я рассказывал им об основных растениях, распространенных в горах Алтая, о птицах и зверях, обитающих там. Разъяснял, как самостоятельно наблюдать за животными, вести записи этих наблюдений и, конечно, полевые дневники. Знакомил ребят с методикой сбора зоологического материала. На все это уходили многие зимние дни кружковых занятий на юннатской станции.

С наступлением летних каникул мы приступили к подготовке в дорогу. Естественно, уходя со школьниками в глухомань на несколько недель, нужно было все продумать до мелочей — питание, одежду, — словом, всю систему жизнеобеспечения в высокогорных условиях. Брать с собой предстояло только самое необходимое, исключить лишнее, второстепенное.

Без машин и лошадей, по тропам и без, по острым подвижным осыпям и скользким кручам, среди снегов, под проливными многодневными дождями мы группами из пяти—восьми человек добирались к Райской долине и жили там вдали от селений две-три недели. И стол и дом, как говорят, все на себе, в рюкзаке. Неудивительно было, когда старшеклассники со спортивной закалкой во время таких переходов уставали и даже, бывало, отказывались

идти дальше, но благодаря поддержке их остальными ребятами вставали и шли. Потом они крепили, привыкали и, подгоняемые предстоящими интересными встречами с далекими горными вершинами, тайгой, красочными лугами, неизвестными им птицами и зверями, ждали очередной экспедиции. Все это укрепляло не только интерес, но и волю.

Но как бы ни было трудно, желающие отправиться со мной на Белоубинские озера всегда находились. Прошли годы, но встречая тех, с кем мы ходили в Райскую долину, я всегда спрашиваю: «Как, хотелось бы еще хоть разок побывать там?» И ответ всегда положителен...

В день отъезда мы собирались на автостанции Усть-Каменогорска. Отсюда, доехав на автобусе до Лениногорска, пересаживались на другой, до Поперечного или Серого Луга. С нами ехало много других пассажиров: кто по грибы, кто по ягоды, кто за диким луком — черемшой — или кедровыми орехами, а то и просто желающие выбраться в тайгу. Приехав на Серый Луг, большой деревянный поселок лесорубов, мы выгружались. Длинные бараки с покатыми деревянными крышами почти всегда мокры от дождя. Разбросанный вдоль дорог лес, пахнущий смолой, покрытые темнохвойной тайгой склоны Ивановского белка, и лес, окружающий возделываемую долину, или луг, где стоит поселок, напоминали, что мы оказались в совершенно ином мире, где жизнь идет своим чередом с непривычным для нас бытом.

В поселке стоял небольшой деревянный магазинчик, в котором можно было купить самое необходимое. Это был своего рода центр Серого Луга: у магазинчика зачастую отдыхали лесорубы после выездной смены, у них мы узнавали, когда можно сесть на попутную машину. Здесь постоянно толклись приезжие, вроде нас, и местные. Встречались и расставались тоже здесь — у небольшого деревянного крыльца.

Для меня же магазинчик представлял большой интерес по другому поводу: прямо над его дверьми, скрипучими и постоянно хлопающими, как-то летом загнездились две пары городских ласточек, или воронок. Эти небольшие черно-белые ласточки, охотно поселяющиеся в городах и других населенных пунктах Казахстана, у нас, на востоке, селятся сравнительно редко и обычно в глубине гор, на скалах в таежном поясе и даже выходящих на горные тундры. Поэтому долгое время я не мог собрать хоть какие-нибудь сведения, касающиеся их гнездовой жизни.

Два гнезда воронок были устроены прямо над дверью, протяни руку — достанешь. Но никто из жителей поселка (а здесь было много ребятишек) их не беспокоил. Они сумели не только сохранить гнездо, но и проявляли особую чуткость к доверчивым птицам. Некоторые, как я не раз наблюдал, старались не хлопать дверью, над которой из чашечек глиняных гнезд выглядывали, поблескивая крупными кукольными глазками, насиживающие ласточки. Поэтому, когда я, было, собрался заглянуть в эти гнезда, чтобы посмотреть, что у них там, ко мне подошел один из лесорубов и сказал:

— Не трогай их. Ласточки ведь бросают гнезда, если в них заглянешь. Жалко!

В это время одна из подлетевших птичек легко скользнула в гнездо, и оттуда тотчас послышался нежный, чуть слышный писк птенцов. Я объяснил, что мне нужно только узнать примерный возраст птенцов.

— Хочешь узнать, — не отступал он, — я сам помогу: когда у них птенцы вылетать станут, я выслежу и скажу тебе. Я вот напротив живу, — показал он на длинный ближний барак со стеклянной верандой и ухоженным огородом. — Тебя знаю — часто здесь с ребятишками вижу. Заходи, как приедешь.

Я вынужден был согласиться. А сам отметил в дневнике, что в гнездах городских ласточек уже пищали

птенцы. К сожалению, это были единственные найденные мной в таком доступном месте гнезда на Западном Алтае, хотя ласточка эта и была довольно обычной в скальных группах Линейского белка и долины, куда лежал наш путь. Но все гнезда были устроены под карнизами стелообразных одинцов и на большой высоте. Чтобы добраться до них, нечего было и думать. Не исключено, что именно эти воронки были своего рода пионерами, начавшими гнездиться в селениях восточной части Алтая. И, вероятно, в дальнейшем их колония разрослась бы, если бы вскоре этот небольшой поселок не снесли. Лесорубам построили в Лениногорске новые добротные дома, и они все переехали туда.

Под тяжестью рюкзаков от Серого Луга мы направляемся лесовозной дорогой, уходящей на восток, в Алтайский край. Она желтоватой пылящей лентой плавно поднимается на небольшую округлую сопку, оказавшись на ней, мы некоторое время отдыхаем с надеждой, что появятся вдруг попутная машина геологов или лесовоз и подвезут нас до речки Палевой. С сопки открывается вид на лесистую долину, по которой бежит Белая Уба. Путь ее прослеживается к островерхому, дикому, местами неприступному Линейскому белку, расположенному севернее. Нередко в этой долине ранними утрами остаются лежать туманы: густой молочной рекой с лесистыми островками, повторяя изгибы долины, они подолгу, иногда до десяти-одиннадцати часов дня, отлеживаются здесь. Удивительная картина: словно сплошной белый войлок с четкими краями заполняет узкую межгорную щель. Когда солнце начинает припекать, туман слегка розовеет и, растекаясь, поднимается над долиной и ртутно-розовыми ключьями быстро тает в чистом утреннем небе.

Взваливаем рюкзаки, идем на спуск. Дорога врезается в глинистый склон, подступающий слева и поросший редкими лиственницами да кустарником. Тонкие пере-свисты синиц — москочек и гаичек — доносятся с разных

сторон. Справа, из темных пихтачей, растущих попеременно с кедром и березой, слышится шум речки Разливанки. Их здесь три с одинаковым названием, и все они сбегают со склонов Ивановского белка, покрытого дремучей черно-синей тайгой. Так она смотрится издали. Воздух предельно чист и свеж, поэтому кажется, что горы совсем рядом. Но впечатление это обманчиво. В горном воздухе все хорошо просматривается несмотря на огромные расстояния, будто открытые дали умножаются. Только тягуче-тяжелый цвет дымки над тайгой, покрывающей хребет, — красноречивое подтверждение их отдаленности.

К Разливанке подходят старые вырубки. На них шумит березняк. В половодье речки набирают большую силу. Всюду видны вырванные с корнем деревья, разбросанные по берегам и затопленные водой. Через них, как через пороги, падают стеклянистые гнутые водопады. Вода, бегущая с белков, холодная, стремительная, шум далеко слышно. Глотнешь — зубы ломит.

Горные вершины сияют своей белизной. Снега — истинное украшение хребта. Отсюда отлично видны скалистые гребни, углы скал, россыпи, протянувшиеся на восток. По черным уступам клочьями и лентами белеют снежинки. Старые осыпи, где уже нет камнепадов, засеяют лишайники. Остальное пространство выше леса сплошным ковром покрывает яркая сочная зелень. Низкие облака постоянно висят, то уплывают, то снова появляются на фоне гребня. Причудливые армады их медленно крадутся над острыми вершинами или ниже, придавая величие этому красивому хребту.

Пока идем вдоль речек, сквозь сплошной шум торпильной воды слышим перезвон перелетающих куликов-перевозчиков или голоса поющих самцов горной трясогузки. Последние, как правило, садятся на макушку пихты или березы и, нахохлившись, покачивая длинным хвостиком, негромко поют, но голосок их обладает особым свойством — он прорывается сквозь шум воды. Подобными

голосами наделены живущие на горных речках оляпки. Они не только слышат пение птиц своего вида, но и присущие им позывные голоса, а это очень важно, потому что голоса их однообразны, но режущие слух звуки «дзи-зи-зиз-из-зи» одолевают всепоглощающий шум воды. Такие же звуки подают их птенцы, чтобы не потеряться и не погибнуть, иначе родители не смогли бы их найти, увидеть среди заваленных лесным мусором, разноцветными валунами берегов.

Около десяти километров тянется дорога у подножия небольших гор. На них видны могучие одинокие лиственницы, заросли спиреи и жимолости татарской. Начинаются пышные злаковые луга, на которых дружно поднялись островки и полосы молодых березок и ив. На лугах обязательно держатся сорокопуты-жуланы и черноголовые чеканы. Птицы проявляют беспокойство: чекай и трепещая крыльями, порхают по макушкам трав и березок чеканы; «жек-жек» — беспокоится сорокопут, пока мы проходим мимо луга, где у них гнездо. Иногда из буйной зелени влажных луговин прозвучит резвая трескучая трель певчего сверчка. Слышно далеко, а вот увидеть птицу трудно. Порой удается заметить, как листья и стебли травы колышались, подрагивают: именно там и пробирается скрытый певец.

И снова мы меряем километры, пока не дойдем до мостика через речку Палевую.

Палевая Яма

Сразу за мостиком, справа, открывается Палевая Яма — большой лесистый распадок, уходящий к самым вершинам Ивановского хребта. По долине течет громко-голосая речка Палевая. Само урочище исстари называется Палевой Ямой. Здесь Палевая сливается с Разливанкой, и пышнотравной долиной несут они свои воды к подножию невысоких гор до слияния с Белой Убой. За

ней вздыбились угластые, скалистые, с редкими деревьями вершины. Склоны их покрыты кедрово-пихтово-лиственничной тайгой. Это Линейский хребет, разделяющий собой Белую и Черную Убу.

Глубоко в плоть хребта врезается долина Палевой, широкая и отлогая. Странное название речки и долины объясняется очень просто: с прошлого века, как известно из описаний Г. А. Щуровского, путешествовавшего здесь с экспедицией, случались пожары — палы. Леса в Палевой горят не потому, что здесь часты грозы, а потому, как ни странно, что по гарям много лесной малины, красной смородины, грибов и кедровых шишек, а значит, в этих местах нередко бывают люди: из-за их неосторожности и возникают пожары.

Полтора века прошло со времен путешествия Г. А. Щуровского. Казалось бы, сейчас, когда так хорошо поставлена пропаганда охраны лесов от пожаров, их не должно быть, но совсем недавно здесь опять прошел опустошительный огонь. И виной тому был тоже человек, оставивший незатушенным костер. Красивое, доступное это урочище. Дорога идет далеко в долину и кончается перед густым кедровником, покрывающим крутой склон спуска, и узенькой, набитой копытами тропкой уходит к вершинам белка, к перевалу, за которым в глубоком провале лежат истоки реки Тургусун. Река эта начинается из высокогорных озерных чаш, расположенных у основания островерхой группы гор под названием Черный Узел.

Проходивший этими местами Щуровский видел Палевую Яму обгоревшей. Вот и сегодня черные, сухие, полуразвалившиеся стволы погибших кедров и лиственниц, пихт и берез скелетами врезаются в небо. У ног их бушует сиренево-розовый огонь цветущего кипрея. Долина озвучена перегудом и перезвоном пчел, жуков и других насекомых. Среди рухнувшего сухостоя и гниющих стволов поднялась жимолость алтайская, которую здесь называют барбарикой. Ширятся заросли кустарников ма-

лины и смородины. И опять люди — едут на лошадях, машинах, приходят пешком. Приезжают за ягодами и на отдых классами и группами ученики, поэтому нет гарантий, что печально названное урочище вновь не обойдет очередной пожар. Сколько раз мы с юннатами гасили здесь оставленные незатушенными костры, до которых нет никому дела. Неужели суждено быть вечно обгорелой этой злосчастной Палевой Яме, а нам вместо шумящих на ветру деревьев видеть их обгоревшие останки, мрачно гудящие в ненастье?

Сибирский пришелец

В этой долине среди могучих обгоревших лиственниц мы однажды встретили сорокопутов — сибирских жуланов, которых в восточной части Рудного Алтая я искал почти десять лет. И на то были основания: один-единственный сорокопут найден казахстанскими орнитологами еще в 1948 году в горах Убинского хребта, недалеко от города Лениногорска. С тех пор этот вид и числится в списках птиц Казахстана. Однако неизвестно, гнездится он на территории республики или нет. Был добыт только один самец, поэтому не исключено, что птица могла оказаться залетной.

Сибирский жулан населяет обширную область Восточной Сибири, и здесь, вероятно, проходит самая западная граница его распространения, хотя и отмечена одна-единственная птица. И вот в июле 1980 года, проходя с юннатами гарью, заросшей высокими травами в Палевой Яме, я заметил вдаль на вершине погибшей высокой лиственницы сорокопута. Увидев пролетающее мимо насекомое, он тут же свечой взвился ввысь и легко поймал добычу, затем присел на прежний наблюдательный пункт. Сидел, пока не заметил какое-то насекомое снова, и в одно мгновение стремительным рыжим огоньком опять догнал его, щелкнул клювом и плавными кругами сел уже

ниже на выступающую из зарослей малины и кипрея корягу. Броская, необычная легкость и стремительность полета птицы насторожили: в бинокль рассматриваю ее и обращаю внимание на ее рыжий ступенчатый хвост. Этого уже достаточно, чтобы узнать, кого имею честь видеть. Торопливо объясняю ребятам, что это — сибирский жулан. Сбрасываем рюкзаки и все теперь некоторое время наблюдаем за охотящейся птицей. Мы без труда заметили и то, что жулан с добычей садится на одну и ту же корягу, а потом ныряет куда-то вниз и вылетает уже без добычи. Юннатки — Ира Ляпунова и Света Петрова, — соблюдая необходимую в таких случаях осторожность, медленно углубляются в заросли. Видны только их светлые походные кепки.

— Нашли! — вскоре кричит Ира.

Три головастых сорокопутенка, оставивших уже гнездо, сидели вместе на коряге. Они ничем не отличались от птенцов европейского жулана, и если бы мы не знали, кто их родители, то и не обратили бы на них никакого внимания. Пока девочки наблюдали за интересной семейкой, расположившейся на вывернутой коряге, я заметил вдали еще пару жуланов. И снова нельзя было не восторгаться той легкостью, с которой они довольно высоко поднимались над обгоревшими вершинами одиночных деревьев. Скоростью и маневренностью сибирские жуланы напоминали мухоловок. В глаза бросался их ярко-рыжий ступенчатый хвост, который все время был в работе. Охотятся они в основном за летающими насекомыми. Мне везло в этот день, и я имел возможность сравнить сибирского и европейского жулана, поскольку в кустарнике гнездилась и пара европейских жуланов. Они тоже ловили пролетающих насекомых, но так высоко при этом не взлетали и были лишены стремительной воздушной грации и пируэтов, которыми удивляли нас сибиряки.

Юннатки подошли совсем близко к птенцам. Несмотря на их присутствие, самец и самка продолжали кормить

птенцов. Мне же удалось сделать фотоснимки. После этой встречи гнездование сибирского жулана в Казахстане можно было считать доказанным.

Мы продолжали наблюдать за ними, чтобы найти какие-нибудь существенные отличия от европейского жулана. Родители птенцов проявляли по отношению к нам должную осторожность. С характерным тревожным чеканьем они некоторое время порхали среди торчащих из травы коряг, от возбуждения крутили своими рыжими хвостами, причем так отчаянно, словно хвост был прикрепленным на шариковом шарнире.

— Мне кажется,— вдруг сказала Ира,— когда сорокопуд подергивает хвостом, он как-будто бы пальцем нам грозит: не трогайте, мол, моих птенчиков.

Птицы вскоре успокоились, так как ребята больше к птенцам не подходили и не тревожили их, ведя наблюдения. Жуланы-родители, осмелев, продолжали кормить своих головастых большеротиков, вооруженных уже крепкими клювами с небольшим крючком на конце.

В этом же году в долине, недалеко от села Поперечного, в березово-лиственничном редколесье мне встретились еще две пары сибирских жуланов. И у них тоже были птенцы. Теперь можно было надеяться, что в будущем они станут обычными в этих местах, но на следующий год здесь жуланов уже не было. Несомненно, сработала известная давно закономерность, которую ученые-зоологи называют пульсацией границы ареалов: это когда какой-либо вид животного поселяется в некоторые годы за пределами своего обычного распространения, выходя за границы свойственного им жизненного пространства. Птицы не всегда закрепляются на новых землях и в последующие годы снова отступают восвояси. Проходит несколько лет, и попытка расселения снова повторяется. Таким образом, граница их жизненного пространства как бы колеблется, как это и имело место в данном случае с жуланами.

Прошел еще один год, и однажды у Белоубинских озер, пробираясь среди густой травы, одиночных старых кедров и лиственниц, покрывающих склон Линейского хребта, на высоте около 2000 метров над уровнем моря я снова заметил на сухостойной, посеревшей от времени кедрине сибирского жулана (европейский жулан так высоко у нас не гнездится). Взял бинокль: на голой ветке одиноко сидел самец сибирского жулана. Он тут же продемонстрировал охоту за пролетающими мимо насекомыми. Пойманных им крупных жуков безжалостно накалывал, как шашлык, на острые сухие сучки дерева. Я сидел за крупным валуном, обросшим по краям сибирским можжевельником, и наблюдал. Вдруг сорокопут стремительно летит в мою сторону, камнем падает в редкую траву и в следующий миг взлетает и несет на свое дерево небольшую ящерицу. На этих высотах живут только живородящие ящерицы, в глаза бросается ее брюшко, окрашенное в ярко-оранжевый цвет, спинка же коричневая и кажется почти глянцевою. Сорокопут отъедает ее головку, а туловище насаживает на торчащий тонкий и острый сучок. В это же время из невысоких кустиков то ли можжевельника, то ли жимолости алтайской, растущих между валунов, от основания деревьев вылетает самка. Окраска у нее тусклее, чем у самца. Слабоструйчатый рисунок нижней стороны тела отличает ее от самца, имеющего нежно-розоватую окраску. Подобно птенчику, выпрашивающему корм, она трясет коричневыми крылышками и так же, как птенец, протяжно пищит. Несколько угрюмый вид самцу придает яркая черная полоска, проходящая через глаза. Она, грубо говоря, делает сорокопуга похожим на разбойника с перевязанным черным платком глазом. Самка настойчива, не отступая, она по-детски просит есть. Самец с пиратским видом срывает ящерицу с сучка и отдает попрошайке. Самка тут же принимается ее поедать. Насы-

тившись, она без сожаления бросает остатки в траву и, легко соскользнув, скрывается среди зарослей.

Самец же по-прежнему остается сидеть, выжидая пролетающую добычу. Вероятно, самка насиживала кладку, потому что именно в это время самки некоторых птиц склонны выпрашивать добычу у самцов. Гнезда их мне найти не удалось.

Вот почти и все наблюдения, которые нам удалось сделать об этих птицах. И в заключение можно сказать, что граница западного распространения этого жулана проходит несколько восточнее села Поперечного, расположенного в долине между Ивановским и Убинским хребтами на востоке Казахстана.

Таежная избушка

Разухабистая дорога, уводящая вверх вдоль Палевой, по которой прежде возили лес, кончается через два-три километра, и, переходя в тропку, угодливо обходя лесины, весело бежит в гору. Кончается гарь. По сторонам пихтово-кедровая тайга словно стискивает гибкую тропку с обеих сторон. По мере подъема справа постепенно нарастает шум речки, сбегаящей с Ивановского хребта. Там, где она прижимается к тропе, устраиваем привал. Речка в тени леса. Она ревет и клокочет, разбрасывая по сторонам ледяные брызги. Куда они долетают, там зеленой шубой камни и пни покрывает мох. От воды веет холодом близких белков. Там и сям видны перебросившиеся через речку березы и пихты. Водный клеткот и раскатистый шум наполняют прибрежную тайгу. Здесь птичьих голосов не слышно, только гулко колотятся, бурлят тугие, вихрастые буруны.

Огибая крупноствольные кедры, тропа неожиданно резко взбегает в густой кедряч. Солнце с трудом пронизывает его сплошной хвойной Полюгой, Власомья рассеяном свете мельтешат вездесущие насекомые. Высоко в

им. А. П. ГАЙДАРА

темных сводах крон поют зеленые пеночки, возмущенно — «эй-эй-эй» — перекликаются буроголовые гаички. «Члив-члив-чев-чев», — поднимает крик поползень, следующий вместе с гаичками по седому стволу давно засохшего дерева. Горячими глазами лета прямо с обочины тропы смотрят обвешанные гроздьями прозрачных ягод кусты красной смородины. В этом месте пути по Палевой Яме спутники мои дружно рассыпаются и, набирая полные пригоршни кислой смородиновой ягоды, жадно жуют, покрякивая и морщась, глотают до тех пор, пока оскома не осядет на зубах.

Тропа всегда сырая. Ноги скользят, плывут по желтой глине. Дожди здесь — частые гости, да не гости, пожалуй, а хозяева на этой высоте. Воздух до предела напоен влагой, вдоль тропы — сомкнутый древостой, поэтому на ней обязательно встречаются отпечатки точеных копыт косули; широко поставленные, остророгие, как два полумесяца, следы лося. Нередко и медведь проходит здесь. Каждый раз, как только на глаза попадались медвежьи следы, растянувшаяся группа спутников тут же молча подтягивалась: легкий страх перед хозяином тайги дисциплинирует. Обычны на тропе следы лошадей, коров, которых перегоняют здесь на высокогорные летние пастбища. На этом участке Палевой и подходит к концу день нашего пути, мы направляемся к избушке, спрятанной в лесу на левом берегу речки. Еще недавно тропы к ней не было, меньше было и посетителей. Теперь тропка эта стала заметнее, больше появилось на ней и гостей. Сворачиваем направо и идем на шум речки. Над ней в беспорядке наваленные ободранные стволы упавших деревьев, растопыривших оголившиеся ветви. Образовались скользкие мосты.

Деревянная избушка под дощатой крышей стоит на высоком берегу. Одолев бревенчатый мост, прямо с берега приходится карабкаться вверх по крутой тропе, цепляясь за кусты смородины и малины. Таежные из-

бушки однотипны: восемь—десять бревенчатых венцов, квадратное окошечко, его главное предназначение — зимними рассветами предвещать находящимся в ней людям приближение утра. Охотники с рассветом уходят на соболя, а возвращаются поздним вечером, чтобы обогреться, поужинать и переночевать. Перед дверями избушки наподобие предбанника узкий дощатый полукоридор. Он здесь необходим: метели заметают избушки по самую крышу. Пристройка выручает — можно открыть двери, в ней охотник оставляет лыжи, вешает на гвозди, вбитые в бревна, капканы и прочие охотничьи снасти. Здесь же складывает дровишки, чтобы на ночь глядя снегом не занесло. Двери в избушку маленькие, почти квадратные, так что когдаходишь, то коленями достаешь собственный подбородок. Внутри избушки нет ничего лишнего: справа, как обычно, — нары; слева — скамейка подле маленького дощатого столика, прилепленного к окошечку; в углу у двери — каменная или железная печурка; на столике — жировушка, банка с жиром для огня и тряпичный фитиль. С первым шагом в зимнюю колыбель охотника охватывает чувство тесноты: прокопченные горьким таежным дымом за десятки лет крыша и стены, сырой, спертый воздух.

За избушкой, в сторону от реки, тянется зарастающая кипреем гарь. Из травы поднялись молодые березки, торчат обгоревшие коряги, кедровый ветровал. За гарью начинается крутой склон лесистого ялбана — округлой вершины. Выше 2000 метров над уровнем моря лес мельчает и уступает место карликовой иве, тундровым лугам. На них темнеют заплаты густых и низких зарослей карликовой березки. Сизыми клубками стоят куртины ивы. Серые потоки каменных осыпей стекают с вершины. На них кое-где закрепились ручейками осоки, куропаточья трава, бадан.

Вечер медленно опускает сиреневый занавес заката. Тонкой позолотой вспыхивают высокие облака. По ще-

лям густеет лиловый сумрак. Быстро темнеет, и тайга становится единой, черной, погружается в таинственное молчание. Готовясь к ночлегу, разбираем рюкзаки. Вскоре у избушки под кедрами среди двух камней оживает разведенный костер. Чуть в стороне землю устилает толстый слой кедровой шелухи. На сучьях и вбитых в стволы гвоздях висит нехитрый инвентарь для обработки шишек — рушилка. Сделана она из железного корыта и деревянного барабана, который, вращаясь, давит зубьями — рушит шишки. Тут же валяется цинковое решето для отсева орехов.

За хребтами, охваченными дымкой, скрывается багровое солнце. На старой гари среди черных скелетов коряг тревожно свистит соловей-красношейка. Осмелев, мыши и полевки ссорятся сиплыми голосами, возятся в траве, под стенами избушки. Сумерки густеют. Звезды становятся чище и ярче. Разлохматившиеся кедровые дремлют около избушки, внимая рокоту речки. Луна, показавшаяся над хребтом, равнодушно созерцает отходящий ко сну мир. Пока кипятится чай, мы расстилаем спальные мешки на избушке на нарах.

Листья и ягоды малины, черной смородины вперемежку с клубничным листом, корнями коричневого шиповника и несколькими веточками душицы вместо заварки бросаем в кипяток — получается великолепный напиток. Если удастся собрать малины или смородины, варим компот. Остужаем его в ледяной речке и пьем.

С вершин тянет холодом. Глухо ропщет тайга и, кажется, еще усиливается рокот неугомонной речки. Как правило, за ночь раз-другой пройдет кратковременный дождь, а под утро в небе ни облачка. Пронзительная синева завораживает. Звенит голосами птиц проснувшаяся тайга, освещенная косыми лучами солнца. С восходом его у избушки появляются поползни. С тихим мышинным писком — «сит-сит-сит» — деловые пичужки, ни секунды не задерживаясь на месте, прыгают по шер-

шавым стволам вверх и вниз, боком — вправо и боком — влево. Вечно вздернутый кверху клюв, темная полоска через глаза на серо-голубой крупной головке придают им, откровенно говоря, несколько странный вид. Пополз-ни не умрут от застенчивости: оглядев нашу компанию, они сразу считают нас своими и всем, что лежит на виду, согласны даже поделиться с нами. Они без страха садятся и осматривают наши рюкзаки и прочие вещи; звенят посудой; припасенные шишки тут же начинают беспардонно шелушить (будто их нет рядом на кедрах); летят с орешками и тут же на глазах прячут по щелям пней и деревянных стен избышки. Им известны все щели в этом лесу. Потом громко, как молотком, отчаянно стучат они своими крепкими клювами по сухостоине или пересохшей колодине. Со стороны можно подумать: дятел долбит. Но вскоре поползнию надоедает быть заготовителем, и он без сожаления оставляет хозяйственные дела, свою работу.

Позавтракав, мы продолжаем путь. Вновь перебираемся по скользким бревнам через ревуший поток. И, кажется, машут нам платками толпящиеся на берегах густо-синие соцветия живокости высокой. Ледянисто вспыхивают капли влаги на ладонях, и грустно смотрят нам вслед умытые дождем фиалки.

К Тургусунскому перевалу

Подъем на Тургусунский перевал затяжной и тяжелый. Сто потов прольешь, десять раз отдохнешь, прежде чем дойдешь к его вершине. Тропа тянется крутым склоном в тени вековой тайги. Где-то внизу не умолкает речка. От нее и с белков стекает холодящий воздух. Солнечные блики сверкают недвижимо на глянцевитых листьях буйных трав. В косых лучах серебрятся диски паучьих сетей. Громко кричат кедровки, таинственно по-свистывают невидимые шуры.

— Кедры здесь — настоящие великаны. Внизу стволы лишены ветвей, и только высоко, ближе к вершине, густым облаком зеленеют кроны. У тропы кусты смородины манят зрелыми ягодами. Злаки выше человеческого роста. Время от времени доносится из гуши кедрово-пихтового леса стук, словно кто-то тайком подрубает стволы. Подрубит, подрубит и внимательно слушает — не увидел ли кто? Потом вдруг раздражается громким плачевным криком, будто сожалея, что свалил дерево. Это черный дятел — желна. Его не видно, только по силе удара могучего клюва можно узнать, что это именно он. Тропу то и дело перегораживают ветровальные лесины. На них удобно присесть, отдохнуть. Не успеешь дух перевести, как слух ловит шорох. И тут как тут выскивающий ягоды или кедровые орешки бурундук, суетливый, восторженный и озабоченный.

Однажды на подъеме к перевалу из-под ног, испугав идущего впереди юнната, выпорхнула глухарка. Следом за ней, неуклюже перебирая ногами, торопились три глухаренка. Они пытались взлететь, но запутывались в траве. Ребята взяли одного из них на руки: мягенький, нескладный, он испуганно пищал, пока мы его разглядывали. Распустив крылья, сминая траву, в трех шагах от нас объявляется самка и кричит, словно медведь в капкане. Видно в траве, как мелькают ее рыжие крылья. Немедленно выпущенный глухаренок недалеко отлетает и мягко падает в траву. Копылуха замолкает — семья в сборе. Нас несколько озадачило: почему всего три птенца? В их кладках мне встречалось обычно по шесть и даже по восемь яиц. Причину узнаем почти сразу: на старой ели замечаем гнездо ястреба-тетеревятника.

Гнездо расположено на высоте четырех метров от основания ствола. За эти годы уже более трех раз появлялись в этом старом гнезде птенцы. Заметив наше приближение, сидящая на гнезде ястребиха молча соскальзывает и на поразительной скорости, лавируя среди

стволов, скрывается в лесу. Чаще всего самка, которая отличается от самца более крупными размерами, первой начинает проявлять беспокойство. Она быстро летает среди деревьев, громко, пронзительно крича. На глаза, как ни странно, не показывается. Не то, что соколы. Когда находишься у их гнезда, они, напротив, уходят ввысь, обращаясь в точку, и пристально следят, что происходит. Ястреб же прячется и где-нибудь отсиживается. Особенность эта позволяет выслеживать добычу, сидя на суку. Появление в поле его зрения ничего не подозревающих птиц или зверьков зачастую оборачивается для них трагедией. То же самое, видимо, случилось и с глухаринной семьей, которая живет по соседству. Заглянув в гнездо тетеревятника, мы нашли останки молодых чернозобых дроздов, лесных коньков и глухаренка.

Ястребы во время охоты способны развивать поразительно высокую скорость и на бреющем полете удивительно быстро лавировать среди стволов деревьев. Таким образом облетают они свои охотничьи участки. Мне, например, на всю жизнь запомнился случай, когда ранним утром я осторожно пробирался долиной Убы, выслеживая гнездо серого снегиря. Я старался не упустить из виду птицу, которая, до отказа набив пищевой подъязычные мешки, летела к гнезду или, возможно, к уже вылетевшим птенцам. Со всех сторон, перебивая друг друга, бубнили кукушки. Витиеватые трельки высвистывали зеленые пеночки. Лес дышал сыростью и прохладой. В лучах солнца, пробившихся под полог листвы, сновали всевозможные летающие насекомые. Вдруг прямо над головой — сильные резкие вздохи. Сразу и необразишь, что это? Я успел только набрать полную грудь воздуха, поддавшись инстинктивному оцепенению. И в тот же миг, едва не задев меня округлыми крыльями, над моей головой, обдав тугой волной воздуха, промчался тетеревятник. Пережив легкий испуг, я так и не понял: как можно так мчаться, не натываясь на

плотно стоящие стволы и ветки пихт и елей? И тогда мне подумалось: «Хорошо, что я не рябчик и не глухарь — не миновать бы когтей!»

Ястребы ловят не только промысловых птиц. Успешно они охотятся и на зверьков, а на Алтае — на распространяющую в верхнем поясе леса и выше алтайскую пищу. На одном из склонов Линейского хребта, как мне известно, загнездившаяся пара ястребов за лето выловила полностью колонию пицух, в которой было не менее 30—40 зверьков. Я неоднократно видел, как они на скорости у самой земли проходили между кедров, наводя ужас на птиц и тех же пицух.

Еще некоторое время у найденного гнезда собираем погадки этих хищников. В них не только перья, но и косточки мелких грызунов. Еще раз убеждаемся, что ястреб не только охотник на пернатую дичь, как о нем принято думать, но и успешно ловит грызунов. Приходят мысли, что эта большая и красивая птица могла бы оказаться в числе тех хищников, которых мы сегодня вынуждены внести в Красную книгу и охранять прежде всего от себя же. Спасает его умение быть незамеченным, внезапно появляться и исчезать. Тетеревятник — не обычная, а случайная добыча охотника, которые его страшно не любят как конкурента. А если подумать: была дичь, были и ястребы, и много, но катастрофического исчезновения охотничье-промысловых видов животных до сих пор в природе не наблюдалось. Теперь же мы перед фактами не только сокращения их численности, но и уменьшения площадей их распространения — ареалов. Это уже очень серьезно. И понятно, что причина не в ястребе и не в соколе, якобы конкурирующих с охотниками.

Вскоре тропа спускается к речке, победный шум которой оглашает ущелье. Сбрасываем рюкзаки, устраиваем продолжительный отдых, наслаждаясь прохладным воздухом. По речке, бугря воду, выпирают валуны, слов-

но покрытые живым стеклом или текущим хрусталем. Искристые брызги — во все стороны. Они кропят свисающие с обрывистых бережков камни, покрытые бархатисто-зелеными подушками с золотистыми подпалинами мха. На нем, будто перемигиваясь, горят солнечным огнем капли. Вдоль речки выше человеческого роста поднялась синими факелами живокость высокая. Разметав широченные ладони пальчатых листьев, склонился дягиль, за ним теснятся борщевики и борцы в голубоватых и синеватых башмачках цветков. По берегам, в воде стоят, подрагивая, цветущие калужницы. От воды тянет прохладой и свежестью. Привораживают взгляд разноцветные окатыши и угластые обломки камней. Среди них разные по окраске и рисунку яшмы. В прошлом веке ее здесь добывали и увозили на Кольванскую шлифовальную фабрику. Теперь о них забыли, и лишь случайный путник обратит внимание на камни замечательной расцветки. Выберет себе один-другой как сувенир, потом еще и еще и, убедившись, что не унести, с сожалением оставит за исключением одного-двух. Тяжеловаты они: не для рюкзаков, набитых до отказа. И так к ним за время перехода приходится заново пришивать лямки крепкими суровыми нитками либо жильной леской, в крайнем случае — медной проволокой. Фабричные швы этой тяжести не выдерживают.

Тропа от речки ведет вверх, в разрез гор, где в скалистых темных щелях белеют остатки снега. Идет сплошной кедрач. Прямо к тропе на высоте 1700—1800 метров выходят причудливые бело-голубые цветы водосбора железистого, или аквилегии. Поднялись слева и справа пышные кусты маральего корня, сосюрен Фролова. Стеной чемерица. Стоит сойти с тропы — по пояс уходишь в ее заросли, а в ушах сплошной шум жестких и широких листьев. Белой накипью пенятся заросли лабазника шестилепестного, источающего тончайший медовый аромат. Из зеленой пучины простреливает золо-

тистая желтизна крестовников, золотой розги. К этому букету запахов присоединяется запах хвои, настоявшийся во влажном нагретом воздухе. От испарений душно. И только волны холодного воздуха, прорывающегося сквозь таежный заслон, освежают голову.

Пока идешь, чего не передумаешь, чего не увидишь! Из леса доносятся голоса разных птиц. Цикают обеспокоенные лесные коньки. Слышится свист снегиря, тихое пересвистывание скрытных щуров. Охрипшими голосами перекликаются буроголовые гаички. Они чаще других птиц попадают на глаза, пересекая парочками и семейками лесной разрыв над тропой. Птички, как намагниченные, с лёту прикипают к стволам в неожиданных позах, удивляя легкостью и изяществом. Робко и коротко вдруг выдаст витиеватую трель черногорлая завирушка, усевшись где-нибудь на самый высокий кедр с отсохшей вершиной. Песенка ее — тихий посвист с дребезжащей россыпью переливчатых звуков в конце. Она всегда неожиданна, и поет ее завирушка, словно бережется от чужого глаза.

Сияющие чистые небеса в ясный день, кажется, со всех сторон подпирают островерхие колпаки скалистых вершин. С них, как от дымящихся костров, тянется вверх дымок светлых испарений. Они на глазах густеют и формируют серебристые облака, которые час от часа ширятся. Легкое серебро их также быстро переплавляется в тяжелые серо-свинцовые тучи. И тогда солнце не в состоянии прошить их своими лучами и огнистой каймой оно оплавляет лишь их светлые закраины. Вскоре тайгу наполняет шорох падающего дождя. Шумом наливаются чемерицевые луга, и цветы покорно опускают головки под падающим дождем. Если за стадами туч видны еще голубые поля неба, мы забираемся под ближайший раскидистый кедр и, как под зонтом, ждем, когда выглянет солнце. Если нет — набрасываем на головы и рюкзаки куски полиэтиленовой пленки и продолжаем подъем. От

дождя вес рюкзаков очень скоро увеличивается чуть ли не вдвое — тогда идти становится еще труднее.

Желтая глина тропы, избитая копытами животных, становится маслянистой. Идти трудно, потому что стараешься поставить ногу на камень или корни, пересекающие тропу. По ним можно шагать, как по ступенькам.

И хоть дожди здесь — явление частое, они так же быстро заканчиваются, как и начинаются. Выплакавшись, пролетающие тучи спешат куда-то дальше, за хребты, гонимые верховым ветром. Притихшие горы и тайга снова оживают. Лес полнится птичьим гомоном. Сверкающие жемчугом капли стекают с листьев на парящую землю. Весело поднимают склоненные головки очаровательные аквилегии. На венчиках цветущих лютиков не высохшие капли дождя смотрятся золотистыми, у фиалок — бархатно-синими в серебристой оправе, и, как льдинки, сверкают они на листьях манжетки.

Кедры постепенно редуют, чаще встречаются лиственницы. И те становятся уже ниже, кряжистее. У верхней границы леса прохладно. Ветер бьет, как в распахнутые окна, свежий и холодящий. Мы подходим к последним, выходящим прямо к тундровым лугам кедром и валимся в тень. Завораживает панорама гор, укрытых сплошной тайгой.

Тропа уводит к вершине отрога. То и дело приходится останавливаться, чтобы отдышаться, и кажется, что кедры медленно и нехотя остаются внизу. О голенища сапог скребут и цепляются низкие кусты кедрового стланика. Среди них стоят мохнатые переростки, поднявшись в человеческий рост. Издали они кажутся озадаченными заблудившимися путниками. Стоят в раздумье — куда идти? Некоторые деревца флагообразной формы: за их кривыми стволиками косматой гривой в одну сторону крона. По западинкам, мочажинам сизыми шарами раскатились кусты карликовых ив. Глухо шумит тугой ветер, прилетевший с близких вершин.

Беспокойно чекают гнездящиеся в зарослях садовые камышовки. Покажется и тут же исчезает скрытная обитательница непролазных зарослей бурая пеночка. Обеспокоенная варакушка в синем передничке вдруг вспорхнет на макушку кустика и снова нырнет и упадет в зеленом войлоке. Высота — около 2000 метров. Стланики внизу уступили место зарослям березы, которая сплошь одевает округлые склоны и вершины отрога. Выглянет солнце — идти жарко, скроется — тянет холодом, коченеют руки. Приходится натягивать на голову капюшон штормовки. Не знаешь, как подладиться: так переменчива температура.

Уже, кажется, совсем близко вершина Ивановского белка. С высотой чувствуешь, как восторгом от ощущения свободы переполняется сердце, прибавляются силы. Но чаще и чаще приходится поглядывать на небо. Над перевалом, куда лежит путь, в перерывах между дождями небо постоянно занавешено бегущими облаками или серой водяной пылью. Тропа то теряется в низких осоках, то снова прорезает стелющуюся сплошным ковром зелень. Ноги по щиколотку тонут в мягком, как губка, мху, оставляя вдавленные следы — вмятины. Но сразу же мох, словно дыша, набирает воздух, на глазах расправляется, не оставляя и признаков следа. В его способности «заметать» следы угадывается важное свойство природы самозалечивания и самоочищения.

Глядя на приземистую щетину растений, покрывающую гривы, нетрудно догадаться, что погодные условия не балуют: очень часто свирепствуют сильные ветры, а по ночам температура воздуха опускается к нулю, иногда и ниже. Поэтому и высота зарослей березки в четверть ниже. И странно видеть, когда из высокогорного карликового леса севший на стебелек белокрылой бабочкой далеко белеет цветок трехреберника, нивяника или астры альпийской, похожей на си-

нюю мохнатую звезду. Где еще увидишь, чтобы цветы были выше деревьев?! Осоки, увешанные темно-коричневыми сережками, местами сплошь покрывают землю. Играя серебристым тонким пухом, ветреница длинноволосая склоняется под ветром. По хребтинке, где почвенный слой особенно тонкий, ворсистые коврики расстелила дриада острозубчатая, или куропаточья трава, украшенная скромными звездочками цветов, распластав по земле продолговатые листочки с пильчатыми краешками. Некоторые цветки облетели, и на их месте вьются сухие рыжеватые кудри. Где тише, в низинах, стоят аквилегии. Вперемежку с ними растут синекудрые альпийские змееголовники. Встречаются западинки и низинки так густо усыпанные ими, что кажется, будто затекла туда густая синяя краска. Налетающий ветер по-хозяйски ворошит бело-розовые шарики и хвостики цветущего горца альпийского. Повсюду желтыми свечами поднимаются мытники. Болезненной бледностью охвачены лепестки горечавки холодной.

Идти на подъем тяжело. Но радостно видеть далекие горные хребты, сливающиеся в зыбкие волны, между которыми чернеет дремучая, нехоженная тайга. Слева — широкий провал. Отлогие склоны уходят круто вниз. Там, в глубокой долине, виден ручеек. Противоположные склоны усыпаны стволами деревьев, подрезанных снежными лавинами. А со стороны кажется: кто-то рассыпал спички — такие они светлые (отбеленные солнцем) и издалека мелкие. Много на Алтае подобных лесовалов — следов страшных снеговых стихий. На вершине гривы после получасового подъема снова сбрасываем ношу. Ребята ложатся, положив на рюкзаки гудящие ноги. Отдохнув, достаем фотоаппараты и снимаем открывшуюся панораму гор с видом на Линейский хребет. Вершины его подобны шлемам рыцарей-великанов, покоящихся на горной

гряде. Некоторые вершины покрыты серыми безотрадными россыпями. Величие горной гряды захватывает, и нас долго не покидает ощущение вечности и могущества природы. Воздух здесь, как родниковая вода, чист и свеж; внизу из провалов доносится рокот рек; ровно, словно дышит, ропщет разбуженная под ветром тайга; над хребтами бездонное небо, по которому плывут сказочно перламутровые кучевые облака, — словом, здесь есть все, что нужно человеку. Но ловлю себя на мысли: прежде всего необходимы человеку себе подобные — люди. И лишь порой, устав от забот, мы рвемся в природу, где не только отдыхаем, но и насыщаемся добротой и бодростью.

На каменистых вершинах, где земля начисто лишена трав и мха, стоят голостебельные маки. Стебли у них жесткие и упругие, на головках сернисто-желтые нежные лепестки. Кажется, дотронься до них или дунь — и лепестки опадут. Но, видно, нежность и хрупкость не всегда показатель нежизнеспособности. Гнет их холодный ветер, бьет град, мочит дождь, а мак стоит. Стоит и радуется каждого, кто его встретит.

Пока мы, ползая на коленях по щебенистой почве, фотографируем маки, над нами неотступно выются и тревожно цикают горные коньки. В промоинах и прочих углублениях, выдутых ветрами и вымытых дождями, спрятаны их гнезда. «Пси-пси-пси», — тревожно кричат они, пританцовывая в воздухе. Устав, птицы опускаются на выступающие камни, и тогда видно, что у этих серых пичуг длинные, как у трясогузки, ноги и также нервно они покачивают длинными хвостами. Постоянно встречаясь с обитателями горных высот Алтая — горными коньками, — я часто вспоминаю один эпизод. Как-то мы с юннатами поднимались альпийским лугом на Линейский хребет, я заметил, как около одного из них выпорхнул горный конек. Тут же в ямке находилось его теплое, аккуратно построенное из про-

логодней соломки гнездо с четырьмя пестро-коричневыми яичками. И вдруг одно зашевелилось, как-то приподнялось, оказывается, в нем сидел вылупившийся только что птеник. Он не успел вывалиться из скорлупы, поэтому на его головке поверх нежного пушка была нахлобучена шапочка от расколовшегося надвое яйца. Птенец поднимал головку, открывал яркий цветной ротик и просил есть. Только вот тоненькая, слабая шейка подводила — плохо держала головку. Но он, одолевая слабость, снова поднимал ее и требовал как можно скорее поесть. Я тут же поймал маленькую пузатую кобылку, отделил от головогруды брюшко и сунул его изрядно проголодавшемуся, а точнее никогда еще не евшему, большеротику. Он жадно проглотил подачу и бессильно уронил голову. Птеник в чепчике восхитил нас своим аппетитом. Такой будет жить!

Поднимаясь косогором, на котором белели остатки грязноватого снега, мы с опаской поглядываем на разверзшийся слева провал. В одном месте у обрыва углом выходят скалы, и отсюда видна вся впадина. С противоположной стороны она отгорожена отрогом хребта с выровненной платообразной поверхностью. За ней, в тесной щели, затянутой черным лесом, — русло Белой Убы. Из открывшейся глубокой щели, словно гигантские паровозные клубы пара, вылетают пухлые облака, которые подхватывает, терзает и рвет ветер. Куски и обрывки их мчатся вверх, на перевал.

На склонах, покрытых альпийскими лугами, постоянно встречались выводки красивых и редких птиц высокогорий Алтая куликов-хрустанов, а также белых куропаток. Хрустаны на большой скорости бегают, тревожно покрикивая и кивая головками. «Ка-ка-ба! Ха-ха-ха!» — громко и дико кричат взрослые куропатки взлетая. Следом, по-цыплячьи цивкая, поднимается с десяток серых птенцов. Отлетают они недалеко и один за другим опускаются в низкотравные луговины, где,

казалось бы, спрятаться негде. Но вот попробуй отыскать — нелегкое это дело. И если уж это удавалось, то, глядя на птенца, удивляешься: его не отличить от зелени, хотя он имеет пеструю окраску. Впечатление создавалось такое, что он не спрятался, а врос серым камнем. Отрываешь его, как зрелый плод, вросший корнями в эту укрытую низкими травами землю.

Здесь, на высоте 2000—2100 метров, ощутима прохлада снегов. Слышно, как на перевале спит и шумит ветер, рассекаемый острыми углами обломков камней, заваливших гриву. Над перевалом обычно стоят против ветра обыкновенные пустельги. Ни единого движения, словно это вплавленный в нежную синеву крестик, — так смотрится издали силуэт маленького соколка. Не редкость одиночный или пара кружащих беркутов. Орлы заходят так высоко, что только в бинокль узнаешь — кто это.

Еще немного, и мы достигаем огромного по здешним масштабам снежника — не менее 500—600 метров длиной при ширине 50—70 метров. Такие снежники относят к типу присклоновых, образуются они при действии преобладающих ветров, сдувающих снег с юго-восточных склонов хребта. Он занимает северный склон. Толщина его велика. Снег спрессовался. В солнечные дни он ослепительно сверкает, в непогоду — серый, как туча: вся поверхность его покрыта тонким слоем пыли, занесенной сюда ветрами. В пасмурные дни после дождей воздух теплеет, снег твердеет и становится скользким, передвигаться по нему небезопасно. Приходится выбивать каблуками уступчики, чтобы не поскользнуться и не улететь вниз, на острые камни. У основания снежника зарождаются сотни мелких ручейков. Сливаясь, они образуют более крупные, а те, прорезав раскисшую землю, вырываются на зеленые луговины и, сверкая ершистыми всплесками, прыгают через подводные камни, устилающие русло. Голая, серая жи-

жа земли, не вскормившая ни единого ростка жизни, производит удручающее впечатление. Сапоги тонут по щиколотку, когда идешь по этой серой грязи, перемешанной со щебнем. А чуть ниже земля затянута изумрудно-зеленой сочной зеленью, которая сохраняется до самых снегов. Ее усыпали мириады белых, напоминающих ромашку, очень мелких цветков ясколки. Ее так много, что стоит только отойти, как кажется: заболоченные луговины припорошены снегом. У кромки снега в ледяной воде, склонив рясные фиолетовые соцветия, стоят примулы снежные. Трогательно нежные цветки их слегка покачиваются. Из густой осоки поднялись золотые цветки дороникума. Родиола розовая, или золотой корень, на тонких стеблях, усеянных мясистыми листьями, подняла над землей бледно-желтый зонтик усатых цветков. Похожая на нее, лишь мельче, на заболоченной почве кустится другая родиола — четырехчленная.

По сообщениям некоторых орнитологов, именно в таких местах должны бы встречаться редчайшие кулики — бекасы-отшельники, живущие в высокогорьях азиатских хребтов. Мы с ребятами специально задерживались на луговинах у снежника и обходили болотинки с надеждой поднять эту таинственную птицу, но ни разу ее не встретили. И лишь тонкие, чуть густые посвисты оживляли небольшую долинку у снежника: на осыпях, перепархивая и прыгая с камня на камень, всегда держались пара-две гималайских завирушек. В нагретых камнях они находили пауков, затягивающих тенетами провалы и просветы между гранитными глыбами.

На границе вечных снегов мы видим нежные первоцветы снеговые, или примулы. Сиренево-фиолетовые краски теплеют на их лепестках. Цветы у снежника, дышащего холодом, кажутся дерзостью, вызовом природе суровых вершин. Тут же на сырых лужайках поднялись белые с кремовым оттенком колоски, похожие на мохнатых гусениц. Это соцветие лаготиса цель-

нолистого, или, как его еще называют, ванильной травки. В каждом колоске собрано множество крошечных цветков в белых венчиках лепестков вокруг утолщенного зеленого стебля. Среди лепестков парные синеватые тычинки. Неброские у него и листочки: они у самой земли, чуть вытянуты, в зубчиках, сверкают глянцем. Что же привлекает в лаготисе? Его цветки источают тончайший аромат ванили. Среди вечных снегов и холодных ветров мы видим «ванильные» лужайки. Где не прижилась неприхотливая трава, земля покрыта мягкой фланелью золотисто-коричневого мха. Он весь словно прострелян картечью. Не сразу и поймешь, откуда эти частые дырки? Но достаточно день-два пробыть на этих высотах, и все станет ясно: здесь очень часто выпадает град. Им и прострелян, словно шкура зверя, плотный мох.

Здесь мне приоткрылась история изменений, происходящих в природе. В первые годы посещения этого массива, перед тем как взойти на перевал, я видел, что площадь и высота его к концу лета заметно уменьшались. Исчезали нависающие бугры: он становился почти плоским. У его основания, когда снег отступал, обнажались крупные плиты, обломки камней самой разной окраски. Большую часть этих камней покрывал сопревший, почти черный мох и сгнившие накипные лишайники. Кое-где открывались потемневшие и раскисшие кривые стволы карликовой ивы и березки. Понятно, что когда-то часть осыпей была открыта, росли травы и кустарники, теперь они оказались похороненными под снегом. Наступили засушливые 1974 и 1975 годы. Сушь овладела не только тайгой, в которой обычно залитые водой колдобины и болотца напрочь высохли, но и тундрой гор. Сочно-зеленая трава, растущая на мочажинах и проточных болотах, настолько высохла, что с хрустом ломалась и пылила под ногами, словно идешь не по горной непросыхающей тундре, а по осенней по-

лупустыне. Небольшие снежники тогда все растаяли, а те, что покрупнее, сильно уменьшились и стали плоскими и тощими. Когда от них остались жалкие потемневшие лоскуты, на дневную поверхность вышли камни, на которых не было никаких признаков растительности. Неужели за многие сотни, а может, и тысячи лет, с тех пор как камни рассыпались по склонам, ни одна живая травинка или лишайник не поселялись на них? Выходит, всегда было холодно на этих высотах, что подтверждает предположение об иссушении климата Центральной Азии.

Факты эти тем более интересны, что в других местах Ивановского хребта совершенно иная картина, что наводит на противоположную мысль. Выше границы современного леса, в районе урочища Медвежья тропа, среди низкотравных участков тундры, где нет даже карликовых форм кустарников, встречались крупные стволы кедров и лиственниц, сильно изъеденных ветрами. Тела их причудливо вылизаны, истончены вокруг узлов и сучьев, на которых, как известно, древесина значительно крепче. Лет пятьсот, а то и больше может пролежать в этих условиях смолистый ствол кедра или лиственницы. Только за многие века его так живописно и искусно сумели «обглодать» ветры и вымыть дожди. Если так, то получается, что на этих высотах прежде было теплее, чем теперь.

На снежнике обычны следы медведей, решившихся уйти за перевал. В одно лето после сильного устойчивого ветра, который сопровождали затянувшиеся дожди и похолодание, на снежнике оказалось невероятное количество божьих коровок самой различной окраски и разным количеством на крылышках округлых точек-глазков. Снег местами от них пестрел.

Витя Чернов, любитель коллекционировать насекомых, больше часа бродил по снегу, выцарапывая замерзших жучков. Вероятно, массовую гибель их можно

объяснить миграциями при сложившихся неблагоприятных погодных условиях. Интересно, знают ли о таких перелетах специалисты-энтомологи?

В середине лета снежник обычно лопается. Глубокая, налитая мутно-зеленоватым светом трещина уходит на три-четыре метра в глубину. Так мы узнали о его толщине.

Одолев снег, попадаешь на сплошную каменную осыпь. Плитовидные разноцветные обломки камней завалили седловину. Некоторые покрылись разноцветными прикипевшими к ним лишайниками с черными мазками бархатистого мха. Между ними кое-где на надутой земле зеленеют ямки, будто залитые до краев нежной зеленью сфагнома, или топорщатся тонкие угнетенные листья скальной осоки. Ногу ставишь с камня на камень, часто прыгая. Терять равновесие нельзя... Лошадь или корова здесь обречены сломать ноги.

У Черного Узла

С перевала, достигающего немногим более 2500 метров, открывается грандиозный вид. С юга встают грозные остроконечные вершины мощного горного узла. Он соединяет подходящие к нему крылья Ивановского и Ульбинского хребтов. Со стороны острые скальные пики кажутся почти черными, поэтому горную группу называют Черный Узел. Всюду по отвесным щелям заплатами белеет снег, готовый в любую минуту сорваться. Даже издали нет-нет да услышишь, как с грохотом летят по горам камни со снегом, увлекая за собой другие. Оторвавшийся мощный осколок, скача по уступам, разлетается на мелкие камни, которые густым веером рассыпаются в разные стороны. Местами среди неприступных обрывов серыми пятнами застыли стекающие россыпи. За скалы Черного Узла постоянно цепляются

облака и то серебристой, то темно-серой чалмой охватывают его островерхую голову.

Между перевалом и Черным Узлом корытообразный провал с широкой долиной. На дне ее в окружении безжизненных осыпей блестит озерко. Из него, нырнув под камни, выбегает речушка и вскоре же впадает в другое озерко, такое же плоское, блюдцеобразное, но несколько больше верхнего.

Озерко это через край выливает речку, которая, огибая крупные валуны, кипя и бурля, бежит этой долиной. По пути в нее вливаются другие речки и ручьи, образуя Малый Тургусун. Пробираясь глубокой узкой щелью среди отвесных стен, ниже он встретится у развилки с Большим Тургусуном — стремительной и порожистой рекой, имеющей высотный перепад почти в две тысячи метров, несущей свои воды к Бухтарме.

На перевале встречаются выводки и стайки тундряных куропаток, которые внезапно появляются перед нами, словно из-под земли. Не сразу и сообразишь, что произошло: ни с того ни с сего оживают вдруг серые однообразные камни и дружно прыгают по осыпям впереди. И только присмотревшись, узнаешь в них пестро-серых птиц, легко перемещающихся по макушкам валунов. Куропатки глухо квохчут, трясут от волнения пестро-черными хвостами. И когда птица решает перепорхнуть, то на крыльях хорошо заметными становятся белые полоски маховых перьев. Со стороны картина непривычна: перед группой идущих людей в нескольких шагах бегут и бегут куропатки, будто это вовсе не дикие птицы, а куры, которые видят человека каждый день в собственном дворе. Только о тундряных куропатках можно сказать, что живут в наших краях непуганые птицы. И понятно, что встречи с ними вызывают неопишуемый восторг у юннатов.

На крыше хребта

С перевала мы направляемся вдоль хребта по его вершине на восток. Спина Ивановского белка как бы прогибается, и начинается пологий и долгий спуск.

Спуск облегчает наш путь с рюкзаками. Ребята по двое разбредаются в надежде увидеть что-нибудь интересное, вспугнуть птиц или зверей. Здесь все далеко видят друг друга, и нечего бояться, что кто-то отстанет. И тем не менее, когда туман внезапно затягивает вершины, трудно ориентироваться, не знаешь: в какую сторону ты шел. Поэтому горы нужно знать, иначе можно заблудиться.

По зеленой хребтине можно идти и удивляться заснеженным вершинам, бесконечной цепью уходящим вдаль, каждой травке, растущей на этих суровых высотах. С горных вершин открываются завораживающие панорамы далеких хребтов, над которыми до синевы спрессован далью воздух. Редкий день облака здесь не прольются слезами дождей. Безоблачные, ясные дни — большая роскошь. Подтверждает это специальная литература, в которой отмечается, что именно это место наиболее влажное во всей азиатской части СССР. Ежегодно осадков, преимущественно в виде дождя, выпадает более двух тысяч миллиметров. Непросыхающие горы!

Однажды на этом пути мы увидели двух воронов. Летели они неторопливо и громко перекликались, вдруг откуда ни возмись на них ринулся сокол-балобан. Мне не раз приходилось наблюдать этих соколов в природе: все они были рыжеватые, сходные по окраске с обыкновенной пустельгой. Этот же поражал своей красотой — белые с темными пестринками по вершинам перья, как у полярного кречета. Со свистом рассекая воздух, балобан настигает воронов. Однако стремительное нападение несколько не испугало черных птиц. Они словно и

не видели его, продолжая лететь над горной тундрой по-прежнему размеренно. Я уже ожидал шлепка от удара сокола и представлял, как облако темных перьев подхватит ветерок. Но, к моему удивлению, этого не случилось. Издав громкие кричающие звуки, вороны разом ловко перевернулись вверх лапами. Несомненно, это послужило для атакующего балобана серьезным предупреждением. Почти не теряя скорости, словно отскочив от них, балобан в одно мгновение взмыл вверх и повторил нападение. Но каждый раз атаки его заканчивались отражением воронов.

С этих увалов водораздельной части хребта отчетливо видны зубчатые, похожие на древние развалины полуразрушенные скалы. Они венчают вершину западной оконечности небольшого хребта, служащего водоразделом между реками Белой и Черной Убой. Хребет называется Линейским. Название свое он скорее всего получил за строгую протяженность с запада на восток вдоль соседнего с ним Коксинского хребта. За обширной долиной, к которой слева подходит Линейский хребет, а справа Ивановский, небосвод закрывает гигантский кряж хребта Холзун.

У самого подножия одной из остроголовых вершин этого хребта блестит до краев налитое сочной синевой Кедровое озеро. По этой вершине, несмотря на то, что позади уже почти двадцать километров, идешь без усталости.

Опустишь взгляд — перед глазами щетинистые куртины термопсиса, роднолы четырехчленной, алтайских и двуцветковых фиалок, низкорослых многочисленных трав, словно по ним только что прошла стригущая машина: по высоте они все одинаковы из-за сильных ветров. Особенно удивляют крошечные ивы. Ботаники называют их карликовыми. Они так малы, что и мысли не приходит: перед тобой деревца. Их несколько видов, но в одном они похожи: едва-едва поднимают свои стебельки

над землей, а чаще просто лежат. От корешка, пущенного в зеленый мох, отходят желтоватые или даже слегка красноватые стебли. Они стелются и едва приподнимают верхние молодые листочки. По высоте эти ивы равны спичке, редко — мизинцу взрослого человека. На эту высоту поднимаются цветки-сережки. Выходит, что соцветия у них выше дерева. Стоят пуховые рожки этих соцветий, пройдешь рядом — не заметишь. Однако уже с середины лета, когда на этих высотах весна в разгаре, они дружно светлеют, пушатся. Под ярким солнцем и напористым ветром светятся, словно сотканые из белоснежной искрящейся паутины. Теперь пройти по тундре и не заметить их невозможно. Они кругом. Их шерстяные сережки, будто перышки, растерянные какой-то белой птицей. Самое высокое растение на обдуваемых ветрами каменистых участках тундры — шульция косматая. Она смело поднялась над землей почти на вершок. Крепкий стебелек травы одет разными, как у ромашки, листочками, а на вершине округлый грязно-желтый с темными «глазками» невыразительный зонтик. Низинки, где этих растений много, кажутся ажурными. Во время ветров они подрагивают и создается впечатление, что склон накрыт прозрачной воздушной тканью. Встретится на пути западинка поглубже, где ветра меньше, — в ней обязательно толпа спрятавшихся от ветра водосборов. Они не избалованы условиями — низкорослы, но в крупных сине-бело-желтых цветах. Бывает, встретишь маралий корень-одиночку. Здесь он тоже карлик, но вершинка его с сиреневым помазком цветка, в котором лениво копошатся вялые от холодных ветров жучки. Целыми выводками стоят похожие на ромашку с голыми стебельками цветки трехреберника, часты лужайки копеечника альпийского, или, как его именуют местные жители, белочного корня. Присмотришься — и вправду копеечник: листочки вокруг листовой оси, как копейки. А сколько их — не так-то просто сосчитать.

Много! Кустик возвышается на пятнадцать—двадцать сантиметров. С макушек гроздьями свисают сиренево-лиловые соцветия. Ветер играет ими, оттого они покачиваются и будто бы вызывают неуловимую для слуха музыку, которую ветер уносит с собой. Корни его осенью и ранней весной охотно копают медведи, выедавая нежные части. Там, где паслись медведи, земля в полном смысле слова бывает перепахана, словно копали картофель. На самых каменистых, едва прикрытых травинками лужайках горят одиноко голостебельные маки. Здесь действительно часты всесокрушающие ветры, ночные заморозки, затяжные промозглые дожди, переходящие в град, а маки цветут, удивляя стойкостью, нежностью и скрытым теплом. Кажется, можно подойти и погреть о них озябшие руки.

На крыше хребта из птиц наиболее многочисленны горные коньки — настоящие жители тундры. Шагая по плоской вершине, видишь, как они постоянно взлетают с земли, садятся где-нибудь на выступающий камень и, покачивая длинными серыми хвостиками, тревожно покривают: «Пси-пси-пси!»

Почва не успевает просохнуть, и на разжиженной глине, пересыпанной щебенкой, темнеют провалы следов лося или медведя. Где плиточные сланцы сплошь покрывают прогалины, из года в год гнездятся быстро бегающие кулики-хрустаны. Его и заметишь только тогда, когда он стремительно бежит, огибая ловко кустики травинки или выступающие камни, или проявляет тревогу, увидев человека около гнезда. Голосок его звучит звонко, красиво — «крри-и».

Необычная встреча

Как-то в сентябре мы спускались к озеру. К небольшой группе юннатов присоединились тогда два закадычных приятеля — Андрей Никитич и Владимир Петро-

вич — большие любители путешествовать, хоть им и было уже тогда за шестьдесят. Рассыпавшись по вершине хребта, мы шли к истокам Белой Убы. Кое-где по тенистым склонам водораздела белел первый сухой снежок. Тундра зачихала, покрылась желто-коричневыми, золотисто-медными и бордовыми пятнами. Чувствовалось приближение холодов. Высокие хребты и макушки гор уже были покрыты снегом. Пожелтели заросли березки.

Я шел впереди. Мое внимание вдруг привлекла свежевспаханная земля: словно только что работал здесь лопатой огородник. Осмотрев выброшенную землю, я заметил на ней обгрызенные корешки альпийского копеечника. Отчетливо были видны широкие отпечатки медвежьих лап. Мои спутники, идущие позади, о чем-то громко, как мне показалось, спорили. Звери, видимо, услышав наше приближение, скрылись. Приложив к губам палец, даю знать всем нашим: тихо!

— Что?— спрашивает шепотом Андрей Никитич.

— Медведь! — показываю на копки.

Поднимаю бинокль, внимательно осматриваю ближайšie склоны. И вдруг чувствую удар в бок. Не успев сообразить, что произошло, слышу, как Андрей Никитич истерично шипит:

— Медведь... Медведь...

А сам трясет меня что есть силы за рукав, тычет пальцем куда-то в сторону, где круто обрывается вершина хребта к долине Белой Убы, и при этом безостановочно поддает мне локтем в бок. Метрах в тридцати вижу, как медленно из-за ближнего увала поднимается темная медвежья голова. Зверь встал на задние лапы и смотрит на нас.

Мне давно хотелось увидеть и сфотографировать медведя в природной обстановке, поэтому я резким движением сбрасываю рюкзак и ружье. Выхватываю из рюкзака фотоаппарат и бегу к медведю. Небольшими, как бы ленивыми прыжками, высоко вскидывая зад,

зверь бежит впереди. Стараюсь не отстать. Хорошо вижу, как ходят выпуклые горбы мохнатых лопаток и широкоую в затылке вскидывающуюся крупную голову. Медведь быстро уходит, но то и дело оборачивается. И каждый раз я вижу вокруг шеи кольцо белой шерсти. Расстояние между нами все увеличивается, зверь скрывается за обрывом. Через несколько секунд на краю его оказываюсь и я. Но удивительно: зверя нигде не видно. Жадно глотая воздух, просматриваю длинное и узкое снежное поле, чернеющие скалы, верхние одинокие кедры под обрывом — нет. Поворачиваю вправо — и не верю своим глазам: на снегу стоит мой медведь, а с ним два медвежонка! Один годовалый, почти черного цвета. А другой совсем маленький, кажется, чуть больше спаниеля и... совершенно белый. Теперь я понимаю, что бежал за медведицей. Мгновенно мелькает мысль: хорошо, что медвежата оказались далеко и я не сумел ее догнать. С медведицей, как известно, шутки плохи: необдуманное преследование могло мне дорого обойтись. Увидев меня над обрывом, мать-медведица тут же встала во весь свой гигантский рост и, резко вскинув вверх лапы, слегка подпрыгнула. Чуть прокатилась вниз по снегу, но тут же резко вскочила и повторила свой прыжок заново. Эти угрожающие позы были адресованы мне. Вероятно, таким вот образом она демонстрировала свои размеры и ярость, грозила расправой. Но самое удивительное, конечно, белый детеныш.

Он стоял, безучастно опустив голову. Белые пушистые задние лапы его были сильно перепачканы глиной (словно мальчишка в белом костюме сел в глину, а теперь стоит и показывает испачканные штанишки). А пестун (годовичок) поджарый, тонконогий, стоял, будто вырубленный из темной скалы. В следующий миг, хотя и непонятно, что послужило для них сигналом, все дружно повернулись и задали стрекача. Впереди мама, за ней — старший медвежонок и позади — малыш. Около

меня появляются мои спутники. А между тем бегущая троица внезапно останавливается. Медведи разом повернули головы, на какое-то время замерли в неподвижных позах и снова резко и согласованно припустили вдоль снежника. Так повторилось раза три. Наконец они оказались у края большой серой осыпи, крутым шлейфом стекающей со склона. Мы поражаемся, глядя, как они легко поднимаются по осыпи. Медведи уменьшались на глазах. Прошло не более минуты-двух, и они стали похожи на маленьких игрушечных зверят. «Вот тебе и «не уключий как медведь», — подумалось мне.

— Альбинос? — спрашивает Сергей.

— Кто его знает? Понимаешь, в глаза не пришлось заглянуть, — отвечаю. — Далековато было...

Тем временем Андрей Никитич читает мне мораль, рисуя ужасные картины возможного конца моей встречи с медведицей.

Как бы там ни было, но встреча эта для меня и моих товарищей оказалась самой памятной. Это был первый медведь, увиденный нами здесь. Среди диких гор звери воспринимаются совсем не так, как в клетке зоопарка. Там можно спокойно созерцать самого опасного зверя и спокойно есть мороженое. Мы привыкли к тому, что мощные прутья, отгораживающие зверей от нас, — надежный заслон, поэтому сила и лютость отдельных животных нас вовсе не волнуют.

Следующим летом в этих же местах, но по другую сторону хребта, ближе к истокам Тургусуна, мы заметили сразу семь медведей — две семьи. Они паслись на пышных субальпийских лугах. Больше всего запомнилась мне огромная рыжая медведица с тремя медвежатами-лончаками. У другой, совершенно черной самки, было два угольно-черных пестуна такого же возраста. Незаметно для самих себя они оказались друг против друга. Некоторое время постояли и разошлись со своими детьми в разные стороны. Рыжая поднялась к основанию

снежника, из-под которого текли мелкие ручейки. Земля подле него обратилась в сплошную липкую жижу. Чуть ниже поднялся мощный нежно-зеленый травостой. Медведица повалилась брюхом в грязь, вытянула лапы, умиротворенно положила голову и некоторое время лежала, наслаждаясь прохладой. Затем, лежа на прежнем месте, стала скусывать сочные стебли. Тем временем ее мохнатые шалуны играли: они на брюхе, почти распластавшись, настойчиво карабкались по скользкому снежнику вверх. И оттуда или также на брюхе, или кувырком скатывались и летели прямо в грязь. Вся эта возня и карабканье сопровождалось «хулиганством». Ползущего впереди обязательно задирали следующий за ним. Он отчаянно хватал его зубами за лапу или «штаны» и старался во что бы то ни стало стянуть вниз. В ответ тот поворачивался, огрызаясь, и отвешивал брату (или сестре?) щедрый тумак. Тут поспевал третий медвежонок, и вся эта «куча мала» с характерным урчаньем, кувыркаясь, летела в грязь. Медведица не смотрела за порядком. Дети ее в эти минуты были предоставлены самим себе.

Мы же с восхищением наблюдали за непривычной для нас сценой медвежьей жизни. Глядя на эту семейку, я невольно вспоминал медведей, которых приходилось видеть в зоопарках: томимые теснотой вольеры или клетки, они, бедные, не знали, куда себя деть, не то что в природе, на просторе, для которого они созданы.

Именно в этих местах наши пути неоднократно пересекались со зверями, которые шли на кормежку или отдых. Состоялась встреча и с гигантским, почти черным самцом, только что задавившим в стаде сразу одиннадцать коров, пригнанных пастухами на высокогорные пастбища. Однажды я наблюдал, как, чего-то испугавшись, возможно, даже нашего говора, с противоположной горы к нам навстречу по зернистому снежнику огромными прыжками мчался медведь. Перед ним фонтанами разлетался серебристыми брызгами снег. Он вре-

зался в непроходимые заросли кедрового стланика, и только удивляться приходилось, как его темная спина виднелась над зарослями, достигающими человеческого роста. Все-таки удивительный зверь — медведь, вездесущий и всеядный. Он прекрасно плавает, лазает по деревьям, быстро бегаёт даже по очень крутым скалистым склонам, по-своему сообразителен, порой хитер и коварен. И страшно, когда такой зверь становится людоедом или решается нападать на домашний скот.

В карликовых джунглях

Когда до конечного пути, к озерам, остается два-три километра, от сознания, что скоро отдых, сил прибывает. Мы молча и целеустремленно преодолеваем пружинящие под ногами сплошные заросли карликовой березки. Стволы удивительного кустарника густо переплетаются, образуя сплошную зеленую чашу. Идти по такой местности тяжело: березка либо толкает вперед, либо назад, ноги путаются. И поэтому, когда идешь, то приходится, словно маршируя, поднимать выше колени.

Когда продираешься сквозь заросли березки, то уже после недели ходьбы по ней на носках сапог, вокруг подошвы кожа светлеет, и совсем скоро появляются дыры.

В зарослях круглолистой березы, как правило, живет особый алтайский подвид белой куропатки, населяющей высокогорья Алтая и Саян. На территории Казахстана эти куропатки встречаются только здесь, на востоке республики. Под пологом сплошных зарослей у них проходит почти вся жизнь. Тут они устраивают свои нехитрые, но хорошо замаскированные гнезда прямо на земле в небольших углублениях, выстилая их сухими травинками, иногда мхом и лишайниками. Зимой птицы становятся белыми, летом — пестрыми (серыми с рыжеватыми пестринками), так что очень трудно заметить куропатку на гнезде, даже рядом сидящую: от густых

листьев березки пестрит в глазах. Свет и тень создают сплошную рябь под стать ее расцветке. Поэтому увидеть ее на ходу почти невозможно. Бывает, набредешь на гнездо и пугаешься внезапного взрыва крыльев куропатки. Слетит самка, яйца в гнезде у нее пестрые — их тоже нелегко увидеть. И такие же пестрые и незаметные у них птенцы. Вот уж поистине белые куропатки в зарослях березки — это птицы-невидимки.

На участке пути в зарослях, покрывающих огромные пространства отлогих увалов выровненного водораздела хребта, куропатки встречаются всегда. Поэтому, когда мы идем с юннатами, то обычно расходимся здесь на пять—десять метров один от другого и цепью бредем через заросли в надежде поднять хотя бы одну. Пока идешь, постоянно натыкаешься на их «лежки» и «купальни», помет. Там, где куропатки отдыхали, встречаются утерянные ими белые перышки. Когда ищешь глазами следы пребывания их, то забываешь, что они могут быть где-то рядом и даже пугаешься их внезапного взлета. Пока опомнишься, поднявшаяся птица с громким хрипловатым криком, будто простуженная от сырости и ночных заморозков, летит на изогнутых крыльях низко над горами и беспрестанно кричит. Затем бросается в заросли и пропадает из виду. Поднять ее снова очень трудно: во-первых, она быстро перебегает в другое место и, во-вторых, при необходимости ловко затаивается.

Вспоминается случай: застав врасплох семью куропаток на вершине округлой горы Ивановского хребта недалеко от Медвежьей тропы, я принялся ловить птенцов с целью узнать состояние их оперения. Размером они были чуть меньше перепелки. С тонким плаксивым писком птенчики прыгнули в разные стороны. Однако мне все-таки удалось прямо на лету поймать двух. В тот же миг откуда ни возьмись с громким басовитым гаканьем под ноги мне клубком упала самка. Она кричала, кувыркалась, отбегала и, увидев, что птенцы кричат в моих руках,

снова бросалась под ноги, шумя крыльями. Ее удивительное поведение сбивает с толку, буквально теряешься, не знаешь, что делать, а в сердце при виде страдающей птицы тотчас появляется тревога. Самец, дергая пестрым и распушенным, как у курицы, хвостом, вытянув шею, бегал по голому склону, возмущенно «квакая». Он был таким же серым, как и самка. Только ярко-красная бровь придавала ему маскарадно-шутовской вид. В клювах птенчиков были зажаты еще не проглоченные жучки, которые еще шевелили лапками. Это было доказательством мгновенной реакции птенцов на опасность: они даже не проглотили свой корм. Так и держали свою добычу, пока я фотографировал их, делал промеры и взвешивал.

В ненастье птенцы белых куропаток не разбегаются далеко от родителей и большей частью сидят, греясь под самкой, которая прячет их под собой. Согревающая птенцов мамаша походит на модный пестрый зонт, кем-то оброненный среди мокрых камней и низкорослых трав. В длительное ненастье птенцы быстро мокнут в траве, могут быстро переохладиться и погибнуть, но тепло родителя их спасает от этого.

Мне хочется рассказать об одном трагикомичном случае, который произошел на этом же хребте с незадачливыми туристами. К моему приятелю, проживающему в городе Лениногорске, из европейской части нашей страны приехали погостить молодожены-родственники с намерением побывать в горах Ивановского хребта, о красоте которого много раз слышали. Это действительно один из красивейших хребтов на Алтае: многочисленные высокогорные озерки, пихтово-кедровая тайга, причудливые скалы, светлые листвяжники, многокрасочные альпийские луга, снежники, отвесные скалы создают неповторимое сочетание и на всю жизнь запоминаются каждому, кто хоть однажды побывал здесь.

Приятель посоветовал им идти к высокогорному озе-

ру, расположенному недалеко от Серого Луга. В этом озере, одном из немногих, водится рыба. Остальные в зимнее время промерзают до дна, а вскрываются довольно поздно — в конце мая — начале июня, поэтому живность в них практически отсутствует. С трудом добравшись до места назначения, молодые поставили палатку и оставшуюся часть дня наслаждались дикой красотой гор. С наступлением ночи развели костер из сушняка лиственницы и кедра. Вскипятили чай. А потом еще некоторое время сидели у огня, вслушиваясь в голоса ночи. Окружающие их скалы и одиночные деревья становились все таинственней. Вспомнились рассказы о том, что здесь много медведей. Это их настораживало и заставляло постоянно вслушиваться. И вдруг, к ужасу своему, они услышали неподалеку совершенно незнакомый крик. Сначала им показалось, что кто-то громко и грубо переговаривается на непонятном языке. Ребята струсили. Опасливо оглядывались, поворачиваясь в разные стороны. Уж не идет ли кто к ним в этот глухой полуночный час? Из осторожности, чтобы не привлечь «чужаков», пригасили костер и забрались в палатку. Но басовитые и крикливые голоса слышались уже с разных сторон. Только теперь это были уже не просто голоса, а какой-то дьявольский хохот. Не суеверными были молодые люди, но в этих ночных диких горах, когда видимость до предела ограничена и каждый камень или скала невольно кажутся каким-то пугающим существом, бесшумно шевелящимся, холодок проползал по их спинам. До рассвета просидели они, со страхом слушая голоса неизвестных грубоголых полуночников. А с рассветом без сожаления оставили озеро и поспешно вернулись в город. На этом, понятно, их путешествие в горы и окончилось. Встретив их на другой день дома, мой приятель был удивлен.

— В чем дело, почему так сразу вернулись? — спросил он.

— Не поверишь,— говорили они наперебой,— всю ночь у твоего озера не спали: кто-то так жутко кричал! Если бы верили в нечистую силу, подумали бы, что черти или лешие...

— Это точно,— участливо поддержал их мой друг,— только зовут тех чертей всего-навсего белыми куропатками...

Однажды в зарослях березки я встретил болотную сову. Встреча с этой птицей, обитающей в основном в поймах рек, вблизи озер или где-нибудь на мочажине у ключика в степи, была для меня полной неожиданностью. Сова взлетела, повернулась против ветра и, не отрывая от меня взгляда, плавно взмахивала легкими крыльями. Удивлению моему не было предела: здесь, на высоте 2000 метров над уровнем моря, я видел болотную сову, кто же мне поверит?

Обычные в зарослях варакушки прекрасно приспособились прятать гнезда в толще мха. Ведь там теплее. Иногда удавалось отыскать здесь круглое гнездо-шалашик малюсенькой пеночки-зарнички. Эта серовато-зеленькая птичка устраивает свои гнезда обычно под прикрытием искривленных стволиков березки. Вылетит насадка из своего шалашика у ног, а ты стоишь и гадаешь, где же ее дом? Найти его бывает трудно: в каждое углубление опускаешь палец, пока не наткнешься на вход к ее такой же маленькой тайне из пяти-шести яиц величиной почти с горошину.

Между зарослей местами проступает оголенная дресва, на ней либо глубоко врезанный рогатый след сохатого, либо вмятина, похожая на след большого валенка. Кто же мог ходить летом по грязи да еще в валенках? Конечно, медведь. Убедиться в этом вовсе не сложно: достаточно присмотреться, как увидишь на грязи впереди носков следа прорези мощных когтей.

На пороге Райской долины

Для гольцового пояса этих мест очень характерны «проточные болота». Другой раз и не знаешь, назвать их болотом или внезапно прерывающимися реками, ширина которых порой достигает десяти — двадцати метров, иногда и больше. Но это не река и не болото в прямом смысле слова. Иначе и не назовешь как «проточные болота». Они мелкие, бывает, едва тонким слоем воды покрывают землю. Питают их лежащие где-нибудь выше или рядом снежники. Вода в них холодная и чистая. И чем солнечнее день, тем «живее» болота. На разливах их встают сплошные однообразные поля алтайского лютика. В пору цветения, которая приходится на июль, «болота» обретают необычно яркую маслянисто-желтую окраску. А там, где заболоченные низинки уступают место раскисшим от воды глинистым склонам, стоят такие же однообразные заросли дороникума алтайского. Сочная и нежная зелень листьев его и стеблей венчает раскрытая в солнечных лепестках корзиночка. Издали — красиво! Вблизи же скоро разочаровываешься: однообразие его цветов на больших площадях не вызывает восторга. Впечатление такое, что смотришь на безвкусно засаженный газон. Такая одинаковость скоро утомляет.

На гребне Ивановского хребта уже нет кустиков березки, а выступают ободранные жесткими ветрами каменистые гряды, усыпанные тонким плитняком. Торцами в небо выглядывают из глубин угластые упаковки этого плитняка, будто гигантские, почерневшие, вкопанные в землю обугленные книги. А около тонкие листы их и осколки камня сплошь устилают землю. Изредка среди них стоят низенькие мясистые стебли родиолы розовой. Здесь же растут ее ближайšie, очень похожие родственницы — родиола четырехчленная и родиола холодная. Некоторые камни одеты пышными молочно-зелеными подушками ягеля. Встречаются поляны известного ле-

карственного растения термопсиса альпийского. Невысокие кустики его с пальчатыми листочками сплошь одеты в нежный серебристый пух. При ветре листочки и стебли, отворачиваясь, как бы обнажают серебристый подбой, и тогда растения светятся густо-холодным серебром. От их дрожания и колыхания в глазах рябит. Поэтому-то и на душе становится так же беспокойно, неудобно, как у воды на берегу в ветреный день. На этих почти голых местах постоянно гнездится небольшая колония кулика-хрустана.

Спуск по водоразделу заканчивается. Впереди открывается вид на долину, куда и лежал наш путь и где мы из года в год в стационарных условиях проводили сбор орнитологического материала. Когда смотришь на этот угол, в глаза бросается красивейшее озеро с могучими кедрами по берегам. Они окружают озеро со стороны долины, сильно прогнувшейся к руслу истоков Белой Убы. С востока над озером возвышается остроконечная гора. Чуть левее и ниже, за обрезом водораздела, таится другое, почти круглое, озеро. Оно прячется за невероятно древними причудливыми кедрами. Дальше на восток лежит холмистая долина, огороженная вершинами хребтов. Справа, с южной стороны, еще тянется и недалеко отсюда заканчивается Ивановский хребет, по которому мы идем. Слева возвышается угольчатая гряда разлома между Черной и Белой Убой, представляющая южную оконечность Линейского хребта. Вершина заставлена глыбами останцев, похожих на различные диковинные скульптуры. От самого подножия хребта, смыкающегося с долиной, густеют сплошные кедровники, среди них видны лиственницы. Они темно-зеленым пологом покрывают весь этот склон, по которому выступают гигантские каменные глыбы или скалы. С востока долину могучей стеной отгораживает белесый, покрытый россыпями хребет Холзун. Кое-где он прикрыт разреженными полосами кедровников и зе-

леными пятнами нагорной тундры. Высокий, со стороны пустынный и дикий. По его вершине проходит граница, отделяющая Казахстан от Алтайского края.

Издали долина кажется сказочным углом, затерянным среди высоких и молчаливых гор. При взгляде на нее появляется надежда встретить здесь что-то необычное, удивительное. Это действительно уникальная местность Западного Алтая. Много разных и неожиданных встреч состоялось в этих краях с интересными растениями и животными. Порой нам приходилось терпеливо отсиживаться в мокрой траве, под дождем и снегом, подкарауливать, ждать. Когда смотришь на долину, в глаза бросаются серые, покрытые лишайниками каменистые бесплодные осыпи или изумрудно-зеленые бархатистые болота, многорукие мохнатые, кряжистые кедры, поля и холмы снежников, на которых темнеют свалившиеся глыбы. Пристально вглядываясь в них, думаешь: «А вдруг это медведь?» Бывало и так. Но главное, чего нельзя не отметить,— это шум многочисленных ручьев и речек, полированные зеркала озер и свежие горные ветры. Один из моих спутников, увидев долину впервые, с чувством восторга воскликнул: «Райская долина!»

Как-то в августе

Этот удивительный по красоте уголок Алтая постоянно сопровождает переменчивая погода. Каждый летний день развивается как по сценарию: в утренние часы, как только встанет над хребтами солнце, небо чистое как стеклышко. В эти часы природа долины очаровательна. Умытая дождями, осыпанная росами трава горит всеми цветами радуги. Всюду посвежевшая, торжествующая даль. Только внизу, среди разреза гор, в провалах и глубоких долинах клубится белый туман. Рекой заполняет он лесистые провалы. Но как только

солнце встанет над горами, туман медленно поднимается, редет, наливается перламутром, розовеет, а часам к десяти и вовсе тает. Даже самые отдаленные вершины хребтов, обрамляющих горизонт, кажутся ближе и выше. На склонах их, порой расположенных на расстоянии десятков километров, отчетливо видны даже камни, отдельные деревья, снежинки, скалы — так в утренние часы свеж и чист горный воздух. Слышны голоса проснувшихся птиц. Появление в небе хищной птицы, на пышных лугах шныряющего горностая или медведя сопровождается отрывистым писком лесных и горных коньков. С вершин лиственниц и кедров слышны их тревожные голоса.

Нежно и однообразно звучат несложные высвисты пеночек. Среди деревьев мелькает пестрое оперение занятых какими-то своими делами кедровок. Атмосфера утренней свежести некоторое время не омрачается ни единой каплей дождя. Но уже часов в одиннадцать, как только начинает припекать солнце, на склонах появляются столбы испарений, словно ходит кто-то невидимый и зажигает дымные костры. Через полчаса над острыми скалами повисают маленькие клубки светлых облаков. И так по всему хребту: что ни пик, то над ним облако, будто белыми барашками привязаны они к вершинам скал невидимыми нитями. На глазах красивые облака ширятся, наливаются и разбухают от груза восходящей влаги. Серые и отяжелевшие, они кружатся над горами, образуя клочковатые гряды. Еще час-два, и они сливаются в сплошную серую, тяжелую массу, клубящуюся и грозную. И вот уже солнце погасло. Сереют травы. Под небом поселяется тревога близкого ненастья. Слышна она в голосах птиц, шорохе пробегающего ветра, в шуме ручьев. Изорванные, растрепанные ветрами тучи раздражаются холодным дождем. Полнятся от дождя травы и лес монотонным шумом. Умолкают птицы. Лишь изредка слышно, как, спрятавшись

под кедром, цвиркает пеночка-зарничка. Рокот речек, набравших силу от падающего дождя, становится громче, далеко слышится. Уныние и безысходность наваливаются вместе с наступившим ненастьем.

В такое время лучше всего отсиживаться в палатке, на худой конец — под кедром или скалой, иначе уже через десять — двадцать шагов становишься совершенно мокрым. Дождь моросит обычно час-два. Тучи спешат с перевала за перевал. А за ними следом — голубая дорога глубокого неба. Она ширится, разливается. В это время над долиной вспыхивает радуга. Однажды после шумного «слепого» дождя появилась необычно широкая разноцветная полоса радуги. Она закрыла большую часть долины и гольцы Ивановского белка и Холзуна, отчего они казались окутанными светло-оранжевым туманом. Свечение воздуха было столь необычным, что казалось, мы находимся на другой планете. Ничего подобного ни до, ни после мне наблюдать не приходилось.

Да, дожди здесь настолько обычны, что скорее удивляют дни, когда их нет. Но вот однажды мы с Толлей Кочневым остались дежурить в лагере. Члены экспедиции — в основном ботаники — ушли собирать растения. А мы начали готовить ужин: поставили среди камней на берегу Кедрового озера котелок и разожгли костер из сушняка. Вскипятив чай, мы решили побродить вокруг озера. Островерхая высокая гора на его противоположной стороне являлась хорошим барометром: если небо везде безоблачно, а над горой вдруг появляются облака, дружно спускающиеся в долину, значит, с минуты на минуту жди дождя. В этом случае мы опрометью бежали к лагерю, чтобы укрыться и переждать ненастье.

На этот раз из-за горы выползла громадная темная туча. Все вокруг резко посерело. Холодный ветер с каждой минутой усиливался, небо задышало снегом.

Мы с Толей кинулись к лагерю. Однако не пробежали и трехсот метров, как по свинцовой воде озера зацокали крупные дождины. Однотонным шумом зашелся кедр-рач. Умолкли птицы. Вскоре вернулись остальные члены экспедиции. Но в этот вечер нам с Толей пришлось разносить ужин по палаткам, потому что все забрались в спальники. Несколько часов, не переставая, сеял монотонный холодный дождь. Густой туман клубился над озером, путался в ветках кедровника. Налетающий ветер раздувал бока палаток, хлопал намокшим брезентом крыши, потом устало стихал и мерно дробил просяным дождем. И так до глубокой полночи. Мы сидели и лежали в спальниках, боясь поднять голову: достаточно задеть крышу, как с этого места будет стекать струйка воды. А к утру в палатке после дождливой ночи на мешках и брезентовом полу образуются настоящие лужи. И хорошо, если погода установится, а если нет, то так и приходится спать в одежде и в сырых мешках. Уже за полночь дождь утих. Сильно похолодало и стало необыкновенно тихо.

— Все ясно,— сказал Юрий (ботаник по профессии).— Утро будет зимнее. Давайте греться.

Снег шел всю ночь. В легких спальниках и летней одежде стало невыносимо холодно, мы натягивали на себя всю одежду, которая была с нами. Рассветало. Крыша палатки сильно обвисла: завалило снегом. В щели сочился мутно-белый холодный свет. Вокруг была настоящая зима. И это первого августа!

Вставать и выходить не хотелось, да и не было такой возможности: кроме легких кедров на ногах у нас ничего не было. Оставалось ждать, когда растает снег, ждать у зимы лета. Стали совещаться, не спуститься ли нам в быстром темпе вниз, в лес. Там маняще темнела бесконечная тайга. Трудно было представить, что в каких-то пяти километрах в траве стрекочут кузнечики и по-летнему тепло и солнечно.

Один за другим мы выходили из палаток и, обтоптав снег у входа, стояли и не знали: что делать, куда идти? Мы оказались в снежном плену. Плотным ковром в долине лежал снег чуть ли не по колено. Цветущие травы на лужайках у озера с головой были укрыты снежным одеялом. Ветви кедров, отяжелев, обвисли и даже ломались. Мир зимы, казалось, прочно овладел природой в это первое августовское утро. Не поддавалось только озеро. И странно было видеть, как оно плескалось в пышных зимних берегах. Его накатные волны выбрасывались к стоявшим на берегу деревьям, и там образовалась узенькая полоска — между снегом и водой. То, что мы увидели на этой кромке, поразило нас больше всего. Едва способные перепархивать птенцы живущих по соседству соловьев-красношеек, варакушек, лесных и горных коньков, черногорлых завирушек, черноголовых чеканчиков и других пичуг, которые гнездились где-то неподалеку на земле или в кустарнике, каким-то чудом не замерзнув, добрались до этой полоски жизни. Сильно нахохлившиеся, жалкие и несчастные, они дождались своих родителей, время от времени появлявшихся со скупой добычей. Вот уж беда: направо скакнешь — в снегу замерзнешь, налево — в воде утонешь.

Откуда-то взялись кулички-перевозчики и в поисках съестного с печальными перезвонами быстро семенили по берегу, что-то склевывая. Прилетел и вовсе редкий здесь крупный, серовато-белый, на длинных ногах большой улит, тоже кулик. Его красивый флейтовый голос звучал необычно тревожно над горами, укрытыми снегом. Кедровники в это утро стояли сказочно красивые. Одетые в искрящийся под солнцем снег, они походили на опустившиеся к озеру кудреватые кучевые облака.

Но красота леса в тот час нас не волновала. Беспокойло другое — как уйти самим. И, конечно, была мысль: что же будет с цветущими травами и с такими

вот беспомощными полуоперенными птенцами, которые рассыпаны по всей долине? Солнце быстро набирало высоту, и мы, к общей радости, заметили, что по склонам появились темные проплешины. Теперь снег летел и ухал с кедров комьями. Первыми оживленно заговорили синицы-гаички, хлопотливо и восторженно прокричал поползень. Ожили цветы, согнувшиеся под навалившимся снегом, стали выпрямляться, стряхивая снег.

В полдень луга зазеленели вновь — снег отступал. И только в тени скал да в старых мрачноватых кедровниках белели не растаявшие его участки. Совсем позимнему выглядели теперь только горные вершины и тундры. Повеселели и мы.

Снег на высоте более 2000 метров над уровнем моря в горах Алтая — явление не такое уж редкое, но чтобы такой снег — в разгар лета?! Это бывает совсем не часто. Аналогичный случай произошел на Алтае с экспедицией зоологов в конце июля 1935 года.

О ранних августовских снегах, выпадавших в большом количестве именно здесь, у Белоубинских озер, писал и профессор-геолог Г. А. Щуровский.

В июне — июле, не говоря уж об августе, вслед за дождем в этих местах часто выпадает град. При этом в таком количестве, что сплошь покрывает землю. Чашки и кружки, оставленные с вечера на улице, оказываются насыпанными до краев «ледяным горохом». Поэтому просто нельзя не удивляться, как здесь выстраиваются нежные с виду растения и как выживают хрупкие животные?

Много лет прошло с того августовского дня, когда снег завалил горы и тайгу. Но и теперь, как только на вершинах хребтов выпадет летом снег, я живо вспоминаю этот необычный снегопад. Перед глазами встает береговая кромка жизни, на которой сидели нахохленные желторотые, продрогшие и совершенно беспомощ-

ные птенцы. Наверное, поэтому от увиденного снега на летних горах каждый раз становится невесело: как они там, найдут ли островок спасения, свою полоску жизни? Пожалуй, такие неожиданные, большие снегопады являются одним из наиважнейших факторов, сокращающих численность молодняка птиц гольцового пояса — тундряных куропаток, гималайских завирушек, горных коньков, гималайских вьюрков и, конечно, куликов-хрустанов, возможно, и других куликов, избравших для жизни крышу Алтая.

Голубые глаза гор

Истинное украшение Райской долины — многочисленные небольшие озерки. Они заполняют днища и провалы у основания вершин, обращенных к северу. Озерки отгорожены на спуске склонов плотинообразными выносами древних ледниковых морен. Над зеркалами спрятавшихся в тени скал и вершин свисают небольшие снежники, которые в каждое мгновение (набрав влаги от дождя, от шагов бредущего медведя, скатывающегося камня и даже звука) могут сорваться и рухнуть с отвесного склона прямо в воду. В летнее время они выглядят грязными: на них с откосов сползает грязь, камешки, сереет пыль, темнеют провалы размытых звериных следов. Поверхность снега будто бы рифленая, волнистость ей придают потоки дождя. Такого рода снежные пятна, словно прибитые гвоздями к крутой стене склона, все лето питают не только свои озерки. Отсюда уходят вниз, в долины, многочисленные ручейки, истоки алтайских рек. Здесь начинаются Белая Уба, Тургусун, Барсук и безымянные речушки, впадающие в эти реки.

В названной долине озерки сразу и не обнаружишь. И только оказавшись где-нибудь на перевале, вдруг открываешь такое озерко. Вода в них необыкновенно

яркого ультрамаринового цвета. И трудно представить себе их цвет, если ни разу не видел такие озера. Слово сфокусировалась в них вся нежность и тонкость небесных цветов. И кажется, что они — глаза наших гор. И, спокойные, смотрят на огромное небо, вобрав его беспредельность и глубину.

Берега озерков, расположенных у самых вершин поясе нагорных тундр, голые. Только низкорослые травы да кустарнички покрывают их берега. Встречаются озерки прямо среди обширных осыпей, покрывающих края долины. Крупные квадраты и углы камней окружают их студеную воду. Но где бы они ни находились, всегда изумительно чисты и по-своему красивы. Подкупает их пустынность: никаких следов человека, разве только отпечатки грязных лап медведя, испачканных илом, или вмятины следов рыси, а то и широкие копыта лося у самого берега да помет куропаток, прилетевших на водопой. В ясную погоду вода в них яркая, как лепестки горных фиалок, зажатые в зеленых ладонях гор. В пасмурные же дни они серые, свинцовые. А когда пойдешь близко, вода кажется болотно-зеленой. В косых лучах утреннего и вечернего солнца озера вбирают в себя розовые краски неба. Тогда их видно даже через кроны и стволы плотно стоящих вокруг них кедров и лиственниц.

Озера эти проточны. С одной стороны обязательно вытекает небольшой ручеек. Иногда он пробивается сквозь толщу морены и, вырвавшись на свободу метра в двадцати — пятидесяти, торопливо бежит в зеленых бережках тундры.

Часами можно сидеть и смотреть на такие одинокие затерянные озерки. Вода их прозрачна, чиста и холодна, пьешь — не напьешься. В тихую погоду на поверхности озер невозможно уловить ни малейшего движения. Однажды, глядя в такую чистую воду, я рассматривал противоположный склон горы. С предельно

четкостью в воде, как в зеркале, отражались камни и даже редкие цветки куропаточьей травы.

Вот только рыбы в озерах нет: они промерзают зимой до самого дна и только к середине июня освобождаются ото льда. Я нигде не видел такого красивого льда, как здесь: в ясные дни плавающие в воде льдины подобны маленьким сине-голубым айсбергам, а глыбы льда у берега отсвечивают нежно-бирюзовыми или зеленоватыми, а иногда и розовыми красками. Если смотреть на льдину под водой, она кажется густо-синей. Эта игра солнца, воды и льда между зеленых гор оставляет неизгладимое впечатление.

Самое большое озеро, а их здесь восемь, расположено на высоте 1900 метров относительно уровня моря. Со всех сторон, кроме южной, оно окружено кедрами. Мы его называем Кедровым. Деревья могучие: вдвоем не обхватить. Словно они вышли к берегу, столпились и, очарованные красотой воды, уже не в силах уйти. Так и стоят, смотрясь в его чистые воды. Стволы многих кедров хранят следы былых пожаров. Лежат стволы-великаны на берегу, обнажив перепутанные корни.

Земля под ними густо посыпана упавшей и давно порыжевшей хвоей. Где чуть повлажнее, она покрыта лепешковидными куртинками мха и лишайника. После первых же дождей их пробивают дружные компании сыроежек. Шляпки этих грибов розовеют здесь до самых снегов. По западинкам растут анютины глазки. Букетами белеют нивяники, голубеют водосборы и другие лесные и альпийские травы. У самого берега — заросли березки. Рядом кудрявятся низкорослые ивы. В них постоянно перекликаются зарнички, пощелкивают соловьи-красношейки. Из года в год мы встречаем здесь бурундучков. Привыкнув к людям, зверьки мелькали около палатки. Заподозрив, что за ними следят, они удирали к своим норкам, находящимся где-то на берегу у основания корявых кустов тальника. Нельзя

не улыбнуться, глядя на пронырливого хозяйчика, запасающего на зиму разные семена и кедровые орехи: щеки его в таких случаях до того раздуты, что кажется, бедняжка страдает от нестерпимой боли, и поэтому глаза его сильно сплющены и смотрят грустно.

Мы обычно ставили палатки на берегу. Из камней складывали нехитрый очаг и первым делом принимались за приготовление пищи.

Яркий голубоватый дым тягучей струей тянулся вверх, увязал меж темных кедровых ветвей. Ключьями стоял над водой. Места здесь удивительные: можно, не уставая, всматриваться в скалы, старые, изуродованные ветрами и временем кедр, горы, осыпи и снежники; вслушиваться в голоса птиц. И это не надоедает.

Мы не знаем, какая глубина у Кедрового озера. Но длина его на глаз не менее двухсот, а ширина — почти сто метров. Вода пронзительно прозрачная, холодная и пресная и оттого, наверное, очень мягкая и вкусная. Растительности никакой. Из живности только рачки-гаммарусы, или бокоплав, снуют меж каменных, лежащих у берега, плит. Бросишь корку хлеба, и рачки тотчас облепят ее. За ними, семена у воды по камешкам, охотятся перевозчики и горные трясогузки. Несколько раз на озеро прилетали кормиться северные кулики-плавунчики. Эти маленькие, кругленькие птички, плывущие по воде, издали напоминают миниатюрных уток. Подобно поплавкам, они легко и весело кивают головками в такт движения лапок. Отбрасываемые мелкой волной, они постоянно что-то склевывают с поверхности воды.

Куликов-плавунчиков мы как-то видели и на озере Глухом, расположенном ниже Кедрового. Высоко в горах Алтая они встречаются редко. Как правило, это летующие, не принимающие участия в размножении птицы. Только на следующий год после зимовки они доберутся до Заполярья и в таких же, как и здесь,

тундрах станут выводить птенцов. Наблюдать за этим куликом интересно. Покачиваясь на легких волнах, будто играя, он легко кружится на воде у берега и постоянно клюет с нее незаметную для нас живность. А рядом по берегу со звонким пересвистом бегают перевозчик. Скучно ему и одиноко, поэтому плавунчик для него — компания: в какую сторону плавунчик поплывет, туда побежит и перевозчик. К плавунчику удается подойти на расстояние вытянутой руки.

Время от времени с громкими пронзительными и печальными криками на кормежку сюда прилетают черно-белые изящные кулики средних размеров — черныши. От их тоскливых голосов веет подступающей осенью, ненастной ночью.

В 1982 году на Кедровом озере, впрочем, как и вообще на Западном Алтае, впервые загнездилась пара хохлатых чернетей. Этих нырковых уток много на Маркаколе, но в этой части Алтая они не гнездятся. И вот каждое утро мы подолгу наблюдаем в бинокль за этими черно-белыми утками: вот они отдыхают на краю обреза воды противоположной стороны, над которой навис скалистый склон, вот, спокойно оставляя тонкие линии морщин на воде, плывут вдоль берега.

Шел август, а у них только что появилось восемь пуховичков. Птенцы веером расплывались от своих родителей, проявляя завидную самостоятельность в поисках пищи. Глядя на птичью семейку, мы с ребятами переживали, что совсем скоро на этих высотах упадет снег, а еще раньше разгуляются ночные заморозки, и тогда все не умеющие летать птенцы будут обречены на гибель. Но осень в том году выдалась крайне затяжной, и, надо думать, семья чернетей с наступлением холодов благополучно покинула этот край.

Больше всего нам нравилось смотреть, как эти нырки кормились. Родители и малыши демонстрировали истинное мастерство подводного ныряния. Без ма-

лейшего всплеска ускользали они под воду. Мы засекали время: больше сорока пяти секунд без нужды они под водой не оставались. В это время ребята загадывали, где какая птица вынырнет, каждый выбирал место и показывал в ту сторону пальцем. Но чаще всего случалось, что черно-белый селезень или серенькая самка выныривали значительно дальше и вовсе не там, где их ожидали. Бесстрашно в бирюзовые глубины погружались и пуховички. Насытившись, семья собиралась на противоположном от нас берегу и в течение долгого времени отдыхала.

Название этому озеру мы тоже дали сами, наверное, из-за глухого места, где оно расположено. Озеро это почти круглое, и в длину и в ширину будет метров пятьдесят. Вокруг озерка стоят очень крупные кедры. Стволы их приняли самые неожиданные, причудливые изгибы. Под их пологом всегда сумрачно и тихо. Земля усыпана упавшей хвоей. Здесь очень часто гостят медведи, видны их лежки и темные кучи помета.

С горы, возвышающейся над Кедровым озером, видны и другие озерки, спрятанные в глубоких провалах гор. Берега усыпаны угластыми камнями, макушки которых чернеют из воды. Кроме хищных жуков-плавунцов да причудливых жаброногов нам не приходилось встречать здесь никакой водной живности. По склонам гор, окружающих озера, живут небольшие колонии сурков и алтайских пищух. Громкими свистами оглашают они тишину впадин.

Среди шума ветра крик альпийской галки, камешек, скользящий с откоса, сразу же привлекают внимание. И опять тихо. А то взлетит вдруг серо-коричневая птичка — гималайская завирушка — и тоскливо просвистит своим тонким и печальным голоском.

Все эти озерки сходны неповторимой окраской воды. Около них зеленеют большими пучками кусты ревеня алтайского. Ближе к воде, по зеленым бережкам,

желтеют высыпки лютика алтайского. Порой кажется, вода заключена в золотистые кольца. Словно после ночного звездопада всюду синеют лучистые, густо-синие астры альпийские, покачивают на легком ветру сиреневыми шапочками луки компактные и оранжеголовые огоньки. Повыше, в тенечке,— заросли пушистой и полярной карликовых ив, березки. В них чекают, прячутся бурые пеночки и соловьи-красношейки. «Ие-ие!»— тревожно кричит соловей-папаша. И огоньком то тут, то там вспыхивает его яркая алая грудка. У самки нет такого пятна и поэтому она выглядит буднично.

Здесь можно встретить более крупного обитателя этих мест — медведя. И нам неоднократно приходилось видеть их пасущиеся семьи. Особенно запомнился темный самец, который медленно, косолапо шел по склону. Это был настоящий гигант: низко опустив голову, останавливаясь около выпирающих камней, он цеплял их могучими когтистыми лапами и отшвыривал, словно невесомую деревяшку, потом, сгорбившись, долго что-то слизывал. Время от времени он поднимался на задние лапы, стоял ссутулившись, водил по сторонам носом и опять неторопливо брел дальше. Этого громилу мы встретили на следующий день недалеко от стана пастухов. Вероятно, это был тот самый медведь, который задавил за день до этого сразу одиннадцать коров. Пастухи наперебой рассказывали нам, что как только они добрались сюда со стадом из Тургусуна и поставили юрты, собаки стали с визгом метаться среди стада. А медведь уже ворвался в него. Люди выскочили из палатки, стали палить из ружей, но зверь словно и не слышал их стрельбы. Он одну за другой догонял перепуганных коров, ломая им хребты и вырывая внутренности.

— Силе его,— говорил мне пастух,— только удивляться: я видел, как он догнал одну корову и с разлета лапшей — по ребрам.

И вот мы смотрели на почти черного гиганта, который мирно пасся недалеко от места вчерашней трагедии. Поэтому, наверное, когда оказываешься здесь, невольно прислушиваешься, приглядываешься: нет ли где медведя? И мало ли что на уме свирепого непонятного зверя!

Каждый раз, прощаясь с озерами на долгую предстоящую зиму, я надеюсь на встречу весной, когда они разомкнут свои веки от тяжелого льда и я снова увижу голубые глаза гор.

У истоков рек

Рек на Алтае много. Первенство же многоречья принадлежит только Рудному Алтаю, или Западному, даже на территории нашей страны. Одна из наиболее крупных рек его — Уба. Образуется она при слиянии еще двух речек — Черной и Белой Убы, которые берут начало именно в этой долине у озер. Здесь же недалеко начинается Барсук и Тургусун.

Трудно сказать, почему Уба названа Черной и почему Белой, но можно предположить, что когда смотришь с горных вершин или с вертолета на Белую Убу, она порожистая, вихрастая, шумит и играет на перекатах округлых валунов, перескакивает через многочисленные бревенчатые завалы и оттого вода в ней бурлит и кипит. И река издали сверкает снегом и серебром. У Черной — другой характер: более спокойная, таящаяся и крадущаяся среди густых болотистых зарослей. Долина, которой она пробирается к Белой Убе, затаежена, огорожена с северо-востока и юго-запада грядями Линейского и Коксинского хребтов, широкая и лесистая. Кедр, пихты и ели сплошным пологом одевают ее и склоны гор. Мрачная тайга, иначе и не скажешь как Черная.

Белая Уба начинается из Кедрового озера, с его западного края. Небольшим ключом пробирается она сквозь естественную каменную «дамбу», затем шумной речушкой прыгает по камням, бежит по долине, заросшей березками и ивами, делает изгибы, образуя живописные петли. За озером под треугольной вершиной горы с красноватыми осыпями из глубокой с сочными травами щели из-под слегка обледеневшего снежника бежит другой ручей, он впадает в эту речку. Постепенно скорость реки увеличивается, она становится белопенистой, вихрится на валунах, с яростью набрасывается на обрывистые берега и летит дальше, окруженная сплошными зарослями борцев, чемериц и костров. Ниже, пройдя щель, она сливается с такой же речкой, зародившейся в верховьях долины, несколько восточнее Кедрового озера, из целой системы мелких ручейков, «проточных болот», многочисленных мочажин и родничков.

По всей заболоченной части долины стоят одиночные старые кедры и лиственницы. У последних обязательно обломлены ветрами и отрублены молниями вершины. Куда ни посмотришь, радуется глаз: луговины и отлогие увалы сплошь залиты сине-белыми красками дружно цветущих водосборов, альпийских змееголовников. Вокруг снежных пятен золотятся россыпи ярких алтайских лютиков.

У ручьев горят огоньки, а ниже буйная зелень чемериц и маральего корня смешивается с борцами и крупными шаровидными соцветиями медвежьей дудки. Бархатистый мох сплошь покрывает болотинки. Местами его разбивают осоково-пушицевые лужайки, через которые течет широкая вода. Слюдой светится и искрится ее стекающее поле.

Около речек, как ни странно, таежные и луговые птицы гнездиться избегают. Эта особенность долгое время для меня оставалась загадкой, и только потом стало ясно, в чем тут дело. Оказывается, вблизи шумных речек

птицы не слышат сами себя, а точнее других птиц своего вида — тех, с кем они перекликаются. Тем более не слышно здесь ни шорохов, ни других слабых звуков. Как же им избежать опасности? Только горные трясогузки да перевозчики гнездятся у воды. Когда они поют или перекликаются, их звенящие голоса перекрывают речной шум. Здесь же селится и еще одна птичка — оляпка. Кстати, ее голос тоже слышен среди ревушей воды. Между прочим, когда мы отдыхаем около таких речек, шум их затрудняет разговор, приходится напрягать голос, отчего заметно устаешь. Стоит отойти метров на пятьдесят от речки, попадаешь в обычный мир птиц: молчание тайги нарушают тонкие голоса синиц, пеночек и перестуки дятлов.

Уба сплошь усыпана камнями. По ним можно, не замочив ноги, перебраться на другой берег. Травы выше человека. Осоки так густы, что оплетают ноги — идешь, путаешься и запинаешься. Вода скачет, сверкает, каплет, особенно, когда смотришь на нее против солнца. Тонкими стеклянными дугами одевает камни. На берегу можно сидеть и слушать музыку воды, глядя на буруны, водопадики, пенные омуты. Послушать вечный говор речки отовсюду сбежались высоченные борцы, живокость. Синие, голубые и белые свечи их соцветий сплошь скрывают берега.

Камни в воде разноцветные. Вынешь такой цветной изрисованный жилками камень, а он высохнет, и погаснут краски. Валуны нависают над потоком, поодиночке торчат из воды, маленькими островками-крепостями поднимаются из кипящей пузыристой пены, густо обросшие темно-зеленым мехом водорослей. Вода через них течет гнутым плоским веером.

Удивляют поселенцы камней: на зеленом мху, постоянно орошаемом брызгами, каким-то чудом зацепились одинокие водосборы, зеленый фонтан рассыпного куста папоротника или же, свесив кисейные метелки, создали

ажурный занавес мятлики. Есть посреди потоков камни-клубы, сплошь покрытые цветущими травами.

Нельзя не сказать еще об одной обычной картине на горных реках — о завалах. Как попало, в беспорядке лежат поверженные вешней водой стволы деревьев, некоторые оказываются переброшенными с берега на берег. Проходят годы, боковые сучья и ветки обламываются, слезает кора, и постепенно они обрастают мхом — получаются зелено-шелковистые мостики, на которых со временем поселяются семьи травянистых растений. Особенно красив такой мост, когда с него зелеными прядями свисают папоротники, порой до самой воды достающие своими резными, как перья, листьями, зелено-голубоватыми косицами ниспадают стебли родиолы розовой. Особое очарование придают ему миниатюрные елочки и пушистые кедрики, семена которых попали сюда не без помощи ветра и птицы-кедровки.

Главное — увидеть все это: тонкие краски воды и неба, бархатные камни; услышать голос ветра, тайный шепот трав, ночные вздохи земли.

Островки среди островков

До того как впервые привелось мне познакомиться с высокогорными, или, как их еще называют, нагорными, тундрами Алтайских гор, никогда и в голову бы не пришло, что там, на больших высотах, где спят вечные снега и ледники, где дико возносятся в небо островерхие гребни скал, могут быть родники и, более того, — болота. Увидев их впервые, я долго удивлялся, пытался представить все геологические премудрости, объясняющие их существование на таких высотах. Но тем не менее болота в высокогорье Алтая обычны. Есть они и здесь, в Райской долине — большие и мелкие. Приурочены они к низинам и впадинам водораздельной части хребта. Но чаще всего с ними встречаешься вблизи снежников. Це-

лыми днями под лучами яркого солнца, теплого ветра истекают эти болота слезами, поэтому сразу же у кромки их мельтешат мелкие, едва заметные ручейки. Они разливаются и заполняют впадины. Под водой перемешанная с обломками мелких осколков камней земля, болотистое ложе становится топким. Есть в них и растительный покров — водоросли, различные мхи, осоки и другие растения, нуждающиеся в избыточной влаге. Проходят годы, и поверхность высокогорных болот затягивается зеленым ковром, под которым сплошной кошкой плотно сплетаются корешки. Со временем, по мере старения, на них появляются другие цветковые растения, кустарники — курильский чай и березка, — и в результате образуется очень живописное, зеленое зыбкое покрытие.

Наиболее обычные растения болот — осоки. Они сплошь покрывают их, и поэтому болота одеты одномерной, словно подстриженной, осокой. В середине лета макушки ее украшают тройчатые угольно-темные сережки. Иногда их бывает пять и более. От тяжести этого «украшения» гнется стебелек, и все кустики стоят, склонившись в одну сторону. Впечатление такое, что болото заткано редкой зеленой воздушной тканью, на которой от легкого ветра трясутся и волнуются легкими волнами черные узелки. На крупных заболоченных участках тундры или альпийских лугов встречаются болота до двух-трех километров длиной и до одного — шириной. Тут и там на них видны белые островки пушицы. Это тоже осока, попавшая сюда из Заполярья в далекие времена, связанные с последним оледенением. До августа островки пушицы ничем не выделяются, но с этого месяца на их макушках дружно распускаются три-пять белых пушистых кисточек-соцветий. Крупные и белоснежные, словно сделанные из шелковых тонких ниток, висят они заячьими хвостиками и при ярком солнце и легком ветре, кажется, сыпят солнечными искрами. Глядя на них,

так и хочется придумать сказку: будто с приходом лета зайцы, чтобы не перелиняли в серый цвет их замечательные хвостики, прибежали и дружно нацепили их на травинки, а с наступлением осени и первых снегов прибегают и заберут их.

На болотах, где лежат камни, вокруг них образуются кольца мха — кукушкина льна. Во время экскурсий с ребятами мы часто оказывались на сфагновых участках мха. На этих болотах каждый раз слышались слова удивления и восторга об их своеобразной красоте.

Если говорить о сфагнуме, часто образующем здесь основной фон растительности, следует подчеркнуть, что только в нашей стране их около сорока видов. В частности, на относительно сухих участках верховых болот рисово-коричневые мхи образованы видом сфагнум фускум, а на более влажных местах — обычно светло-зеленым или немного буроватым балтикум и куспидатум (так названия этих сфагновых мхов звучат по-латыни). Они-то и создают мозаичный пушистый ковер, радующий глаз яркими, нежными красками с тонкими переходными оттенками. При внимательном рассмотрении нетрудно заметить, что листья мхов различны по форме: от ланцетной до яйцевидно-округлой. А с помощью микроскопа можно увидеть еще, что состоят они всего из одного слоя клеток. Живые, верхние листья способны, как и другие растения, к фотосинтезу, а нижние — мертвые. Их называют гиалиновыми. Они многочисленны, в них имеются мелкие отверстия — поры, через которые засасывается влага. Установлено, что сфагнумы в состоянии поглотить воды примерно в двадцать раз больше своей массы. А при полном насыщении их, масса растений увеличивается на две тысячи процентов. За такую особенность этому мху древние греки и дали название «сфагнос», что означает «губка».

На осоково-моховых участках болот есть и свои обитатели. Их немного: это бекасиные кулики — лесной ду-

пель, азиатский бекас и просто бекас, три близких родственника. Кулики эти трудноотличимы друг от друга в полевых условиях. Если бы они сидели рядом, то не специалисту вряд ли в голову пришла бы мысль, что перед ним птицы трех разных видов. У одного полоска на голове чуть светлее, у другого темнее, крайние перышки в хвосте (а их иногда более двадцати) у одного походят на иглы, у другого значительно шире или нормальные, есть и другие важные систематические признаки отличия. Но когда кулики в воздухе и токуют, издавая совершенно чуждые другим птицам звуки, и не орнитолог легко убедится, что это совершенно разные птицы.

Гнезда бекасиные кулики устраивают в разных местах, ибо у каждого вида свой биотип: на лугах, в березках, на болотах, в кедровнике на сухой подстилке из хвои. На кормежке и в то время, когда у них появляются птенцы, они держатся на этих самых болотцах. Странно, что на просматриваемой луговине, где коробок спичек за двадцать метров хорошо видно, вдруг из-под самого носа выпорхнет кулик — серый, длинноносый. Опомниться не успеешь, а его уже и след простыл. Однажды на таком болоте я поднял азиатского бекаса, а там, где он сидел, ожил рыжеватый комочек пуха. Нежнейшее существо, совершенно беззащитное, было не приспособлено бегать по низкой травке, но с тонким, щемящим сердце писком все же пыталось бежать. И вот через несколько неуверенных шажков птенец прыгает в стремительный поток ледяной воды, протекающей у болота речки. Одним взмахом, как муху, вылавливаю его и пока разглядываю, взрослая птица в одном шаге от меня бьетса, волоча ноги и «раненое» крыло.

В это время с гор подул холодный ветер, небо закрыли плотные серые облака. Внезапный дождь вскоре перешел в секачую крупу. Следом повалил снег. Мокрый бекасенок мог погибнуть от переохлаждения. Я сунул

его к себе за пазуху, сел под ближайший кедр, укрываясь от непогоды, и около часа отогревал его. Когда тучи отступили и появилось солнце, молочная испарина повисла над лугами, проползла над болотом. Потеплело. Я тут же выпустил птенчика к своему родителю.

Земля на болоте, как матрац пружинистый, покачивается, только без скрипа, а лишь хлопает да чавкает. На широких осоковых разливах блестит серебром островок пушицы, темно-зелеными массивами и длинными косами вклинивается полярная березка. Копейковидные листочки ее гляцевые, и оттого непролазные заросли кажутся густо-маслянистыми. Искривленные стволы березки затянуты схлестнувшимися, связавшимися между собой мхами. Свет под кусты пробивается с трудом, поэтому мох под ними свежий, темно-зеленый. Наступишь, а из него, как из губки, выжимается вода. Среди таких островов встречаются другие — острова полярных ив, которые несколько выше березки и смотрятся серебристо-сизыми: на листьях густым жемчугом сверкают росы. Там, где среди болотин местность чуть повышается и обнажается суховатая земля, поднялись островки кедрового стланика не выше человеческого роста, но жесткие и густые. Или же стоят небольшие (десять на десять шагов) группы высокоствольных кедров. Здесь обязательно наткнешься на давно упавшие и полуразвалившиеся стволы. А еще среди осоковых заболоченных лугов, в хороводах островков кустарников и кедров светятся разноцветными маяками цветочные лужайки. Стоят букетами, куртинками, полянками, словно заблудившись, огоньки, водосборы, копеечники. Все это типичные растения альпийского пояса. Но здесь они смотрятся иначе. Их оранжевые, желтые, голубые, сиреневые и синие цветки далеко заметны.

С осоковой луговины подает голос обеспокоенный лесной дупель; зудит с березки или ивы азиатский бекас: «Зит-зит-зит», — словно кто-то косу или нож точит.

И не знаешь — зайти на остров или мимо пройти? А с кедров над болотом «подкашливает» обеспокоенная варакушка. Выскочит на миг — синегрудая, долговязая, как все соловьи, и такая же глазастая, — а сама: «Кхав-кхав!» или «Кха-кха!» — будто простудилась, и все хвостом помахивает, словно грозит. Тоже подумаешь, нарушать ее покой или нет? Лучше уж стороной. Так и бродишь среди островов.

Особенно приятно зайти в кедровые островки. В тени их можно полежать на сухой теплой хвое, укрыться от дождя и ветра. Здесь мы с ребятами обязательно достаем свои дневники и, сидя где-нибудь на коряге или седой колодине, записываем все, что увидели, чему удивились. Бывало, сидишь с дневником под кедром, покрытым лаком обгоревшей древесины. Стоит он, как памятник сам себе: ивы ему по колено, березка — по щиколотку.

Под здоровыми кедрами лежат шишки, подгрызенные бурундуками. Их сразу отличишь от белкиных кормушек: белка достает из шишки орешки, а бурундук разгрызает их, не вынимая из гнезд, а только очищая шишку от чешуек. Обработанная таким образом шишка, как сота, — вся в ячейках. Там масленок, укушенный белкой, заметишь, здесь — гриб, насаженный на сучок, сохнет. Вот прямо у ног мохнатой шапкой взбухла рыжеватая хвоя: дружным выводком на свет божий из земли новые маслята выходят. А то и гости на кедровый остров пожалуют. Прилетел поползень, прыгает взад-вперед по стволу, что-то ищет, попискивает, только и слышна возня. Улетит — другой появляется, и снова возня. Улетают вроде бы довольные. Потом гаички семьей всей присядут. Через болото летели. Цинькают, позванивают и покрикивают: «Эй-эй», — словно не все в сборе и еще кого-то зовут. Потом внезапно снимутся и улетят, так же дружно, как и прилетели. Только к записям приступишь, а над головой с вершины дерева

уже кедровка на все болото: «Кррии-кррии!» То кукушка прокричит, то пеночка пропищит, а то и щур присядет и просолирует нежную, как дыхание раннего утра, песенку. Все кто-нибудь да объявится.

Бывает, на этом островке обнаружишь лежку медведя. Косолапый после прогулок, оказывается, тоже не прочь отдохнуть, бока погреть, дать покой ногам. И, наверное, много еще чего можно увидеть и услышать на этих островках, которые мы называем просто болотом.

Самое большое в Западном Алтае высокогорное болото Гульбище, расположенное в верховьях реки Черная Уба. Длина его — три-четыре километра, ширина — около километра, а местами и шире. Это огромное болотистое поле, понижающееся к середине, все лето ярко-зеленое. Идешь и побаиваешься без привычки — под ногами подрагивает его гибкая поверхность. Кое-где темнеют «окна» темной болотистой воды.

Известно, что «окна» эти коварны. Образуются они, как установлено специалистами, на отдельных участках твердых горных пород, подстилающих болотный массив. По ряду геологических причин в них возникают вертикальные пустоты. Порой это бездонные колодцы, заполненные песчаными отложениями, обильно насыщенными водой. И любой предмет, попавший на их поверхность, быстро засасывается, этим и страшны такие болотные пустоты.

На болотах поселяются серенькие птицы, обитатели густотравных лугов по берегам наших рек — обыкновенные сверчки. Гнездятся они и здесь, на высокогорных болотах. Сверчками этих пичуг называли не случайно: во время пения они, как правило, вспархивают куда-нибудь повыше и, выглядывая из травы и поворачиваясь из стороны в сторону с широко открытым клювом, в котором становится хорошо заметным желтоватый язычок, подобно заводной игрушке испускают длинную, журчащую «сверчковую» трель. Их оригина-

нальное пение — великолепное оформление летних вечеров, опускающихся над сырыми приречными лугами Иртыша.

У меня свое отношение к этой птице, и поэтому, когда я встречаю сверчков или слышу их самозабвенное соло, вспоминаю одну из своих встреч с этой отважной птицей. Шли мы как-то ожидающими покоса лугами в нижнем течении реки Убы. Из-под самых ног выпорхнула и заскользила впереди нас неприметная птица. В густой траве было невозможно разобрать, кто это. Однако заметив место у ноги, где она вылетела, я осмотрел его. К радости своей, обнаружил гнездо сверчка. Достал фотоаппарат и решил сфотографировать редкую находку. В это время около гнездышка, в котором находились начавшие уже оперяться птенчики, появился один из родителей. Легонько, бесшумно, словно тень, не запинаясь, он проходил сквозь густые сплетенные травы. Показывался он с разных сторон у наших ног. Странно было видеть: среди огромных сапог бесстрашно сновала маленькая пичужка. Как только она замечала, что мы раздвигаем кустики травы, чтобы раскрыть птенцов, как тут же отчаянно набрасывалась на руку. Трудно передать то чувство, которое мы испытывали перед ее отважным материнским инстинктом. Между тем сверчок, покачивая от волнения хвостиком, бегал вокруг наших ног, косо поглядывая снизу вверх. Наверное, ему было страшно, но каждый раз, как только я рукой касался гнезда, он, распутив крылышки, набрасывался на руку, пытаясь ущипнуть за палец. Это «сражение» мне удалось сфотографировать: пестрая маленькая пичужка с полураспушенными крылышками и хвостом набрасывается на палец.

На Гульбище, на ивовых островках, отдыхают и кормятся выводки белых куропаток. И все удивительно, когда с зеленых тряских болот, окруженных заснеженными хребтами, пробьет перепел или традиционно

проскрипит коростель. Кстати говоря, перепел и коростель — большая редкость в высокогорье Алтая.

Однажды мы проходили этим болотом, потом вышли к истокам Черной Убы. Среди зеленых, сильно задерненных осоками и золотым корнем бережков струилась кристально чистая речка. За ее поворотом откуда-то из-под берега выпорхнул чирок-свистунок. И тут же в воду бесстрашно плюхнулся пуховый птенчик. Он сразу же пошел на глубину и, отчаянно махая крылышками, плыл против течения. Мы смотрели на него сверху. Впечатление было такое, что утенок не плывет, а летит. И вот в одно мгновение он выскочил на берег и сразу исчез: искусство прятаться он постиг в совершенстве. Кажется, вовсе негде скрыться, но он пропадает, становится невидимкой на низкотравном берегу. Мы внимательно оглядываем каждую западинку. Порой, не доверяя глазам, щупаем ладонями. Проходит некоторое время, и вот один из юннатов держит в руках пресимпатичнейшее создание с пронырливым плоским клювом и хитрющими глазенками. Перед объективами наших фотоаппаратов он спокоен. Мы несколько раз снимаем его и потом уже отпускаем «домой».

Нередко на болоте, где протекает вода, можно встретить северных куличков размером с воробья. С необыкновенно мелодичной трелью перелетают они с места на место, потревоженные нами. Название этих странных гостей — длиннопалый песочник. Холостые, одиночные кулички по одному или небольшими группами проводят здесь свое лето. Только на следующий год с приходом весны они улетят гнездиться на таежные болота Восточной Сибири.

Осень на зеленые полотна болот приходит быстро и неожиданно. Уже в августе зелено-бархатные луговины их золотятся и ржавеют. Ступишь на моховое одеяло, покрывшееся золотом, увидишь: это кукушкин лен выбросил бесчисленное множество продолговатых золо-

тистых коробочек, в которых вызревают его «семена» — споры на тонюсеньких булавках. Будто поросли болота рыжеватой шерстью. Мхи порыжели, позолотились, заржавели, а с ними и болота, на которых они растут.

Августовские ночи несут первые заморозки, в это время в тундрах их дыхание особенно заметно: дружно перекрашиваются, буреют тундровые болота. «Зайцы» из придуманной нами сказки разбирают свои «хвостики» с пушицевых болотинок. Редко где остаются отдельные, застрявшие среди стебельков их замые, забитые дождями ватоподобные комочки. Солнце уже смотрит на землю как-то скупно, с усталым прищуром. Воздух становится идеально прозрачным. Дальние горы не кажутся дальними, теперь смотришь на них, как через увеличительную призму. За десятки километров отчетливо видны всякие мелочи. Холзун же в эту пору кажется более оголенным, безжизненным и оттого воспринимается совсем диким. На языке забайкальских народов слово «халзан» означает «лысый». Может, за безлесность вершин, каменность так некогда и был назван этот алтайский хребет? Только со временем слово «халзан» трансформировалось в «холзун»?

К сентябрю болота насыщаются коричнево-желтым цветом. Открытые «окна» воды по утрам затягивает тонкий и прозрачный ледок. Глаза болот смотрят теперь через мутные очки на осеннее небо. Смотрят до тех пор, пока бельма льда основательно их не затянут и не накроют глубокие снега. Только на следующий год с первым поздним теплом болота проснуться от зимнего сна и вновь откроют застоявшиеся в яминах темные воды. В конце мая они дружно зазеленеют, оденутся бархатом мхов, вуалью осок, вспыхнут синими, белыми и оранжевыми огнями альпийские травы, засверкают тысячами «заячьих хвостиков» выколосившиеся осоки-пушицы.

Альпийское многоцветье

Трудно говорить о красоте так, чтобы все пережитое рассказчиком также ясно мог почувствовать или увидеть читатель. Может, надо быть просто хорошим художником? Поэтому, пытаюсь в общих словах описать альпийские луга, я столкнулся с неимоверными трудностями: прекрасного здесь так много: оно в каждом листке, в камне и даже пне, выбросившем молодые побеги! Сокровенно поет оно в стремительном беге ручьевого воды, в тучах, плывущих над вершинами гор; отмалчивается в строгой тишине гольцов. Красота всюду: она разлилась по холмам и склонам, болотам и рекам, от ее пестрого красноречивого разноцветья кружится голова. Хочется идти и идти без усталости, постигая ее. Но чтобы глубже почувствовать обаяние природы, понять и познать ее, не надо спешить. Нужно чаще останавливаться и удивляться. Мы с ребятами всегда следовали этому неписаному правилу. Через каких-нибудь пятьдесят — сто метров сбрасывали рюкзаки, усаживались на выступ скалы или на моховую подушку, покрывающую камень, колодину. И тогда в каждом цветке травяного половодья открывали, как чудо, скрытую для беглого взгляда жизнь.

Вот на высоком и крепком стебле маральего корня корзинка цветка. В ней будто из сиреневого шелка мягкие тонкие лепестки и тычинки. На цветке разные мушки: серые и разноцветные, с темными, пестрыми и прозрачными крылышками, синие и зеленые, невзрачные и очень яркие. И каждое крошечное существо по-своему красиво. Смотришь — не налюбишься! А они то улетают, то прилетают. Деловые, суетливые. У каждой мушки на спине или голове торчат волоски, перепачканные цветочной пылью. Оттого и усы желтые и на мохнатых лапах словно из рыже-золотистого меха унты-обножка.

Почему они цветок осаждают? Может быть, он какой-то особенный? Вон еще и еще — весь склон затянут маральим корнем. Растет он в ложине и у речки. И на каждой цветке-корзинке бурлят страсти насекомых. Мы наклоняемся над цветком: тонкий медовый дух кружит голову.

Июль и весь август цветет прекрасный алтайский медонос — маралий корень. Молодые листья его и нераспустившиеся бутоны охотно поедают пасущиеся медведи и маралы. А как только лето пойдет на убыль, сиреневый ворс венчика у него буреет, сохнет, и каждая корзинка становится похожей на лохматую, выгоревшую от солнца папаху горца. Семян в них, как в шляпке подсолнуха. Только в отличие от подсолнечниковых они терпкие и вяжущие. Семена под осень обычно поражаются личинками насекомых. В этом просто убедиться, если взять и разломить корзинку пополам. О том, что в них поселяются мягонькие беленькие личинки, хорошо знают буроголовые гаички — пронырливые таежницы. Больше, похоже, никто. Компаниями эти синички вылетают на альпийские плантации маральего корня. Виснут в разных позах на корзинках и энергично долбят. Да так, что пух и чешуйки летят в разные стороны. Поэтому когда бредешь сентябрьским лугом, обязательно увидишь, как вздрагивают и кивают головой «папахой» нагруженные семенами корзинки. На них, перекликаясь и жужжа, кормятся непоседливые синицы. В это же время здесь «обедают» пестрые чеканчики, постоянно дергая крылышками и хвостиками.

Пройдя заросли маральего корня, попадаешь в глубокое царство водосборов. Их распахнутые цветы дружно смотрят в одну и ту же сторону — на солнце. Поэтому, если повернуться к солнцу, луг кажется сине-голубым, посмотреть со стороны солнца — он свежеет и становится сине-бело-желтым. В каждой цветке внутренний венчик весь белый, в нем желтый глазок тычи-

нок и пестиков, а вокруг их сине-голубые лепестки. Одно удовольствие заглянуть в их «глаза» — невинные, красивые и чистые.

Были случаи, когда мы валились на прогретую землю, доставали дневники и делали свои нехитрые записи, а трехцветки водосборов, как любопытные девчонки, склонив очаровательные головки, «подглядывали»: про них или не про них мы пишем? А однажды, когда мы отдыхали в их окружении, то сделали совершенно необычное открытие. Стояла тихая безветренная погода. Ни единого колыхания трав на пышном лугу. Только слышно, как гудели пролетающие мухи да громко басыли шмели, обирающие пыльцу с цветков. И вдруг ни с того ни с сего головки двух или трех цветков, стоящих рядышком, сначала потихоньку, потом все сильнее и сильнее стали потешно покачиваться, кланяться, вот уж и сильно мотаться, трястись, словно исполняли какой-то магический танец. Будто водосборы ожили. Около высокого цветка, участливо склонившего свою крупную голову вниз, стояли по бокам водосборы росточком пониже. Вдруг и они стали «плясать», мотая головками. Ребята дружно рассмеялись. Начали высказывать догадки: посредине — «он», по краям — «цветки-девушки», пытающиеся обратить на себя внимание «ухажера». И вовсе стало смешно, когда вдруг и «он» то к одной, то к другой из числа водосборов-«девушек» наклонял свою голову. Придуманная сказка понравилась...

Почему «пляшут» водосборы, догадаться не трудно. Стебли их тонкие, высокие. На них крупные цветы. Малейшее течение воздуха, от которого ни одна травинка не колышется, — они уже ловят его и, подобно осиновому листу, сидящему на гибком плоском черешке, начинают покачиваться и трястись.

Среди водосборов в высокогорье есть и такие, у которых все лепестки совершенно белые — альбиносы,

есть сплошь темно-синие. Иногда встречаются целые поляны, заросшие только густо-синими цветками. Что это? Приспособление к условиям, чтобы больше тепла уловить, где оно как подарок? Атавизм? Или прогрессирующие признаки?

Мимо нас, надрывно жужжа, пролетает шмель. Не спеша идем за мохнатым цветочником, предельно увлеченным сбором нектарного урожая. Словно запынаясь, шмель гудит над цветками, неуклюже садится, срываясь, падает, но, нисколько не обескуражившись, продолжает обирать чаши цветков. Из травы едва выглядывает бледно-желтоватый компактный цветок. Так бы и прошли мимо, не заметили, но остановились. Шмель сунул в него голову, ворошит тычинки. Перемешивает их мохнатыми лапами. Видно, как дергается его полосатое, мохнатое брюшко, похоже, что-то пьет. Улетел. Мы остановились около неброского растения, что так щедро угощало мохнатого. Цветок называется горечавка холодная. Посмотришь на нее сверху, и цветка как такового не видно, а перед глазами словно открытые солнцу остроклювые рты птенцов. Есть, похоже, просят.

Выше леса по лугам и тундрам растет несколько различных горечавок. Среди них есть одна, которую, увидев однажды, не забудешь, а луга на этих высотах уже невозможно представить без нее. Это крупноцветковая горечавка. Ее крупные (по пятаку) нежно-голубые венчики, подобно выюнам, раскрывают голубые граммафоны у самой земли. Расцветают дружно — семьями. Встанут над голой землей после таяния снега или прямо у тающего снежника, и, кажется, сама земля смотрит на тебя их глазами. Целыми днями они «гоняются» за солнцем. А спрячется оно в тучах или уйдет в ночь, они скручивают свои лепестки в остроклювый рожок и горемычно стоят, незаметные, озябшие,

Богатейшими россыпями солнечного огня загораются увлажненные луговины, когда расцветают на них огоньки алтайские. Горячими кольцами полыхают они вокруг снежников, по бережкам льдистых ручьев и речек. Нельзя не удивляться, когда присядешь отдохнуть среди их оранжевых разливов. Только их и видишь на фоне неба, снежников, у основания которых пробивается робкая зелень. Не передать радость, которую испытываешь в пору цветения прекрасного алтайца, ощущение простора, чистоты, свежести и вечной молодости. Бредешь их лугами и заглядываешься на каждый. Один другого красивее. Нахлынет вдруг желание сорвать, да страшновато, настолько они сочны и яркие, что, кажется, обжечься можно. Стоят гордые. Каждый цветок, похоже, себя солнцем считает. Дуют порой студеные ветры, а они только ярче день ото дня. Никакое ненастье не в силах загасить их. И откуда столько сил?

Если подняться еще выше, к вершинам, там синеют густые высыпки альпийских змееголовников. Их кудреватые темно-синие цветки походят на раскрытые пасти змей с брезгливо оттопыренными губами. Из них — язычки, что в народе «жалом» называют, — это тычинки высунулись.

Многоцветный мир альпийского луга украшают кустистые копеечники. Широко раскинутые округлые листья их, как и у всех бобовых, придают им изящество и ажурность. На каждом стебельке «зеленые монетки» листочков. Макушка вся в сиреневых подвесках. Украшившись, копеечник украшает собой и эти луга. На солнцепеках и сухих проплешинах, где травы уступают место ягелю, мхам, осокам или куропаточьей траве, выводками у самой земли цветут фиалки синие — алтайские, желтые — двухцветковые. Пройти мимо этих «глазастиков» просто невозможно.

Привалившись к сброшенным рюкзакам, иногда отдыхаем около этих цветков, разглядывая их в упор.

Они восхитительны: желтые — с темными усиками, синие — с черными.

Там, где от тающих снегов разливается талая вода от которой, если станешь пить, ломит зубы, стоят по колена в ней лютики алтайские. Издали кажется, кто-то разлил желтую-прежелтую краску: так их много. Вблизи эти карлики заливных альпийских лугов еще красивее: листочки у них незаметны, а лепестки яркие, отливают глянцем, маслянистые, и на каждом подрагивает лучик солнца.

Каждый цветок — великое чудо! Однажды мы вышли на белый от цветов луг. Думали, ромашковый. Только это были не ромашки, а нивяники. Они чуть крупнее, не пахучие, и листья у них другие. Я присмотрелся к его многолепестковому желтоносому цветку. Посчитал лепестки — не поленился. Оказалось, что их столько же, сколько дней в месяце. А у астры альпийской они синие. И их столько же. А тоже похожие на ромашку маленькие цветки мелколепестника поразили ювелирностью, с которой они созданы. Лепестков — попробуй сосчитай. Не считаешь. Если лепестки щипать возьмешься, чтобы узнать: «любит — не любит», замучаешься — так их много. У шульции косматой, раскрывшей белые зонты над землей, этих мелких цветочков, из которых зонт составлен, наверное, столько же, сколько звезд на чистом ночном небе.

Там, где к долине спускаются крутые склоны, стекают каменные россыпи и вклиниваются в верхолесье и луга. Причудливые, остробокие и разноцветные камни встречаются здесь. Но отсутствие на них жизни делает их однообразными и печальными. И как удивишься, если взгляд наткнется на маленький островок цветущих растений. Компаниями стоят все те же водосборы, огоньки, астры, нивянки, баданы. Стоят в союзе и согласии, радуя каждого, кто соприкоснется с ними. Где-нибудь на лугу, может, и не обратил бы внимания на эти живые букеты,

а тут, среди голых камней, радуешься им, словно видишь впервые. Пробегающий ветер ласково шевелит и гладит их головки. Он же занес семена их на эти безотрадные камни, а прежде надул землицы в западники среди камней. Оказывается, ветер может быть не только разрушителем, но и создателем. А разве не без его участия выросли эти причудливые луговые и тундровые полосы непролазных карликовых зарослей кедра, елей, которые аккуратно подстрижены и зализаны им, подогнаны к формам камней и скал или отдельным валунам? Все это неустанный многовековой труд ветра. Он проникает всюду и изменяет лицо земли, как и вода. Трудно сказать, кто из них изобретательней. Однако, пожалуй, не следует взвешивать их достоинства по отдельности, потому что творят они на земле плохое и хорошее только вместе, как брат и сестра.

Красиво и празднично на солнечных и ветреных лугах, усыпанных цветочным разнотравьем.

И все-таки не описать красоту лугов, покрывающих вершины алтайских гор. Нет таких слов, чтобы рассказать о них, как не передать ощущение счастья.

В Зеленом храме

Кедровые леса на Алтае обычны, но роща, покрывающая южный склон Линейского белка, обращенного к Райской долине, можно сказать, уникальна. Она сказочна, и самое подходящее название для нее, наверное, Зеленый храм. Среди могучих многовековых гигантов с необхватными стволами лежат похожие на пирамиды обломки скальных пород. Среди этих кедров встречаются настоящие великаны, которых давно уже оставила жизнь. Они стоят засохшие. На них уже не поселяются ни мхи, ни лишайники.

Ближе к вершине кедров мельчают. Самые молодые взбежали, вскарабкались на неприступные уступы скаль-

ных пирамид. Местами они толпами окружили скалы и не отступая, держат их в вечно зеленом плену. Словно на штурм вершины послали их патриархи, те, что внизу,— мудрые, властные, обезображенные временем.

Как огромны их стволы! Некоторые в объёме достигают семи-восьми метров. Обнять такой ствол можно только втроем, а то и вчетвером.

В Зеленом храме поражает прежде всего древность. Она таится в причудливых, изъеденных временем скалах, осаждаемых мхами и лишайниками, которые одевают их мягкими и пружинистыми подушками. Она видна в рыжем толстом слое отложившейся хвои, но главный обитатель ее — могучие стволы. Каждое древнее дерево как произведение искусства. В уродливых наростах, на пльвах, изгибах воплотилась буйная фантазия лесной дикой природы.

Иногда смотришь на корни такого дерева, и оно кажется похожим на гигантскую трех- или четырехпалую лапу доисторического чудовища, которая в смертельной схватке держит под собой скалу или огромный валун. Корни-«пальцы» бывают очень толстыми, почти в объём, но они всегда мягко и гибко обтекают скалу с разных сторон. Иногда кедр-великан напоминает спрута, обвинившего своими огромными щупальцами скалу. Держит он ее так крепко, что чудится, она вот-вот лопнет и рассыпется, как ледяная глыба.

Однажды я наткнулся на дерево, которое своими корнями «держало» раздавленные острые камни. Как это могло случиться? Присмотревшись, я не без труда представил себе во всей последовательности, как это произошло. И, похоже, вот каким образом. На большой плоской отвалившейся когда-то скале со временем появились трещины, поселились лишайники, где поначалу задерживались частички пыли. Так сформировался тонкий слой почвы, на котором поселился мох. Потом встали злаки, и по воле случая или при участии кедровки, а

может, поползняя под мох попал орешек кедра. Он проклюнулся, пустил росток и корешки. Они разошлись по поверхности камня и, достигнув первых трещин, ушли через них в землю. Прошли годы. Кедр подрос, окреп; корни его стали крепкими и, видимо, начали давить на скалу, сжимая ее. Помогли мороз и солнце: она лопнула, и корни за счет роста в толщину, отторгнув часть сколовшихся камней, что были снаружи, стали сжимать то, что осталось между ними, как в горсти.

Не знаю почему, но я очень люблю старые деревья. Наслаждаясь тишиной и покоем под сводами их крон, бесконечно сидел бы и слушал их натужный скрип в непогоду, легкий рокот редкой хвои, потревоженной ветром. На них черные пятна былых пожаров, следы рогов лося и лап медведя, царапины рыси и поклевки дятлов. У темнеющих дупел на древесине видны поскребы соболей и белок. На коре клочки и волоски шерсти косуль, рысей и росомах или застрявшее на шершавой коре или в тенетах паука легкое перо, оброненное птицей. В хвое под корнями можно найти кости и черепа мелких, иногда и крупных, зверей, которых в свое время приютил старый кедр.

Кедры и лиственницы в лесах Сибири и Алтая живут долго. В ботанической литературе, популярных книгах о лесе сообщается, что кедры способны доживать до 400—500 лет. Позднее появились сведения о том, что найдены деревья в возрасте 600 и даже 800 лет. В частности, в своих трудах по лесному хозяйству Западной Сибири Г. В. Крылов говорит о возрасте кедров в 850 лет. И вот мы с ребятами во время одной экскурсии столкнулись в этих кедровых насаждениях Линецкого парка с уже отжившим великаном. Вершина у него отломилась. Падая, она вывернула середину, воздев к небу крепкие и острые щепы. Привлекла нас почти коричневая, цвета густозаваренного чая трухлявая сердцевина. Как графит, мягкая, но прекрасно сохранившая текстуру. Мы

без труда отламывали целые бруски полуистлевшей древесины, словно исписанной тонкими черточками остро заточенного карандаша. Кольцо одно около другого, но прописаны четко. Мы брали их сначала для сувениров. Но вот в чем главное: подсчитав, сколько колец помещается в одном сантиметре, и помножив количество их на радиус дерева, установили, что кедру где-то более 1000 лет. Вообще об этом можно было догадываться и глядя на дерево со стороны. Здесь, на высотах около 2000 метров над уровнем моря, условия экстремальные для древесных пород. Вегетационный период длится всего лишь полтора-два месяца. А если учесть еще и то, что кедр медленно растущий вид, станет понятно: достигнуть такой толщины дерево на этих высотах может лишь за многие столетия.

Разве не сувенир кусок древесины, в котором сохранилась летопись минувших веков? Немало, конечно, времени понадобилось, чтобы крепкая древесина, пропитанная смолой, могла истлеть. Местным жителям известно, что живица излечивает запущенные раны. Всякую гниль изгоняет это «царственное дерево Сибири». Как никакое другое, щедро кормит оно и зверя и птицу. Плодоносить кедры начинают с двадцати пяти лет, и на протяжении двух-трех столетий дерево будет давать пищу пернатым и четвероногим. Ученые установили, что кедровыми орехами кормятся все наши дятлы — желна, большой пестрый и белоспинный, седой и трехпалый. С удовольствием подбирают орешки рябчики, тетерева, глухари и даже журавли. Носят в крепких лапках и, зажав, долбят их синицы, разжевывают россомаха, соболь, медведь и даже иногда лакомятся косуля и кабарга. Едят орешки охотничьи собаки лайки и насекомоядные крошечные зверьки — бурозубки. Немалое богатство тайги заключено в кедре. Недаром говорят, что меха начинаются в орешниках.

В храме древних кедров мне посчастливилось наблю-

дать жизнь наших редких птиц. У некоторых из них очень мало найдено гнезд вообще. Здесь, например, гнездятся щуры. В густых кронах кедров, у основания ветвей, засыпанных павшей хвоей, строят гнезда эти редкие и малоизученные птицы. Обнаружить их гнездо трудно и, можно сказать, дело случая.

В зарослях жимолости, смородины, разрастающихся на осветленных лужайках, где-нибудь у рухнувшего ствола поселяется соловей-красношейка с кумачово-красным пятном на груди. О его присутствии узнаешь иногда только по тревожному, чистому, нежному свисту. Красношейка осторожен и ведет скрытный образ жизни, свои гнезда устраивает на земле в гуще травы или у основания кустарников. Здесь обязательно поселяется и семья поползня. Для своего гнезда они используют оставленные дятлами дупла. Широковатое для него входное отверстие поползень наполовину замазывает грязью. Края летка так крепки, словно зацементированы. В отверстие с пятак поползень залезает с великим трудом, но уж враг в гнездо не попадет. Инстинкт в этом деле — прекрасный советчик.

В этих же местах впервые повезло найти гнездо сероголовой гаички — редкой малоприметной синички. И найдена-то она всего в двух-трех местах на Западном Алтае. Гнездится она и в Южном Алтае. Но пока это одно-единственное гнездо в нашей республике. И еще я потратил десятки часов на поиски гнезд сибирской чечевницы, очень красивой, в красном оперении с металлическим блеском птицы размером с воробья. Бесшумно передвигаются они парами по земле, покрытой хвоей, собирая корм. Красные, будто с проседью, блестящие у них самцы. Эти птицы отличаются необычайной молчаливостью. Только в случае необходимости тихо и нежно подают голосок, и то для друга или подруги — «цинь-цинь». Потом вспорхнут на нижние ветки кедра и склеивают там подвернувшихся насекомых. Слово устав,

посидят, задумчиво нахохлившись. Другой раз кажется, что они думают: куда еще податься? Вдруг стремительно перепорхнут на соседнее дерево и по кругу с ветки на ветку повыше. Опять кормятся, постепенно передвигаясь. И так все выше, выше. А то нырнут вниз и скроются среди деревьев. И на этом все — поминай как звали. И мы снова ищем редкой с ними встречи, всегда неожиданной.

Здесь же мы просиживали сутками у гнезд другой, недавно появившейся на территории Казахстана птицы, широко распространенной в Восточной Сибири, мухоловки-касатки, легкой, подвижной. Наблюдать за ней трудно. Только ее стрекочущий, несколько даже надоедливый голосок помогает отыскивать гнезда. И нам несколько раз удавалось находить их. А в тени кедров, пока наблюдаешь какую-нибудь из таежных или алтайских пернатых знаменитостей, слышишь, как бойко переговариваются буроголовые гаички, весьма обычные по всей тайге. Томно пересвистываются во мраке тайги обыкновенные или серые снегири. Либо однотонно свистит обеспокоенная белкой или затаившимся лесным сычом обыкновенная горихвостка. Когда сидишь и вслушиваешься в голоса порхающих повсюду, похожих на крупных зеленых бабочек пеночек-зарничек, зеленых пеночек и теньковок, лоскутом пестрой ткани мелькнет кедровка. Это, пожалуй, одна-единственная птица в тайге, которая может подлететь поближе. Совершенно бесшумно, ничем не выдавая себя, вытянет она шею и пристально рассматривает наблюдателя. Раз-другой дернет пестрым хвостом, перелетит на соседнее дерево, где приступает к поиску съестного.

Мирный рабочий щебет птиц, живущих в кедровом царстве, нарушит иногда громкий, истеричный крик вылетевшего на охоту ястреба-тетеревятника. Иногда увидишь, как он сам мелькнет среди деревьев на большой скорости. Пока сидишь за валуном и наблюдаешь за

птицами или гнездом, непременно откроется какая-нибудь лесная тайна. Были случаи, когда появлялись небольшие, двух-трехлетние медведи. Ходят тихо — ветка не хрустнет. Бредут безмятежно, вразвалочку, сами по себе. Пройдут мимо, а на сердце от этой встречи и радость, и тревога: а вдруг?.. И от этого «вдруг» всякие мысли в голову лезут. Однажды сразу четыре кабаргисамки с детенышами из-за камней вышли — темно-серые, на тонюсеньких точеных ножках олени. Появились, выйдя из тени, постояли, шевелия настороженно поставленными острыми ушами, и метнулись снова за камень. Вот и все. Были ли, не были?

Каменная сказка

Каждый раз как только выйдешь из таежной избушки, увидишь каменную корону, венчающую вершину Линеиного хребта. Глядя издали, не подумаешь, что именно там, с этих камней начинается каменная сказка. На подходе к скалам камни словно на глазах растут: тянутся вверх, ширятся, обретают загадочные формы. И если издали они походили на стены разрушенного, разграбленного храма или на развалины древней стены, теперь перед глазами скалы в двадцать—тридцать метров высотой. Они причудливой формы — столбами, перьями взъерошенной птицы, клыками гигантского чудовища врезаются в небо и рвут на клочки застрявшие в них серые низкие облака. Другие островерхими куполами готических храмов или кругловерхой юртой степняка стоят порознь или же толпятся, обратившись в силуэты неизвестных чудовищ.

Вершина Линеинского хребта — особый мир гранита, способный удивить даже самого что ни на есть лишенного фантазии человека. Камни похожи на скульптуры каких-то зверей, птиц, наделены своими характерами. Но стоит отойти, как только что удивившее тебя существо

обращается в простую прозаическую скалу. Целыми днями можно ходить каменными лабиринтами, смотреть на останцы с разных мест, делать для себя интересные открытия.

Вот я стою на сухой низкотравной лужайке, пересыпанной мелкими, почти одинаковыми, хрустящими под ногами крошками гранита. В свое время они осыпались с этих одинцов. Ветер отвеял их, отобрал почти одинаковые по размерам. Со всех сторон караулят меня, как пленника, каменные скульптуры. Вот, отвернувшись чуть-чуть, сосредоточенно смотрит «Старуха Изергиль», остросулая, горбоносая, кадыкастая, подвязанная платком. Поодаль рисуется прекрасный профиль «Головы рыцаря». Грозно сдвинув брови, наблюдает он из-под островерхого шлема Холзуна. А вот спутница нашего детства «Баба Яга» в платке, с длинным носом, выставленным вперед подбородком и ввалившимся ртом. Поворачиваюсь в сторону самого хребта, растянувшегося отсюда к северо-западу, и вижу на его склонах другие скульптуры.

Их много. Ближе всех полулежит «Утенок». Похоже, заблудился. Устал и теперь дожидается матери. За ним в гордой позе карикатурная «Жаба» — ширококоротая, лупоглазая. Широко расставив передние лапы, вывернув наружу локти, она бессмысленно уставилась в мою сторону. Тело ее в поперечных жирных складках, а кожа сплошь изрисована и украшена золотисто-зелеными и черными пятнами лишайников и мхов. Знаю, каменная, а все равно вспыхиваюсь: как прыгнет сейчас это каменное чудище и, посчитав меня за козявку или червяка (ведь я перед ней ничто), шлепнет языком, как это они всегда делают, нападая на добычу, и поминай как звали. Размеры-то у нее приличные — с двухэтажный дом, не меньше! Хорошо, что неживая...

В стороне вижу, хотя и не близко, идущую в мою сторону подгулявшую каменную компанию — «Бабы да Му-

жик». Он, как и полагается, посередке. В руках у него нечто на гармонь похожее. «Бабы» с нахально разинутыми ртами держат его под руку. Поют, видимо. Дальше, прямо на взгорке, улавливаю взгляд: страшно становится, даже мурашки по коже — пустыми глазницами, в которых запрятались глубокие тени, придающие не только черноту им, но и особую выразительность, смотрит на солнце «Череп», будто решил пересмотреть его. Знает, что солнце не выдержит его жуткого взгляда, уйдет за горы к вечеру, а он будет продолжать смотреть также одинаково жутко и бесстрастно на звезды и луну. Смотрит на протяжении многих веков, не страшась, не смущаясь — мертво и дико. А когда подует напористый ветер, запоет «Череп» свою жуткую песню. Заголосит, потому что в провале рта его зияют глубокие тонкие щели.

Топчешься ли на месте, поворачиваясь из стороны в сторону, бродишь ли, рассматривая каменные изваяния в царстве Эола, всюду демоны, оборотни, скульптуры птиц, зверей, чудовищ, разные столбы и грибы причудливые. То «Совенок» на углу мощной скалы сидит, уставился на тебя, не моргнет, не шелохнется, то на пригорке появляется «Крокодил Гена». Он здесь со своей гармошкой поселился задолго до того, как узнали мы его с вами из любимых нами мультфильмов. Поразила однажды скульптура «Девушки» с нежными чертами, с волдырями, развевающимися на ветру. Красивая! Подойти бы поближе, познакомиться. Но, к сожалению, стоит сделать несколько шагов в ее сторону — нежность и красота стремительно исчезают, проявляются какие-то другие формы. И еще через несколько шагов только диву даешься: она обращается в старуху, а потом в серую угластую глыбу. Пока ходишь в лабиринтах каменного музея, не перестаешь удивляться совершенному сходству скал с животными и людьми. И, конечно, нельзя не восхищаться многовековой постоянной работой искусных ваяте-

лей — необычных союзников и вместе с тем вечно противоборствующих друг с другом морозом и солнцем, ветром и дождем.

В мороз скалы так сожмутся, что, не выдержав сил своей, рвутся и лопаются на куски. Вдоль и поперек покрываются большими и малыми трещинами. В теплый день при ярком солнце, напротив, разогреваются, чуть расслабляются, поэтому даже трещин почти не видно. Ну, а если уж солнце станет усердствовать, скалы снова накаляются и, не выдержав внутреннего порыва, лопаются. В трещины и щели ветер надувает земли, а то и семечки какое занесет. Взойдет оно весной и станет живым клином втискиваться в каменную плоть и твердь в поисках драгоценной для него влаги. Пройдут годы, и некогда эта пустая щель окажется забитой пылью и корнями распирателями. Может случиться и так, что корешок возмужавшего деревца расколется скалу надвое, либо обрежет ей углы и выступы.

«Худеют» и «толстеют» скалы, сжимаются и разжимаются, словно дышат, как живые. А значит, и они не вечны: разрушаются и рассыпаются. Быстрокрылый ветер постоянно на них набрасывается. Лижет их шершавые бока, и не понять, от чего он так дико воет?

Ветры дуют с разных сторон: сильные и слабые, устойчивые и порывистые, теплые и холодные. Против них не выстоять даже скалам. Это они формируют современный лик Земли.

Удивляясь скальным группам, нельзя не удивляться и их спутникам. У нас на Алтае на высоте 2000 метров над уровнем моря на скалах растут самые выносливые представители растительного царства — лишайники. Желто-зеленые накипи или налеты ризокарпона географического на камнях и скалах образуют причудливые пятна, которые по своему рисунку действительно напоминают географическую карту. Серые лишайистые корочки на скалах — аспидцилли, зеленоватые и серо-черные

розетки — леканоры. Похожие на диковинные засушенные цветы со сморщенными, чуть привставшими от камня лепестками, — заросли умбиликарии. Это единственные растительные организмы, поселяющиеся на безотрадных каменистых россыпях и на этих каменных сфинксах. Они, как никакие другие, способны переносить резкую смену температур и полное обезвоживание, словом, те условия, которые губительны для остальных растений. Лишайники добираются дальше всех на север и выше всех в горы. К. А. Тимирязев писал: «Ему нипочем зимняя стужа, летний зной; медленно, но упорно завоевывает он каждую пядь земли, и только по его следам, по проторенному им пути появляются более сложные формы жизни». И, конечно, интересно, что был установлен поразительный возраст этих удивительных растений: в Альпах и кое-где в Арктике найдены слоевища ризокарпона, достигшие 4500 лет. Лишайники поразительны еще и тем, что способны переносить не только длительное изнуряющее безводье, но и высокие температуры (до плюс 200° С) и оставаться живыми.

Лишайники для скал не так уж безобидны: чуть только зацепившись за шероховатость скалы, они выпускают нежные корешки-ризофоры в трещинки, образовавшиеся между отщелкнувшимися «чешуйками», которые расширяются в теплое время. Ризофоры проникают вглубь и в конце концов отламывают посильный им камешек, песчинку или «чешуйку». Сядет на скалу конек, кедровка, сибирский вьюрок, поползень, зацепит коготками и сдерет их. Налетит ветер, пройдет дождь, бурундук лапками ухватится — и падают тогда эти песчинки и камешки. По такому же принципу на них живут мхи, которые бывают не только зелеными, желтыми, но встречаются и угольные, почти черные. Иногда попадаются так разрисованные ими скалы, будто на них разостланы шкуры леопарда или гигантской жабы.

Сколько ходишь в этой каменной сказке, столько и удивляешься изобретательству природы, ее бесконечно разнообразным скульптурам: сидят и стоят здесь каменные изваяния — драконы, птицы, звери и скульптуры-красавчики. Крикнешь что-нибудь громко, и заговорят скалы каменным языком эха.

— Эй, вы! — кричит им, сложив ладони рупором кто-то из юннатов.

— Вы-вы-вы! — далеким голосом вторит эхо.

— Это не умно! — кричит он снова.

— Но-но-но! — словно угрожая, отвечают каменные истуканы. Страшновато становится от их бездушного разговора.

На вершине горы почти около каждой реликтовой скалы светлые гранитные кольца крупного песка или гранитных рваных крошек. И ни одной пылинки! За идеальной чистотой вместо дворника следит здесь ветер. Он же за садовника: заросли карликового кедра, березки или ивы, окружающие эти скалы, ровно и аккуратно подстрижены. Не верится, чтобы так все «по-человечески» было сделано ветром. Но он здесь всему голова. Таково его каменное царство.

Серые плащи гор

Рассказывая о скальниках, нельзя не упомянуть о каменистых россыпях, плащами покрывающих часть долины. Крутыми потоками стекают они со склонов, покрывают округлые вершины хребтов, выстилают каменные чаши-цирки. Россыпи образованы крупными и мелкими обломками развалившихся скал. Ближе к вершине камни помельче, а чем ниже, тем крупнее, самые крупные — внизу. Иногда они достигают здесь размеров габаритной комнаты.

В зависимости от слагаемых их коренных пород осы-

пи разные по окраске: серые — гранитные, зеленоватые и серо-полосатые — яшменные, бывают и розоватые. Все камни россыпей тоже покрыты лепешками лишайников, мхами и потому выглядят очень пестрыми. Окрапит их скорый дождь, и россыпи на глазах преображаются — свежают. От них исходит густой грибной запах.

Там, где между камней надует земли, вскоре же поселяются все здешние растения-альпийцы. Изумляют цветки огоньков и водосборов, горцов и ветрениц, бада-на. Букеты их необыкновенны среди сплошной рябщей в глазах голой безжизненной осыпи. А мы всегда удивляемся чему-либо, если оно вдруг встретится в необычной обстановке. Так и здесь: камни и цветы, как сама первозданность и жизнь. Если скальные скульптуры — сказка, то цветы на камнях — чудо! Чтобы познать безжизненность россыпей, надо побывать на земле до того, как на ней появились цветы и животные, нужно совершить хотя бы непродолжительную экскурсию в обычные у вершин каменные цирки, чаши которых до краев завалены камнями. В этих цирках гнетущая тишина и покой. В них безмятежно, даже когда над вершинами буйствует ветер. А сила ветров над хребтами такова, что способна не только свалить, но и сорвать с вершины человека. Она может содрать с гор скудный верхний пласт земли; как кошму, завернуть ее в рулон. В каменных цирках в это время тихо, что и создает ощущение полного одиночества, будто вовсе не на земле живешь. Вокруг в глубоком вековом молчании дремлют голые россыпи. На них также в глубоком сне нависают белыми лоскутами снежники. В чуткой тишине каменных цирков недвижные стальные озера. Не зная ветров, а только отвесно падающие дожди, тянутся среди россыпей одиночные травинки, зацепившиеся за горсть принесенной когда-то земли, или местами доставшие землю, укрытую под серыми плащами корумов. Здесь далеко слышно, как катится сорвавшийся с откоса камешек, как стучит он

гранями боков; вздохи оседающих снежников и как вверху гудят и беснуются ветры. Случается, залетит стайка гималайских вьюрков и с чириканьем, похожим на воробьиное, оживит угрюмые дебри. Бывает, поселится пестрый каменный дрозд — любитель скал и россыпей. Его звучная флейтовая песня, кажется, сотрясает стены цирка. Она звучит необычно громко, и тогда доверху наливается его чаша чарующей музыкой жизни. И чувствуешь, что находишься в это время в какой-то гигантской музыкальной шкатулке, а камни уже не кажутся такими серыми и мрачными.

Идти россыпью трудно и небезопасно. Только по макушкам камней, по их острым сколотым бокам. Всюду камни. С той лишь разницей, что они большие или поменьше, голые или покрытые лишайниками. Между ними темнеют пустоты, затянутые сетями и обрывками паутин. Изредка кланами растет ремень алтайский или чахлые и обтрепанные кустики жимолости щетинистой. Среди осыпей, цирков, мокрых скал и камней, не надолго освобождающихся от забивающих их с осени и до середины лета снегов, только и становится понятно, какой была Земля до того, как на ней появилась жизнь. И тогда начинаешь понимать, как прекрасна она своими травами, журчаньем воды и щебетом птиц. И не верится, что в нескольких километрах ниже колосятся поля и кипят человеческие страсти. Здесь особенно чувствуешь, что Землю, живую Землю, нам — людям — нужно беречь, чтобы она не стала такой, как эти мертвые, лишённые даже примитивных лишайников камни. Отсюда, от самых снегов, мы оглядываемся на тропу, которой пришли, — тропу длиною в год: из лета через осень, зиму и весну.

Горные самоцветы

Вечные снега и малые леднички лежат у горных вершин. Они прячутся по глубоким тенистым щелям, цир-

кам, висят на крутых склонах, до тонкостей отражаясь в зеркальной глади округлых озер. Длинными грязными языками снежники спускаются к лесу, и непривычно видеть, как они белеют среди зеленых островов тайги. Снег среди зеленого леса все лето — явление удивительное, редкое. И надо сказать, что в данной географической широте оно отмечено только на Ивановском хребте.

Впечатляют снежники, когда видишь их в цветистой накипи благоухающих трав, образующих яркие обвязи вокруг них. Все лето, хотя и медленно, они тают, и также медленно ту же завязываются вокруг них ярко-оранжевые платки горящих алтайских огоньков, стягиваются банты бело-голубых водосборов, душат их фиолетовые ленты алтайских фиалок. Цветет рядом дороникум алтайский, лютики. Обрамляют их зеленые бордюры сплетений карликовых ив. К концу лета на месте небольших доскутов снега полыхают цветочные лужайки — желтые, синие, фиолетовые, оранжевые. Только на самых высоких вершинах, в низкотравных, осоково-моховых или щебенистых тундрах до конца лета сохраняются снежные пятна в окружении янтарных, яшменных, аметистовых и золотистых колец ярких цветов, в которые они впаяны.

Сами по себе снежники в разное время дня бывают неодинаковыми: розоватые утром, ртутно-белые в полдень, сиреневые в час заката и почти синие, когда в лиловой дымке тонет за горами солнце.

В Райской долине мне с ребятами впервые привелось увидеть цветной снег. В тот год я с ними отправился к истокам Убы сравнительно рано — в середине июня. Только-только открылись от снега вершины хребтов. Но его было еще полным-полно у верхней границы леса. Полностью были забиты щели и низины. Кое-где поднимались снежными холмами огромные сугробы. По ночам было по-зимнему холодно. Вода в кружках и котелке, оставленных у палатки, промерзла до дна. И не верилось

вечерами и ночами, что днем снова станет по-летнему тепло. В это время открылись озера и на них плавали сине-зеленые куски льда. Сразу и не понять — весна или лето здесь? А по ночам во всю разгуливали легкие морозы.

Вспоминаются минуты, когда мы были на подходе к Райской долине. Сняв рюкзаки, мы стояли на гриве. С нее озера, редкостойный лес, скалы, осыпи — все как на ладони.

— Смотрите,— кричит кто-то из моих юннатов,— снег красный!

Торопливо достаем бинокли: правда, снег цветной, только не красный, а розовый.

— Что это? Почему? — спрашивают удивленно ребята. А удивляться было чему: перед нами лежала долина в розовых снегах. Там, где на снегу видны провалы, краски загустели и казались даже красновато-малиновыми.

«Может, надуло красной пыли?» — подумал я, глядя на такой же склон острой горы, возвышающейся над Кедровым озером. И снова осматривал снег, на котором виднелись розоватые следы зверей. Выйдя на снег, я копнул его носком сапог, но и там, на глубине, он был такой же — цветной. Прошло еще несколько дней, и краски розовых снежников стали сочнее, загустели и потемнели от ветровой пыли. Особенно изумительными были они на закате, когда падающие пласты косых лучей багрового солнца окрашивали их в пастельные нежные тона. Тогда начинало казаться, что снежники светятся изнутри. Старые провалы следов от медвежьих лап и лосиных копыт, пятна вокруг упавших на снег листовых шишек были бордово-красными. Разве неудивительно: под нежно-голубым небом, среди зелени альпийских лугов розовели и краснели поля и холмы зернистого снега. Собиешь снежок, а он розовый или почти красный, как яблоко.

Тайну цветного снега первым из юннатов взялся раз-

гадывать Витя Чернов. Полевая сумка у него была напичкана разными склянками, в которые он собирал пауков, обитающих в высокогорье, и разных других насекомых. Витя освободил из-под коллекций несколько пробирок и вместо них набрал снега. А когда снег растаял, то одну треть снеговой воды в каждой пробирке составлял едва подкрашенный в розовый цвет раствор. Слив со всех пробирок воду в одну, он привез ее домой. Однако даже под микроскопом он ничего такого не нашел, кроме осадка мути из органического вещества.

Впоследствии из специальной литературы я узнал, что тайна цветного снега сравнительно недавно уже разгадана... ботаниками. Оказалось, причиной их цветности является микроводоросль — хламидомонада снежная, бурно развивающаяся в верхних более теплых слоях снега. На поверхности снега происходит усиленное таяние, температура, соответственно, несколько повышается, и для этих водорослей наступает самая благоприятная среда.

Многим путешественникам известно, что снежники бывают не только розовыми, красными, но и желтыми, зелеными, коричневыми и даже черными. Эти удивительные явления отмечены почти на всех высокогорных широтах Арктики и Антарктики, а также высоко в горных местностях разных континентов земли.

Водоросли недолговечны, поэтому снежники «цветут» недолго. Вероятно, по этой причине хламидомонады и не смогли приспособиться жить в воде пробирки. Снежные розовые поля в долине уже дней через десять стали обычными — белыми, утратив экзотическую окраску.

Снежники, как ни странно, служат местом кормежки многих птиц. Мы часто наблюдали за бегающими на тонких ножках стройными горными коньками, подбирающими оцепеневших от холода насекомых. Охотно кормились на снежниках гималайские завирушки, склевывая каких-то комариков и мелких бабочек. Выходили на охоту на

снежные поля и пауки-«волки», не умеющие плести сетей в отличие от других своих собратьев. Они с наском нападали на свою добычу — разных насекомых.

Снежники рождают алтайские реки, воды которых поят долинные луга и поля, питают таежные массивы. В реках рыба — хариус, таймень. Ею кормятся выдра, норка и другие хищники. Промышляет рыбу и человек. На реках Алтая держатся водоплавающие и околоводные птицы. Пожалуй, эти снежники — истинные кормилицы, ибо без их воды не было бы жизни, не было бы красоты, без которой Алтай просто немислим.

Лесная обитель

Не сказать о ней, старой-престарой избушке, которая стояла ниже Кедрового озера на пышных лугах с редкими одиночными кедрами да лиственницами — нашей лесной обители, — значило бы упустить в нашем Беломубинском путешествии нечто главное. Утонувшая в буйной зелени, полувкопанная в откос и прикрытая травами, она сверху едва заметна.

Низенькая, в восемь накатов из круглых листвяжных стволов. Крыши из горбылей. На ней земля. Она всегда в цветах нивяников и трехреберников. В некоторые годы на краю ее поднимался жирный и высокий столб медвежьей дудки, украшенной округлыми шарми соцветий. Дверь маленькая. Чтобы войти, приходится сгибаться вдвое: поднимая ноги через порожек, коленями достаешь до подбородка. Встать во весь рост невозможно — низенькая. Внутри квадратное окошечко — четверть на четверть. Под ним из двух дощечек столик на котором соль, кружки, чашки и алюминиевые ложки. У столика доска-лавочка на двух столбиках. В передней части избушки из горбылей нары — от стены до стены. За нарами тоже окошечко: квадратным светлячком оно цедит свет в сумрак избушки. Посредине столб, поддер

живающий нары. От него — проволока. На ней развешивается одежда для просушки. Слева у двери разваленная печурка из дикого плитняка. Тесно. Втроем негде стать в промежутке между столиком, печуркой и нарами. Мы же жили в ней по шесть — восемь человек. Конечно, при условии — половина сразу же занимала свои места на нарах, на них мы предварительно набрасывали чуть подвяленной травы. Тогда бугры и сучья, выпирающие из неструганных горбылей, выравнивались. Дверь сбита так себе, наспех, из тонких полуоструганных досок. Вместо шарниров брезентовые и кожаные ремни. Пол земляной.

В ненастье, когда сырость и холод пробирали до костей, мы неоднократно затапливали печурку. Как только дрова разгорались, в избушке собирался густой до черноты дым. Спасаясь, вынуждены были опускаться на четвереньки, залезали под нары и уже потом один за другим со слезящимися глазами выползали наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Так продолжалось до тех пор, пока стены не прогревались и не накалялись камни. Ничего, что пахло горьковатым дымом. Мы снова забиралась на нары, закрыв наглухо дверь с навешанным на нее фланелевым одеялом.

В тепле становилось веселее и мы, лежа в мешках, переживали непогоду, пока вершины гор одевал нежданный снег. Здесь же, у верхней границы леса, в это время моросил холодный дождь либо клубился липкий туман и округу окутывал промозглый мóрок. В сильный дождь крыша протекала как решето — текло из каждой дырки и щели. Так было до тех пор, пока Толя Кочнев и Сергей Цыбулин не принесли с собой и не закрыли крышу полиэтиленовой пленкой, сверху аккуратно обложив, как черепицей, толстыми, широкими кусками листовяжной коры. А чтобы не сбил ветер, на нее положили увесистые бумажники.

Теперь часто вспоминается, как ребята до ремонта крыши вынуждены были спасаться от дождя. Помню, задержался я на одном из болот, наблюдая за лесным дупелем. Юннаты все собрались уже у нашей хижины и готовили ужин. Внезапный сильный дождь вынудил меня вернуться. Чтобы на ночь глядя окончательно не вымокнуть, я бегом припустил к избушке. Но что это? Шипит и трещит, споря с дождем, костер. Кипящий суп плюется во все стороны. А вокруг никого. Сначала я подумал, что ребята где-то попрятались. Искал под нарами: пусто. Тогда я вышел и позвал их. И вот тут, как из сказки о семерых козлятах и сером волке, из рядом стоящих дуплистых кедров, обгоревших наполовину от давних пожаров, один за другим выскочили мои ребята. Посчитал — все семь. Не смотреть на них без смеха было невозможно. Они походили на отчаянных трубочистов.

— Что случилось, — спрашиваю, — почему вы там?

— Там сухо и теплее, — дружно отвечали «трубочисты», растирая по смеющимся физиономиям сажу.

В трех шагах вокруг избушки ветхая изгородь. Прямо у входа и было устроено кострище. А чуть в сторонке от него стоял столик из широкой доски в метр длиной. С одной стороны около него вместо скамеек в зазубринах — кедровая колодина, служившая когда-то для рушки орехов, с другой — просто ошкуренный серо-свинцовый сутунок. Стол был обеденным и рабочим. С другой стороны изгороди у входа в избушку стоял рослый, крепкий, высокий пенёк лиственницы. Пень этот не оставил без внимания Андрей Никитич — наш частый спутник в путешествиях. Однажды, оставшись дежурить, от нечего делать он вырубил из него нечто угрюмое, с брезгливыми надутыми губами. Теперь днем и ночью бесшумным сторожем, словно щурясь от окутывающего едкого дыма чадающего очага, он капризно смотрел сквозь прорези глаз куда-то в горы. А чтобы он дольше сохранился, Андрей Никитич до блеска натер его салом

и прикоптил. Через некоторое время юннат Боря Кулешов на капообразных выпуклостях и наплывах погибших деревьев топором и ножом вырубил ряд разнохарактерных «личностей». И, надо сказать, подобные «маски» мы встречали на таких же наплывах вокруг избушки. Судя по дереву, они были очень древними. Трудно сейчас сказать, кто их автор.

В избушке нам было тесно, но, как говорят, в тесноте, да не в обиде. Но ложились мы при одном условии: укладывались все сразу на один бок и потом дружно все переворачивались. Иначе было нельзя. Поэтому под утро наше «спанье» превращалось не в отдых, а пытку. Мне часто приходилось видеть, как тот или другой юннат, заснув крепко, но испытывая неудобство, пытался принять удобную позу и в конце концов вынужден был сесть, но потом втиснуться среди своих спящих товарищей уже не мог.

На протяжении многих лет мы не одни жили в этой избушке. Бессменным «жителем» ее был еще и Гаврила — коряга (шишига) с мускулистыми руками, короткой шеей, выразительным и предельно внимательным «лицом». Шишига лесной избушки очень походила на гориллу. Поэтому мы и называли эту кедровую корягу Гаврилой. Избушку же, где лежала эта уродина, стали иногда называть Гавриловой избушкой. Эта обезьяноподобная шишига из года в год встречала и провожала нас. Однажды в подарок ей я прихватил из дому пару оранжево-красноватых глаз, оторванных у износившегося игрушечного медвежонка, из которого сыпались опилки. Обретя ясные живые глаза, наш Гаврила еще преданнее, как думалось, умнее вглядывался в наши лица. И взгляд его, казалось, полнился грустью, когда на долгую зиму мы покидали его одинокую, затерянную в глухомани среди диких гор и тайги обитель.

Все мы с Гаврилой неоднократно фотографировались. Фотографии получались живописные: выразительная, с

нагло-откровенным взглядом морда шишиги среди наших лиц, а крепкие бугристые ручки обнимают нас за плечи. Несколько лет встречал и провожал нас шишига-Гаврила. А потом исчез. Может, пастухи пустили на «растопку»?

Кто-то из юннатов, оставшись дежурить у избушки, взял дощечку и увеличительным стеклом выжег на ней слова: «В 1894 г. от лап медведя погиб живший здесь Гаврила, который и похоронен здесь же, в избушке». Надпись примерно такого же содержания он выбил и вверху на столбе в избушке. Потом искусно замазал ее, затер так, что она выглядеть стала древнее древнего. В глаза она сразу не бросалась. И замечали ее только те, кто внимательно изучал столб.

Ребята, которые приходили с нами в избушку впервые, рано или поздно, оглядывая деревянное сооружение, натыкались на эту надпись и с волнением и нескрываемым удивлением сообщали: вот, мол, что написано, и нашел это я! Мы с юннатами-«старичками» делали вид, что видим надпись впервые. И это был прекрасный повод для разных разговоров, особенно в ночное время. Легкий страх волей-неволей закрадывался в сердце новичков: подумать только — здесь, под нарами, в темной таежной обители захоронен человек! Кто он? Зачем здесь жил и чем занимался? Некоторые ребята считали, что ничего особенного в этом нет. Для других сей факт был непривычен, волновал. Строились разные догадки, предположения. Ночью, когда каждая коряга или пень обретают загадочные черты, когда все покрывается мраком таинственности, а шум рек и трав настораживает, ребята чуть робели, сидя у костра. Знающих эту историю забавляли догадки ребят о «трагической смерти Гаврилы», и мы слушали их волнующие версии и забавляли собственными предположениями, рисуя мрачные картины гибели мужественного Гаврилы. Ребятам подобные разговоры очень увлекали.

Однако утром, когда мир становился привычным, не было пугающей темноты, исчезали вчерашние страхи. Интересно было слушать, как ребята сами над собой подшучивали.

Разумеется, не это было главное в наших разговорах у ночных костров и на нарах избушки перед сном. Обсуждали мы самые разные проблемы нашего времени. Говорили о биологической природе многих «странных» явлений, с которыми столкнулись здесь, о некоторых закономерностях в жизни животных, о чувстве красоты и гуманности человека по отношению ко всему прекрасному, с чем мы встречались в этих местах. Беседовали много раз, какую выбрать профессию.

Мои бывшие юннаты уже стали взрослыми, разъехались, но и по прошествии многих лет переписываются между собой. Пишут и мне, поэтому я и сегодня в курсе их дел. При случае они заезжают и на станцию юннатов в Усть-Каменогорске, чтобы встретиться, вспомнить о прошлом, поговорить.

В дождливые вечера, когда мы собирались в избушке, каждый должен был что-нибудь рассказать или исполнить: сказку, песню, стихи. Больше всех из ребят в этих жанрах преуспевал Боря Кулешов. Он знал массу разных сказок, охотно их рассказывал, и все мы с удовольствием его слушали. Песен он знал множество. Бывало и так: Боря поет, а мы под его песни один за другим друженько засыпаем. А утром он с обидой говорит:

— Все, больше не буду вам петь: спите как хорьки, а я один пою и пою!

Однако с наступлением очередного вечера мы все снова просим его спеть, и он никогда не отказывал.

Часто мне вспоминается один случай. Время было уже за полночь. Ребята, уставшие за день, утомонились и спали. Андрей Никитич возился у костра, просушивая вымокшую одежду. Вдруг он зашел в избушку и изо всех сил стал тормозить меня:

— Ты спишь? Иди посмотри: я нашел светящиеся цветы!

Вставать не хотелось, но Андрей Никитич тряс меня и возмущался, что я не бегу следом за ним куда-то в ночь, оставив теплый спальник.

— Пойдем! — звал он, — они светятся, как фосфорные!

— Нет у нас таких цветов, — отрицал я, поглубже забираясь в спальник.

Но художник отступать не собирался. Пришлось сдаться. Я и еще несколько проснувшихся ребят выбрались из теплых постелей. Широко шагая, Андрей Никитич повел нас куда-то под кедр за избушку. Он подошел к старой, похожей на чёрта коряге. Опустился на колени и стал разгребать руками спутанные листья густой осоки.

— Вот видишь, — он показал на мелкие звездочки цветков, белеющих в осоке. — Светятся!

Это были густые высыпки цветков травки-ясколки, весьма обычной в наших лесах. Ясколки действительно смотрелись яркими в осоке, хотя и не светились.

— Правда, — говорю, — почти светятся!

Меня, признаться, поразил больше всего сам Андрей Никитич: то, что он умеет удивляться и восхищаться, равнодушен ко всему, что его окружает, ведь увидеть цветы светящимися — не каждому дано!

Однажды в дождь мы сидели в избушке, лениво переговариваясь. Ненастье утомило. Ничего не хотелось делать. В открытую дверь виднелось туманное мокрое небо да подрагивающие от падающих дождинок листья горькуши, чемерицы и маральего корня. И вдруг по брюхо в траве перед нами — лось. Он проходил в десяти метрах, высоко поднимая ноги. Схватив телеобъектив, я выскочил наружу. Лось, не поворачиваясь, уходил за ближайший бугор. Шел он, казалось, не торопясь. Но мне за ним приходилось бежать. Услышав шум травы, он

остановился. Я замер, наводя фокус объектива. Увидев меня, зверь сделал несколько шагов в мою сторону. На всякий случай я встал за кедр, прикинув на глаз, сумею ли быстро при необходимости вскарабкаться? Лось еще некоторое время пристально смотрел в мою сторону. Затем, по-видимому, счел, что нет необходимости со мной связываться, и также быстро, утопая в мокрой траве, скрылся за бугром.

Много еще разных зверей и птиц встречали мы у избушки. Но самыми постоянными гостями около нее были обыкновенные чечевицы. С восходом солнца их собирались многие десятки. Рядом лежала огромная листовая колодина с выдолбленным желобом посередине. Когда-то пастухи бросали сюда соль для скота. Дождями ее размыло, и земля около нее была просолена. Клевать солонец и прилетали чечевицы. Они клевали также глину на крыше и около стен избушки (видимо, и там была соль).

Чечевицы будили нас по утрам. Только и слышно было как шелестели у стен их крылья, особенно хорошо выделялись малиновые самцы, зачастую копающиеся перед самой дверью. И стоило кому-нибудь из нас перепереду выйти из избушки, как десятки пар крыльев дружно и шумно взмахивали: то неслись красными огнями испуганные птицы. Иногда «солонцевать» прилетали обыкновенные юрки, клесты. Мы ставили сети-паутинки и кольцевали этих птиц.

Много ночей и дней провели мы с ребятами под крышей прокопченной избушки, слушая шум падающего дождя, шорох полевок, подбирающих со столика у окошка остатки сухарей.

Увы, этой избушки уже нет, она совсем развалилась: упал потолок, земля засыпала нары. Высокие сочные травы поднялись над ней, гордые и красивые. Я не раз приходил сюда один и уходил с чувством утраты чего-то

важного: так много воспоминаний связано с этими полуистлевшими стенами, с этой лесной обителью, дававшей нам уют.

Тайна зеленых «курганов»

В Райской долине мне как-то бросились в глаза небольшие округлые холмы, напоминающие по форме и размерам исторические курганы. Расположены они были на выровненных участках долины и по округлым вершинам Ивановского хребта, у самой восточной его оконечности. Внимательно осмотрев свое открытие, я вдруг прозрел и теперь был твердо убежден, что это действительно чьи-то захоронения. Но чьи? Тут я вспомнил описания жизни и быта встречавшихся здесь калмыков, о которых писал в дневниках Г. А. Щуровский. Довольный своей догадкой, я однажды специально отправился на плато, где видел эти одинокие холмы. Обследовав их обстоятельнее, я еще раз убедился, что курганы насыпные, причем вроде бы сравнительно недавно, поэтому на них, как нигде вокруг, буйно развивались крупные злаки и осоки, отчего курганы казались зелеными или сизыми среди альпийских и тундровых лугов. На первых порах я насчитал их десятка два. А около одного, расположенного среди относительно ровной местности на плато, находилась еще неглубокая овальная яма. От частых дождей ее залило. Образовалось небольшое озерное зеркальце, поблескивающее среди зарослей березки и низких разноцветных альпийских трав. Бережка его задерновались. Это совпадение я считал не случайным.

А почему бы и нет? Такие благодатные горы, долины, луга, обилие речек, кедровые и лиственничные леса. Раздолье для скота и охоты. Куда ни посмотришь — душа радуется. Словом, места для охотников и скотоводов прекрасные. К тому же отсюда в Алтайский край через Холзун уходят лошадиные тропы. И не случайно в наше

время здесь периодически выпасают крупный рогатый скот и лошадей. Чтобы окончательно убедиться, что это места древних захоронений, я взял с собой двух ребят — Толю Кочнева и Сергея Цыбулина. Мы вновь долго осматривали, прикидывали как и что и делились своими соображениями. И все пришли к выводу: это курганы!

Приехав домой, в Усть-Каменогорск, я тут же направился в областной историко-краеведческий музей. Разыскал Алексея Алексеевича Чарикова — большого энтузиаста по раскопкам кипчакских захоронений на правом берегу Иртыша у села Зевакино. Внимательно выслушав меня, этот энергичный человек посоветовал сначала самим (хотя бы частично) раскопать один из курганов.

— А если там будет что-нибудь, закажем вертолет и посмотрим. А просто так снаряжать экспедицию в труднодоступные горы — дело малонадежное.

Получив советы, как вести раскопки, чтобы не причинить вреда могильнику, мы в том же составе отправились в новую экспедицию к Белоубинским озерам. Кроме необходимых вещей и продуктов мы прихватили самый примитивный, но нужный для подобных работ инвентарь — кирку и лопаты без черенков.

Погода стояла адская: почти все десять дней небо не просыхало. Дождь прекращался на час-два и снова хлестал приступами. Хребты покрывались туманом. Он стекал в низины, и становилось вовсе холодно и неуютно. Выглянувшее ненадолго солнце, несмотря на свою щедрость и летнюю силу, не успевало просушить травы. И тем более невозможно было высушить одежду. Насквозь промокшие, мы влачили жалкое существование. Однако затянувшееся ненастье не останавливало желания взяться за раскопки.

Я по-прежнему занимался наблюдениями за гнездами птиц, проводил учеты их в определенные часы дня. Поэтому приходилось подолгу сидеть в скрадках или палат-

ках, иногда по несколько дней у одного гнезда, чтобы узнать кое-что из жизни пернатых обитателей верхней границы леса. В этой связи все земляные работы полностью взяли на себя ребята. С утра мы уходили по своим делам. У избушки встречались только в полдень, чтобы пообедать вместе, или вечером с заходом солнца. После раскопок ребята приходили очень уставшими, грязными и промокшими до последней нитки.

Мы с трудом разжигали костер, используя заранее заготовленную бересту. И у костра, раскладывая на жердях рубахи и штаны, цепляя носки и растягивая портянки, во время приготовления ужина обсуждали свои успехи. Толя и Сергей рассказывали о своих раскопках, на которых работали несколько дней. Они вырыли по всем принятым археологическим правилам уже приличный «коридор» к центру одного из курганов. Но землякопов удивляло, что земля, вопреки ожиданию, была вовсе не мягкая, как выглядела сверху, а напротив — крепкая. Однако особенность эту объясняли тем, что просто-напросто захоронения, с которыми мы имели дело, очень древние. Так они трудились изо дня в день.

Ребята не унывали несмотря на дожди и холод, и физиономии их светились радостью. И каждый раз, возвратившись к избушке, они стягивали с себя мокрую одежду, волокни ее к речке и полоскали, смывая желтую глину. Сушили ее у костра и с новыми силами шли на археологические раскопки. С каждым метром работать было все труднее. Высота холма росла, и земля становилась, как назло, плотнее. Дождь не переставал. Но они рыли не только с помощью инструментов, но и выгребали землю руками. Однако, достаточно углубившись в глинистое чрево кургана, ребята так ничего и не нашли. Ни склепа, ни каких-либо предварительных деревянных ограждений, ничего такого, что бы указывало на причастность к этим сооружениям человека. Сомнения, споры все чаще и чаще возникали теперь между «археоло-

гамп»-землекопами. Иной раз они приходили уставшими и злыми, подолгу не разговаривая друг с другом. И вот на четвертый или пятый день работы ребята почему-то вовсе не пришли к избушке обедать, а вернулись только к вечеру. Издали было видно, что лица их кривили невеселые усмешки, словно их кто-то исподтишка заставлял насильно улыбаться.

— Ну что, нашли саркофаг? — нетерпеливо спрашиваю, когда они еще подходили к избушке.

— Золотишко есть! — с фальшивым восторгом ответил Толя.

— А чего же тогда ваши перепачканные физиономии страдальчески улыбаются?

— Просто вам ни разу в жизни не приходилось видеть, как улыбаются настоящие кладонскатели, — парировал Сергей.

И ребята рассказали, с каким трудом в этот день они выбирали последние метры своей штольни. Говорили наперебой: как они страшно обрадовались, когда наткнулись на погребальную каменную плиту; с каким жаром спорили, как подкопать под нее, чтобы заглянуть глубже и ничего не повредить.

— Плита весила несколько тонн, и думать нечего было, чтобы ее перевернуть, но мы соображали, как ее сдвинуть.

— Ну и что же там под надгробным камнем? — спрашиваю, теряя терпение.

— Чего? Ничего! Вот и все! — сверкнул недовольный взгляд Сергея через линзы очков.

И Толя рассказал, что это была просто напросто каменная глыба, вокруг которой ветер «соорудил» правильный холм.

— Курган с каменной начинкой! — подвел к точке этот разговор Сергей.

Трудно было согласиться, что все видимые нами курганы и есть всего-навсего плод работы ветра.

— Столько копать! — уже потом искренне смеялся Сергей.

— Вот вам и «курганы, курганы!» — обращается ко мне тонким ехидным голосом Анатолий.

— Ну что ж, поработать всегда полезно, — тоже не без издевки отвечаю я, — хорошо еще археологов сюда не притащили. А то бы не до смеха было, «господа археологи!»

Мы долго еще посмеивались над собой, потому что все оказались в глупом положении. А мне вдруг живо вспомнился аналогичный эпизод из жизни удивительного человека, жившего в конце прошлого — начале текущего столетия в городе Зайсане — Ф. К. Кукушкина. По его дневниковым записям написана книга В. А. Обручева «В дебрях Центральной Азии». В одной из пустынь Центральной Азии вместе со своим преданным другом — монголом Лобсыном — он отыскал мертвый город, никому до того времени не известный. Они собрали свою тайную экспедицию и вдвоем приехали на раскопки. Очарованные причудливыми строениями, они не знали, с чего начать. Смущало только одно: у этих строений не было каких-либо заметных признаков дверей или окон. Но это не остановило энергичных землепроходцев-энтузиастов. Денно и ночью трудились они, сидя на сухом пайке, страдая от жажды. Раскопки шли плохо. Куполообразные постройки из глины не поддавались. Тогда они попытались копать могилы, склепы и прочие неизвестного назначения сооружения. И только через несколько дней поняли, что долбят не исторические памятники, а всего лишь причудливые останцы, сформированные ветрами и скудными осадками. Вот уж поистине: кто ничего не делает — не ошибается.

Ворона со странной окраской

Стояло чудесное утро. После ночного дождя все вокруг выглядело посвежевшим и ярким. Мы с Толей Цыгановым выбрались из палатки, которую поставили уже в сумерках прямо на краю небольшого снежника под самыми верхними кедррами, изрядно потрепанными ветрами. Стройный, чуть медлительный Толя неторопливо разжигал костер. Стоя на четвереньках, он раздувал пламя в рыжей, как шерсть лисы, хвое, собранной в пазухах корней кедрра, где она сохраняется сухой даже после длительного ненастья. Он морщил темные брови и тер глаза от едкого дыма. Вскоре на хвое оживает пламя. И пока я занимаюсь оформлением необходимых записей, Толя набирает в котелок снега, подвешивает на импровизированную деревянную треногу. Сизыми языками дым стелется над мокрой травой. Вскоре вода закипает. Толя ложкой собирает грязноватую пленку пыли, осевшей когда-то на снег. Бросаем в кипяток горсть сухих листьев чагыра, который собрали тут же на россыпи, и вскоре пьем чай. Пьем и посматриваем на сияющее нежными красками небо, на всегда зовущие горы. В кедрово-лиственничных зарослях гомонят проснувшиеся таежные птицы.

Позавтракав, закапываем в снег сливочное масло в стеклянных банках, накрепко закрытых полиэтиленовыми крышками, и полкилограмма свиного шпика, до красноты обсыпанного перцем. Застегиваем на деревяшки-пуговицы створ палатки и уходим на маршрут: учитывать птиц, живущих в кедрово-лиственничной тайге. Кстати, именно здесь численность и плотность их оказалась самой высокой по сравнению с другими таежными формациями Западного Алтая. И сейчас, в утренний час, это было особенно заметно — отовсюду доносились тихие «поцвиркивания» пеночек-зарничек. В сумраке сбегавшихся кедров, образующих темно-зеленое бугристое

полотнище, томно пересвистывались серые снегири. Настойчиво свое «вить-вить» выводила обеспокоенная кем-то горихвостка. Перелетая среди стволов, во всю горлалили счастливые кедровки. С макушек лиственниц легко взлетали лесные коньки и, рассыпая густые звонкие трели, камнем падали на вершину другого дерева. Бесконечно можно было наблюдать за их музыкальными трюками. Ниже нас, под обрывом, на сверкающем зернистом снежнике темнели провалы медвежьих следов.

Идем медленно. Внимание абсолютное, чтобы не пропустить по возможности ни одной пичуги, мелькнувшей в кронах или где-то неподалеку подавшей голосок. Поэтому под ноги не смотрим и постоянно спотыкаемся о скрытые в траве валежины, камни. Отмеченных птиц записываем. В это время над нашими головами в плавном полете прошлась одинокая ворона — гибрид серой и черной ворон.

Здесь, на Алтае, проходит обширная зона гибридизации этих видов. Об этом писали и исследователи прошлых лет. Пролетевшая над нами ворона была почти вся, за исключением светло-серого воротника, обнимающего шею, черной, словно в глубоко декольтированном темном платье.

— Почему такая странная окраска? — спросил Толя.

Мы остановились на несколько минут, и я пояснил ему, что это гибрид серой и черной ворон, что мешает определению вида, гибриды эти очень плодовиты. Рассказал о том, что черная ворона на Алтае занимает верхний ярус гор и гнездится здесь до 2000 метров над уровнем моря, а серая — нижний и селится в предгорьях, высоко в горы не заходит. Поделился своими наблюдениями о том, что долгое время для меня было загадкой: почему встречаются иногда одиночные, иногда пары, а иногда и небольшие группы серых ворон в гнездовое время на этих склонах или где-нибудь в глубокой тайге.

На эту странную загадку ответили сами же вороны.

Согласно генетическим, теперь всем известным законам, дети и внуки очень похожи на своих родителей, на дедов и прадедов. То же самое и у них. Вороны с темной окраской являются носителями генов и серой вороны. И вот где-нибудь в тайге, куда нормальные серые вороны никогда не залетают, у черных появляются птенцы с окраской серой вороны. С ними же в гнезде птенцы в черном пере и, конечно, гибриды. Бывают гибридные вороны с самой неожиданной окраской: спина черная, брюхо серое в жирных черных бороздах, а то на шейках светлые подковы. Однажды встретила птица, у которой основания маховых перьев почему-то оказались светлыми. При полете крылья ее мелькали, как у чернолобого и большого серого сорокопутов или щегла. Таким образом, в гнездах иногда появляются птенцы трех основных цветовых вариаций.

Это можно наблюдать и в семьях ворон на степной окраине Алтая, в которых самец и самка серые. У них свои «выродки», то есть черные особи, как писал П. П. Сушкин — известный орнитолог-алтаист. Поэтому на больших таежных высотах встречаются не только гибридные особи, но и с виду настоящие серые вороны, что долгое время, можно сказать, сбивало с толку ученых-исследователей. Подтверждением этих наблюдений и была гибридная ворона, пролетевшая только что над нами.

Выслушав меня, Толя не остановился на этом, а попросил, чтобы я ему еще что-нибудь рассказал про ворон: об их повадках, сообразительности, о которой много говорится в литературе, и разное другое...

— Давай не будем сейчас отвлекаться на разговоры, — предложил я, — а когда вернемся с учетов, расскажу.

И мы продолжали свою работу. А мне вдруг живо вспомнились маленькие, досадные недоразумения, происходившие с нами по вине этих самых ворон.

Во время очередной юннатской экспедиции мы остановились и разбили палатку на лесистом берегу речушки Кучихи, сбегаящей с Линецкого белка, где она сливается с Белой Убой. Перед тем как пойти в лес на экскурсию, мы сложили в палатку вещи и продукты, а сливочное масло в банках, хорошо закрытых полиэтиленовыми крышками, опустили в студеную воду (иначе масло тает и портится), огородив камнями от бурного течения. Вернувшись в лагерь после четырех-пятичасовой экскурсии, мы увидели, что три или четыре банки лежат уже выброшенными из воды на берег. Крышки сорваны, а масло добросовестно съедено, мазки, оставшиеся на стенках, — следы потычек. Похоже, масло было не выклевано из банок, а аккуратно вылизано. Искреннему возмущению ограбленных юннатов не было предела. Мы осмотрели берег, на иле были видны только отпечатки следов ворон. Огляделись — ни одной птицы, словно их не было и вообще нет на белом свете. Лишь следы да помет вокруг банок — неопровержимое свидетельство их разбоя. Удивляла, конечно, хитрость птиц, находчивость, нахальство, но больше всего — обжорство. Съесть почти два килограмма масла — не шутка! Повозмущались, посердились, погрозили кулаками на все четыре стороны: ведь нам предстояло жить вдаль от сел почти десять дней! Не обидно ли?

Об этом, пока мы шли с Толей и считали птиц, я и собирался рассказать ему, пусть потом сам делает выводы, что это за птички божьи. Но по-прежнему вокруг ликовала утренняя природа. Разноголосье птиц придавало особую прелесть прекрасному миру гор, тайги и неба.

Часа через полтора мы повернули, изменив маршрут, к палатке. Теперь мы шли выше прежнего маршрута, и под ногами шумели росные травы. Над густым травостоем возвышалась чемерица с листьями, изрисованными дугообразными рельефными жилками. Белые и сирене-

вые цветки борцов и головастые, словно в папахах, соцветия маральего корня ярко выделялись в зелени. Изредка на мочажинах мы натыкались на затаившихся горных дупелей. Каждый раз неожиданно, пружинисто, с характерным скрипом они поднимались и стремительно, чуть ли не касаясь гнутыми крыльями верхушек трав, летели над лугом, затем, сложив крылья за спиной, мягко падали в траву. Мы сразу же бежали туда, где они опускались, чтобы поднять их снова, но где там: дупеля стремительно убегали с этого места...

И снова над нами ворона, все в том же «декольтированном платье». Вновь молча, неторопливо пролетела над нами. Тысячи птиц встречаешь за время орнитологических выездов, разве всех запомнишь? Так было бы и с этой птицей, если бы...

Вскоре мы вернулись к палатке. Солнце обсушило намокший за ночь брезент. От крыши струилось тепло. У входа в палатку лежала жирная, перепачканная перцем бумага, в которую был завернут шпик, а у снежника валялась раскрытая банка и крышка. Масла в банке не было.

— Медведь, наверное, нахозяйничал? — настороженно как-то выговорил Толя. Он присел у снежника, разглядывая следы. Позвал меня. У кромки снега на раскисшей земле были улики преступников — следы и помет, удостоверявшие визит ворон...

— С банкой мне все понятно, — удивился уже я. — Но полкилограмма сала упереть, а тем более съесть, невозможно! Оно же докрасна пересыпано перцем!

Толя горячо поддерживал меня, возмущаясь разбоем, и мы снова пытались обнаружить следы какого-либо зверя, и прежде всего — медведя. Увы! Вокруг следы ворон. Тогда я направился к ближайшему кедру с тайной надеждой отыскать под ним наперченный кусок сала. «Может, занесла на кедр, стоящий у обрыва, поела и уронила. Не от крика радости, как в басне, а от пере-

едания или от испуга, увидев наше приближение»,— все еще надеялся я. Сала, однако, нигде не было. Мы, конечно, огорчились, нам еще неделю предстояло бродить в горах. Оставалось сидеть на сухарях, сахаре да концентратных супах.

Некоторое время мы стояли озадаченные и, по правде сказать, одураченные, растерянно смотрели по сторонам, надеясь, что это неправда. Гнев понемногу улегся, что возмущаться без толку? Однако Толя очень переживал неудачу, он то и дело подходил к раскрытой банке, удивлялся и возмущался вслух:

— Я ведь крепко-накрепко закрыл банку. Силу какую надо иметь, чтобы открыть?

То в который раз осматривал снежник, где закапывал сало и масло.

— Ну что, Толя, еще что-нибудь рассказать про ворон или на сегодня хватит?— спрашиваю у него.

Толя смеется, хотя и невесело:

— На сегодня хватит! Только скажу вам,— обращается он ко мне,— оба мы хороши! Нам только и осталось делать, что ворон считать.

— Так мы ее и сосчитали один раз. Еще и запомнили что одна и та же. С нормальной окраской можно было бы и за двух учесть,— поддерживаю его.— А ты понял, почему она над нами дважды пролетала и нисколько не заинтересовалась, что мы здесь делаем?

— Почему?— удивляется Толя.

— Да потому, что она на разведку прилетала. Узнать, далеко ли мы с тобой.

— Не воронами, а воровками их надо называть! Надо же, такой кусок сала унести! Не верится...

— Так их тут компания была,— предполагаю я.— Часть съели, остальное унесли.

— Чтоб им пусто было!— пожелал Толя.

— А что касается названия, так в слове «ворона» и кроется характер этой птицы,— вернулся я к теме, за-

ронутый Толей.— «Ворон», то есть «он вор», вот и получается — «ворон». «Вор она», — не скажешь. Сначала, вероятно, говорили, «вор — он», а потом уж и она, «ворона», появилась.

— Все равно воровка! — шутил Толя.

— Думаю, переживем мы с тобой это наше ротозейство, но впредь нам наука! — советую Толе и сам себе.

— Воровки чертовы! — грозит куда-то в лес Толя.

Нос к носу

Был в моем кружке мальчик, очень интересующийся пушными зверьками. Звали его Саша. Он вообще с большим интересом относился ко всему животному миру, как и все юннаты, помогал отыскивать гнезда птиц и вести за ними наблюдения, обладал на редкость цепким взглядом: по малейшим признакам ему удавалось заметить где-нибудь высоко, скажем, на кедре, хорошо замаскированное гнездо, которое другим ребятам не удавалось увидеть, даже если им специально показывали, где оно.

Сашу обуревали разные вопросы, причем задавал он их часто невпопад. Но самые главные на зоологическую тему звучали следующим образом: «А кто сильнее, ласка или горностай?» Или же: «А как вы думаете, можно ли ласку сделать ручной, и чтобы она ловила и отдавала хозяину мышей?» и так далее...

Однажды во время таежного перехода мы приблизились к небольшой шумной речушке. Сбросили под сенью кедров тяжеленные рюкзаки, решив отдохнуть.

«Пока ребята отдыхают, схожу в разреженный пихтовник», — решил я, прихватив телевик. Я перескочил через речку и углубился в лес. Вскоре же услышал тревожный свист нашей маленькой синички-московки. Стараясь не шуметь, делаю несколько шагов в ее сторону. Московка крутится на нижних ветках елочки, обеспокоенная чем-то. Подняв «хохолок» (перышки на темной головке), она

подвешивалась в самых неожиданных позах к кончикам веток, заглядывала вниз и не переставала тревожно свистеть. Останавливаюсь, стараясь ничем себя не выдать. Кто же ее тревожит? И вдруг из травы появился виновник переполоха: на бархатистом мху бесшумно, подобно челноку, сновал горноста́й. По-видимому, у основания дерева в дупле у москочки было гнездышко. Она понимала, что ему грозит серьезная опасность и бесперебойно свистела.

Всепроникающий, юркий, подобный текучей ртути зверек действительно опасный хищник для низко устроенного гнездышка лесной малютки. Сделав еще несколько шагов, я остановился среди замшелых пней. В двух метрах, не подозревая о моем присутствии, зверек увлеченно тыкался мордашкой в поисках известной ему лесной добычи. Он мышковал. Я любовался его необыкновенно гибким, изящным телом. Он то исчезал у основания пня и тут же выглядывал уже с другой стороны, то нырял, как в воду, в моховую подстилку и неожиданно объявлялся в двух-трех метрах в стороне. Я задался целью сфотографировать его. Уж очень красив. Медленно поднимаю фотоаппарат и пытаюсь поймать горноста́я в кадр.

Но не тут-то было. Зверек так проворен, что резкость навести никак не удастся. И почти каждый раз в тот момент, когда оставалось только нажать на спуск, он успевал юркнуть и исчезнуть, чтобы выскочить где-нибудь позади или в глубокой тени деревьев, и тогда уже нечего было и думать о прежней резкости и выдержке.

Я безуспешно гонялся за ним глазом телевика. «Нет,— думаю,— искусство охотника-добытчика совсем бесхитростное занятие по сравнению с фотографированием». Энергия и неутомимость вездесущего четвероногого хищника злила и вместе с тем поражала. И вот удача! Он пружинисто вскакивает, садится на задние лапки и торчит передо мной вбитым колышком.

Его мордашка откровенно и смело направлена в мою сторону. На ней черными дробинками, играя блесками огня, зыркали внимательные пугливые глазки. Теперь я имел возможность остановить на нем взгляд и получше рассмотреть. Широковатая мордочка красиво «выпачкана» черными и белыми пятнами. Чумазым он казался потому, что на белоснежной шерсти, сохранившейся с зимы, проступили симметричные черные пятна, словно он все эти дни промышлял не среди умытых росой и дождями трав, а по крайней мере только-только выбрался из печной трубы.

Изумленный видом презабавного «замарашки», поднимаю телевик, щелкаю, но только спину, так как его тут же как ветром сдуло. Тут же узнаю, что кончилась пленка. Гибкая спинка мелькает желтой подковой среди трав и пней.

И тут я вспомнил: за речкой на рюкзаках сидят ребята и с ними Саша, никогда еще не видевший живого горностаю, но тем не менее его верный поклонник. Я тут же перескакиваю речку и показываю ему, куда идти. Даю краткую инструкцию, наказываю, как вести себя, чтобы не испугать зверька. Сам же наспех перематываю пленку и перезаряжаю фотоаппарат. Вместе с Сашей посмотреть на горностаю бросаются и другие ребята. Они создают небольшой полукруг и, затаив дыхание, подходят к пням и садятся на них. Затаившись, они слились с пнями, как бы став их «продолжением».

Закончив подготовку фотоаппарата, спешу к «живым» пням. Ребята словно окаменели. И как сейчас вижу: перед Сашей на совсем близком расстоянии на другом пне столбиком — горностаю. Он тянется носом к носу Саши. Грешным делом я так подумал, что горностаю кто-то шепнул, что сейчас перед ним на пень сядет великий любитель и почитатель его рода, и поэтому зверек уделил ему несколько секунд, чтобы в упор разглядеть, как выглядит это существо, которому он так интересен. А

может быть, он просто принимал его за интересный необычный пень? Кадр предвещал быть великолепным: нос к носу человек и зверек.

Счастливым, затаив дыхание, Саша, как загипнотизированный, сидел, чуть склонившись к горностаю. Я вскинул телевик, но щелкнул только одного любителя ласок и горностаев, а зверек, видимо, потеряв уже интерес к его неподвижной персоне, в мгновение улизнул и снова занялся поисками съестного. Свой нос он совал, как говорят, в каждую дыру. Медленно следуя за ним. И вдруг вижу, как остроглазый охотник из-под моховой подстилки вытащил голого, еще розоватого мышонка.

Встал столбиком и, глядя на меня, смачно жует: смотри, мол, какая вкуснятина. В его жадной, с мелкими белыми зубками пасти мышонок исчезал на глазах. Вот уже и голый розовый хвостик исчез. Горностай тут же сунулся под мох, выволок такого же второго мышонка и опять беззастенчиво расправился с ним. Та же участь постигла третьего и четвертого. Пятый, видимо, последний, вскоре тоже болтался в его зубах. Зверек пробежал еще несколько метров, поспешно раскопал мох и затолкал мордой в ямку свою жертву. Закончив свои дела, он запрыгал вниз по склону в сторону речки. Я старался не отставать и по-прежнему следовал за ним без шума. Горностай достиг густых зарослей спиреи и сразу же потерялся из виду.

И вот произошло то, что поразило меня не менее чем все его скользящие ужимки, удачная охота и прекрасный аппетит. Из кустарника, который был мне почти по грудь и выше, он вдруг начал «взлетать» еще на добрых полметра вверх. Сейчас этот проныра, обуреваемый избытком энергии, принялся «козлить»: еще и еще подпрыгивал он над макушками кустарников рыжеватой молнией, при этом отчаянно, чтобы не потерять равновесие, крутил темным хвостиком. И так несколько раз, пока окончательно не потерялся из виду. Удивленный его

прыгучестью, я некоторое время присматривался к тому месту, где он скрылся, но четвероногий разбойник больше не показывался. Я живо представил: если бы я смог прыгать так, как он, то обязательно бы взлетел выше двадцати-тридцатиметровых пихт, елей и кедров, окружающих меня.

Только потеряв горностаю, я повернул назад, к ребятам. На пне все так же остолбенело сидел Саша. Глаза его светились восторгом.

Невидимый солист

Немало сил и времени было затрачено нами на знакомство с небольшой, скромно окрашенной пичугой, с несколько странным для птицы названием — сверчок. Птиц этих в нашей стране семь видов. Один из них, о котором наш рассказ, оставался до недавнего времени одним из слабоизученных. Это певчий сверчок. Почти для всех птиц этого рода свойственно монотонное, не очень громкое пение, напоминающее одномерное тараканье сверчков, которых мы слышим вечерами. В августовские ночи они не перестают озвучивать степи, пустыни. Певчий сверчок среди своих собратьев прославился особенно громкой трескучей песней, пожалуй, его можно считать самым музыкальным среди сверчков.

О его присутствии на лугах узнаешь сразу. Он поет в любую погоду, в любое время суток. Впечатление такое, что он никогда не унывает. И все-таки главное, что меня поражает в этой птице, — высокой степени конспирация. Она умеет всегда оставаться скрытной. Особенности этой я не перестаю удивляться от самой первой встречи со сверчком до сегодняшнего дня. Откуда у него стремление всегда и везде прятаться, не попадаться на глаза? Маленький, серенький, юркий, осторожный, он искусно прячет и свои гнезда. Живет сверчок среди высо-

ких трав, на болотах, в прибрежных горных кустарниках.

Сверчок, о котором пойдет речь, относится к центральноазиатской форме, которая обитает на Алтае, в Зайсанской котловине и в предгорьях восточного Тянь-Шаня. На восток он доходит, по-видимому, до Большого Хингана и Алашаня.

Увидеть сверчка трудно, но можно, надо только набраться терпения: засесть где-нибудь около поющего самца и ждать. Сначала вы заметите легкое колыхание трав, по стеблям которых, низом, этот непоседа пробирается по своим, ему только ведомым делам. Живут сверчки среди пышных чемерицевых зарослей, с поднявшимися еще выше их синими и белыми цветками борщевиков, шапками маральего корня. Внимание: качаются чемерицы, теряя лепестки цветков, трясется борщевик, дрогнула и застыла голова маральего корня, колыхнулась широкая звезда листа медвежьей дудки. Словно ползущая змея оставляет виляющий шаткий след в травянистых дебрях. Проходит еще некоторое время, два-три раза пропоет громкую трескучую песню этот солист-невидимка. Но только вздрагивают травы... Пропадает надежда увидеть его, хочется пойти и пугнуть негодника из зарослей. Но совершенно неожиданно, словно насладившись потерей выдержки наблюдателя, с характерной трескотней взмывает певчий сверчок над травостоем и веселым бесенком несколько секунд прыгает и пританцовывает в воздухе, потом низко и тяжело, по-утиному часто трепеща крылышками, летит. В глаза бросается его серенькое оперение, широкий закругленный хвост, который он держит во время полета широко развернутым, словно боится упасть и утонуть в буйном половодье трав. Но будто устав, камнем падает и пропадает в зеленом разливе трав. И снова видишь, как колышится кустик курильского чая, то встряхнется, словно ото сна, горькуша, серебристыми рыбками забьются мохнатые листочки на

карликовых ивах, растущих здесь на лугах у гнезда сверчка. И снова громкое, прямо-таки победное пение. И опять крадется птица в гуще сочных трав, в сплетении кустарников.

Эта скрытнейшая птичка долгое время оставалась загадкой для орнитологов. Ни одного гнезда не попало в их руки! Естественно, любые сведения, связанные с ее жизнью во время размножения имели особую ценность. Теперь, конечно, понятно, что, встретившись с этим сверчком, мы стремились найти его гнездо и уже тогда что-нибудь узнать о его жизни. И мы с ребятами, не щадя себя ни в холод, ни в дождь, ползая на четвереньках, шаривали целые километры цветущих лугов, но, увы, совершенно безуспешно. Порой у нас создавалось такое впечатление, что сверчки здесь только и делают, что трещат, разжигая страсть у одержимых юннатов в поисках их гнезд, да шныряют в травах, чтобы сбивать с них утреннюю росу.

Известный ученый-орнитолог Петр Петрович Сушкин, значительную часть своей жизни посвятивший изучению птиц Алтая (кстати, он же описавший эту форму певчего сверчка), указывал, что певчий сверчок избегает для жизни зарослей полярной березки, которая в местах его обитания весьма обычное и распространенное растение. Эти сведения, видимо, и сбивали нас с толку. Гнезда сверчков мы искали на кочках и луговых травах. Как это трудно, можно представить только после того, как вы километры ползете на четвереньках, то и дело поправляя на себе ремни полевой сумки, фотоаппарата и бинокля, при этом тщательно ощупывая и осматривая каждый кустик, кочку, западинку или промоину. Вот уж когда воистину до мелочи изучаешь лицо земли, ощупывая ее ладонями, насыщаясь запахом трав. В поисках проходили дни. Гнезд не было. Сверчки поют, вылетают иногда из-под самых ног. По-утиному вытянув шею, выставив желтоватый тонкий клюв вперед и часто-часто

взмахивая крылышками, они потом неизменно «падали», чтобы потеряться в травах.

Помню, как-то мы спускались заваленной и поэтому труднопроходимой долиной реки Белой Убы. Кое-как преодолев могучий лесовал от сошедшей лавины, вышли на небольшую болотинку, заросшую высокими зарослями рогоза и осок. И вдруг — стрекочет сверчок. Бросаем рюкзаки и прочую амуницию и уже привычно, на четвереньках (навык помогал), пускаемся в заросли. Из зарослей взлетает сверчок с пометом птенца в тонком желтоватом клюве. Было ясно, что птица выносила его из спрятанного где-то гнезда. Это открытие очень воодушевило нас. И вот мы пробираемся по грязи среди сомкнувшихся над головой зарослей и внимательно, с надеждой вглядываемся. Вдоль и поперек облазили болотистую низинку, выпачкались в грязи, а гнезда нет. Не подлетают и сверчки. После окончания сезона летних полевых работ я приехал в Алма-Ату; поделиться своими находками пошел к орнитологам Института зоологии АН Казахской ССР. Рассказал и об этом случае, как мы были почти у цели, а найти гнездо сверчка не смогли. Анатолий Федорович Ковшарь, выслушав мое сообщение о неудачном поиске, с досадой сказал:

— Надо было все бросить, разбить тут же палатку и искать гнездо! Неделю стоять, а найти!

И вот во время очередной экспедиции на Белоубинское плато мы с ребятами обсуждаем план поиска гнезда сверчка. Решено было всем цепью, не торопясь, пойти теми местами, где мы постоянно слышали поющих сверчков. Обещаю пачку сахару тому, кто первым найдет гнездо. Наш отряд из шести юннатов не спеша, без разговоров идет сырыми лугами. Время от времени, пугая неожиданностью, из-под ног вылетают лесные дупеля — спутники и соседи певчего сверчка. В скором вихляющем полете уносятся на почтительное расстояние и падают на болота, как сверчки. То варакушка выпорхнет. Хвост

колом, крылья опущены, на груди фиолетовое пятно. Щелкнет, несколько раз дергая в такт хвостом, и тоже потеряется в зарослях. Вскоре мы выходим в слегка вогнутую заболоченную долинку, покрытую пестрящим от цветов травостоем с одиночными кустиками березки. Они как будто светятся: каждый листок, умытый ночными дождями, отликает тонким глянцем, отчего заросли кажутся маслянистыми. Упорно идем, минуя их. Проходит около часа, и вот слышим, как прямо из-под ног юркого Геня Чернова выпархивает сверчок. Поворачиваемся на шум и видим, как Генка, ухмыляясь во весь рот и щуря от счастья светлые глаза, показывает пальцем в кустик березки.

— Ура, я нашел! Несите рафинад! — что есть силы закричал он.

Окружаем кустик. В нем соломенное круглое гнездышко с пятью блестящими, с чуть сиреневыми пятнышками яйцами. А недалеко в траве приглушенной трескотней снует встревоженный сверчок. Вот и вся разгадка! Ищем в траве, на земле, а гнездо на кустике без какой-либо особой конспирации.

Склонившись, не веря глазам, изучаем первым делом строительный материал. Стенки гнезда оказались устроенными из прошлогодних выцветших стеблей трав. Форма гнезда чашевидная. Внутри оно аккуратное, прилежно выложено тонкими мягкими травинками. Взвешиваем и промеряем кладку. Делаем другие промеры. Заметив место, счастливые уходим на поиски других гнезд. Главное, мы теперь знали, где их искать.

Вечером, когда вернулись в лагерь, в торжественной обстановке Генка получил целенькую пачку рафинада. Приняв ее с достоинством исследователя-первооткрывателя, он выслушал похвальные речи и вернул сахар:

— Есть будут все, сегодня я угощаю!

И ребята, не упорствуя, сварили праздничный компот из ревеня алтайского, растущего здесь в изобилии.

Уже на следующий день мы отправились на поиски новых гнезд сверчков. Искали уже не по вылетевшим птицам, потому что вчера был тот самый редкий счастливый случай. Мы уже поняли, что, завидев человека, сверчок тихо покидает гнездо и также молчком, крадучись, уходит травой на некоторое расстояние и только потом объявляет тревогу. Поэтому мы обшаривали, а точнее прочесывали подряд огромные массивы зарослей березки, покрывающие заболоченные низины. Поиск в тот день увенчался небывалым успехом: три гнезда!

Перед одним из них, устроенным ближе к нашей избушке, мы установили специально сшитую маленькую палатку. Высота ее была около метра. В ней можно было только лежать. Под палатку стелили полиэтиленовую пленку (чтобы не лежать в сочившейся воде), поверх нее набрасывали веток и уж потом стелили фуфайки и куртки. Из окошечка палатки все, что происходило в гнезде, было видно как на ладони. Вся семейная жизнь этих скрытных птиц проходила теперь от нас на расстоянии не более шестидесяти сантиметров. В то же время в палаточной темноте птица плохо или вовсе не видела наблюдателя. Скоро привыкнув к палатке, сверчки, населяющие в гнезде кладку, нисколько не боялись и вели себя совершенно естественно. С этого времени каждое утро с рассвета и до сумерек в течение почти месяца мы наблюдали за их гнездом. Нужно было собрать как можно больше сведений: сроки насиживания, прилет к гнезду с кормом, кормление птенцов и все остальное, связанное с их жизнью в этот период.

Таким образом и было установлено, сколько дней сидят на яйцах сверчки, какими появляются на свет птенцы, как они развиваются и через сколько дней вылетают из гнезда. Также записывалось поведение родителей, чем и как они кормят птенцов. Понятно, что палатка не оставалась пустой. Мы сменяли друг друга. Для разнообразия, например, одни юннаты шли наблю-

дать за гнездом щуров, найденных здесь же неподалеку, в кедраче; другие — за лесным дупелем на болоте; за бурой пеночкой в стланике кедров, а один — за сверчками. И только вечером собирались все вместе и обменивались своими открытиями. Надо сказать, что жизнь этих малоизученных птиц была очень интересной.

Наблюдая с близкого расстояния за тем, как они сидят, как сходят с гнезда, улетаая на кормежку и уступают его друг другу (самка самцу и наоборот), как тайно возвращаются к нему, я к своему удивлению вдруг нашел поразительное сходство этих сверчков с большой выпью. Только сверчки во много-много раз меньше. У наших героев была почти такая же рыжевато-пестрая окраска, спина, изрисованная темными продольными пестринками. Вытянутый тонкий клюв будто выказывал характер проныры. И крупноватые цепкие лапки такие же, как у выпя. Как выпя, они лазили по вертикальным стволам тростников. Хвост короткий, округлый.

За время моих дежурств у гнезда большую часть времени на яйцах сидела самка. От самца она внешне не отличалась и узнавалась только тем, что не пела, как самец. Суженый же ее держался тут же в зарослях. Однако из предосторожности он ни разу не пел ближе двадцати метров, чтобы не выдать своим присутствием спрятанного «дома». Время от времени он внезапно, как из-под земли, появлялся у гнезда. Заглядывал в него и, убедившись, что все в порядке, ловко прыгая по стеблям и веткам березки, скрывался в гуще трав. В эти моменты он особенно походил на крошечную выпя.

С восходом солнца, которое появляется здесь из-за Холзунского хребта, закрывающего восточную часть долины, травы на лугу вспыхивали мириадами росинок. В это время сверчиха, сидящая в гнезде, испытывала заметное нетерпение. Возможно, усталость брала свое: она начинала крутиться, выглядывала — не идет ли ее голосистый повелитель? Обычно через несколько минут та-

кого поведения у гнезда появлялся он сам и сменял самку. За долгий летний день птицы много раз сменяли друг друга. Однако с наступлением ночи в гнезде оставалась всегда самка.

Чего только не передумаешь, лежа в палатке наедине с сидящей на гнезде птицей. Только здесь, на «лежке», без особых собственных движений я понял, что насиживание — работа трудная, требует внимания и не только инстинктивных «знаний», но и настоящей усидчивости и титанической настойчивости. Кажется странным отдыхать от сидения или лежания. И тем не менее в минуты краткого отдыха птица заметно расслабляется, иногда даже и засыпает на некоторое время. И это обычно в те часы, когда вокруг наступает относительное затишье, словом, в природе — перерыв. Вот тогда и приходят мысли, как трудно им достаются птенцы. Сколько неожиданностей, непредвиденных опасностей ожидает их на гнезде. Днем может змея наткнуться, ночью — хорек. Проходящий лось нечаянно наступит. И еще больше превратностей судьбы выпадает на долю глуповатых и недостаточно проворных птенцов. Понять неудобства, испытываемые наседкой, может тот, кто, как мы, лежал неподвижно у гнезда в палатке. И когда через четыре часа сдаешь свой пост другому наблюдателю, радуешься, что можно размяться. А бедные сверчки сидят в гнезде как влитые, словно глухи и слепы к миру, полному красок и разных звуков: он для них исчез. Глаза птиц в это время, как мне казалось, светятся пустотой. Оцепенев, они будто находятся в состоянии глубокого летаргического сна. Трудно поверить, что это те самые птицы, которые с утра до вечера только и знают, что снуют среди зарослей, птицы, поющие денно и нощно.

Погода здесь переменчива. Ласковое и чистое небо вдруг быстро затягивается серыми лохмотьями дождевых туч. На глазах они перерождаются в ползущих драконов, черных грифов, закрывающих солнце гигант-

скими крыльями и шеями. Вскоре приступом начинается дождь, который сбивает свой стремительный бег на тягучее падение и неожиданно уступает поле боя хлесткому граду. Воздух резко остывает. На дрожащих только что от дождинок и градин листьях стынют, мутнея, капли. Где-то высоко дождевые капли обращаются в ледяные шарики.

Нахохлив перышки, втянув головку, сверчиха вжимается глубже в гнездо. Тоскливо, с горечью обездоленной смотрит слегка прищуренными глазками перед собой. На какой-то миг вдруг встрепенется, откроет глаза, если услышит звонкую песню неунывающего самца, и опять тонет на дне своего уютного гнездышка. Проходит некоторое время, и вместо града на тучные многоцветные луга падает тихий снег. Кажется, все—пришла зима: всему живому конец! Смотреть не хочется на вершины хребтов, ставшие совсем белыми. Тревога западает в сердце. Но тем и прекрасна природа гор, что умеет огорчать и радовать своим неумным характером. Вскоре какая-то добрая сила разрывает снежные пологи облаков, закрывшие землю от солнца. Яркий свет его золотистыми струями падает сквозь разбежавшиеся тучи. А еще через полчаса с горизонта уходят последние охвостья лихого ненастья. Под серым продрогшим небом поднимается, изогнувшись, широкая радуга. В этих горах радуги удивляют своей яркостью, шириной и близостью. От прихлынувшего тепла капли испаряются. Листья словно отряхиваются, веселыми слезами плачут цветки. У гнезда появляется совершенно сухой самец (где укрылся, непонятно), он весело трясет крылышками.

Насторожив озорно на головке перышки, распушив спинку и расставив ладошками свои серенькие крылышки, самка некоторое время сидит, плотно согревая яйца. Не без сострадания и даже с некоторым восхищением смотрю на нее: трудно поднять на крылья птенцов!

В то время, когда я сидел у гнезда певчего сверчка, представлял лица ребят, которые вечерами у костра рассказывали мне о своих личных наблюдениях. Глаза их в это время светились. И как им было не радоваться, ведь они делали пусть небольшие, но интересные открытия, и в первую очередь для самих себя. Чувство уважения к семье сверчков незаметно распространилось и на других птиц, которых мы здесь встречали.

Проходили дни за днями, а мы продолжали вести свои наблюдения. И каждый раз по вечерам, уходя от гнезда на ночлег в избушку, позади себя я слышал звонкое стрекотание — вечернюю песню самца. Настал день, когда в гнездышке появились едва прикрытые чахлым светлым пушком птенчики. При малейшем колыхании гнезда они бестолково вскидывали покачивающиеся на тонких шейках слепые головки и издавали едва уловимый писк. Сверчиха приподнималась, ставила на край гнезда-чашечки ножки и, подобрав перо, с некоторым недоумением смотрела на свою пятерняшку тонкошеих малышей и, как казалось, бесцеремонно и грубо совала им в открытые клювы порции мелких паучков, кобылок и ночных бабочек, пойманных только что и еще всюшевеливающих усами и ногами. Получив «живой букет», птеник старался его проглотить, но часто подводила слабость: он в изнеможении ронял головку, но раза два сильно вздохнув, осиливал эту предательскую слабость и энергично заглатывал шевелящийся клубок. И сразу же поворачивался к матери задом. Задирает его выше головы, к самому краю чаши-гнезда, и деликатно «выплевывал» сметанообразную каплю помета. Ее сразу же подхватывала самка, относила и выбрасывала. Тщательно почистив клюв о стебельки трав, она снова возвращалась к гнезду. Расставив широко ножки, птица раздувала брюшко и, раскачиваясь слегка из стороны в сторону, плотно притиралась телом к птенцам.

Через неделю, когда они открыли глаза и у них поя-

вились по всему телу колышки перьев, забот у родителей удвоилось. Теперь они то и дело уходили на промысел. Путь их отмечала дрожащая, словно на ветру, трава и кустарники. В полуденные часы при теплой погоде сверчки оставляли птенцов на некоторое время, а сами охотились за насекомыми «в два клюва». Один за другим родители молча появлялись из зарослей, становились на край гнезда и слегка встряхивали его, отчего благодаря условному рефлексу птенцы дружно вскидывали головки и тут же получали ногастых, усатых и крылатых насекомых. Самым излюбленным кормом, как я понял, были пауки-сенокосцы. Они-то и составляли основу пищи сверчат. Самец в это время молча подлетал к гнезду, садился над ним на веточку березки и только потом спускался к птенцам. Самка же появлялась у гнезда и уходила только низом.

До вылета из гнезда молодых оставалась примерно неделя. Я шел зарослями березки по склону Линейского бела и наткнулся на гнездо черногорлой завирушки, выстланное перышками белой и тундряной куропаток. В нем было четыре птенца. На следующий день гнездо оказалось разоренным лаской или горностаем. Совершенно случайно оставшийся в живых птенец завирушки был такого же возраста, что и сверчата. Он уже совсем закоченел. Отогревая его в ладонях, я принес птенца к уже знакомому гнезду и подложил к сверчатам. Ничего не заподозрив, сверчки так же усердно, как и своих, принялись кормить и приемыша. От своих братьев и сестер в новой семье завирушонок отличался чуть более темными перышками и тем, что имел почти малиновый рот.

Через неделю приемный птенец оперился и первым оставил гнездо. Прошло еще дня два, и утром я оказался свидетелем, когда все пятеро сверчат покидали отчий дом. Два старших птенца оставили его с интервалом примерно в час, один за другим. Первым делом они вскакивали на край гнезда и некоторое время пугливо смот-

рели по сторонам. Потом вдруг бросались назад и старались скрыться под другими птенцами на самом дне гнезда. Но проходило всего десять — пятнадцать минут, и они снова вскакивали на край и выглядывали. Так повторялось несколько раз.

И вот настал ответственный миг. Рыжеватой мышкой сверчок нырял с гнезда в самую гущу травы и бесследно пропадал. Но уже через три-четыре минуты он подавал свой чистый голосок — «цить-цить-цить». Он «говорил» о месте своего временного пребывания и теперь, почувствовав себя в относительной безопасности, «вышел на связь» с родителями. Птенцы, покинувшие гнездо, находились примерно в радиусе пяти метров. Теперь через каждые тридцать — пятьдесят секунд, иногда реже, он подавал сигнал, чтобы отец с матерью знали, где его искать и накормить.

Итак, наступал новый период в жизни не умеющих еще летать несмышленишей. Период ответственный. Выход птенцов из гнезда сопровождался заметным волнением родителей. Выражалось это в резком стрекотании, подергивании хвостами и частом появлении около гнезда.

Еще два птенца в эти же два-три часа последовали примеру старших. И вот в гнезде остался самый маленький. Он на два дня был младше старшего, того, кто первым покинул гнездо. Он, видимо, чувствовал себя одиноким. В гнезде стало свободно и холодно. Я же, глядя на его едва прикрытое редкими перышками тельце, надеялся, что только завтра или послезавтра он оставит гнездо. Птенец вставал, вытягивался во весь рост, смотрел за борт своей колыбели. Потом пятился, замирал. Но проходила минута-другая и он снова возбужденно вытягивался, прыгал уже на край гнезда и, застыв в нерешительности, неподвижно сидел некоторое время на «пороге» своего дома. Пятясь задом, падал на дно гнезда и затаивался, чуть прикрыв глаза. Как ни странно,

родители в это время не обращали на него никакого внимания. Последышу предстояло самому решить задачу—выскочить или нет. И вот, набравшись духу, он снова на краю гнезда. «Вот и все,— думал я,— и последний ушел в большую жизнь».

Но тут произошло совершенно неожиданное: он прыгает из гнезда и, оказавшись на кустике березки, вдруг круто поворачивает назад и в мгновение ока плюхается на дно своей открытой ветрам и солнцу соломенной хижины. Теперь он добрых часа два не подавал голоса, не поднимал головы. Так был велик его страх. Но край гнезда манит птенца, он вскакивает на него, решительно прыгает и тоже исчезает в густых травах. Вскоре я слышу знакомое «цит-цит-цит»— это значит, что приземление произошло благополучно, и он нашел убежище где-то под кочкой или у основания куста, и оно вполне надежно его скроет.

Дня через три я опять пришел к гнезду. Хотелось узнать: здесь ли птенцы и далеко ли находятся от своего гнезда. Оказалось, что они по-прежнему держались в десяти-двадцати метрах от гнезда. Установить это удалось только после того, как я затаился в траве. Кричали все пять. Но среди них слышалась еще и тонкая позывка «ци-ци-ци». В ней я узнал приемного птенца черногорлой завирушки. Подошел ближе. В это же время в мою сторону из травы выпорхнул птенец. Полет его был неуклюжим и медленным, так что я без труда схватил его прямо над головой. Он был упитанным и отчаянно верещал. Так и есть — приемыш, которого я отогревал в ладонях и посадил сверчкам (все птенцы были еще в гнезде окольцованы мной). С чувством удовлетворения я отпустил его, теперь окончательно уверившись в его дальнейшей судьбе. Сверчки, как своего, кормили его, и скоро он станет самостоятельным.

Еще через полмесяца пышные травы и кустарники, растущие на болотах Райской долины, лишились бойких

голосов сверчков. Птенцы повзрослели: самцы прекратили солировать. По ночам заморозки стали обычными. Осыпались лепестки цветков маральего корня, поблекли борщевики, желтыми пятнами взялись листья чемерицы. Незаметно и тихо подступала ранняя высокогорная осень...

Сверчки встречались редко. Держались они теперь поодиночке. Стали молчаливыми и казались еще более скрытными. Громкие песни невидимых солистов остались лишь воспоминанием.

Жители каменных дебрей

Нам были хорошо известны почти все обитатели Райской долины и окружающих ее хребтов. Мы знали, какие где растут травы, чем отличается одно болото от другого. Замечали и некоторые перемены, произошедшие за время нашего пребывания в этом уголке.

Каждая экскурсия предполагала специальные наблюдения или конкретную встречу с тем или другим животным. С некоторыми из них приходилось встречаться каждый день, например, с алтайской пищухой. Этих грызунов можно было увидеть на всех осыпях, их островках, а также в кедровом лесу южного склона Линейского белка, обращенного в сторону долины. Колонии их в кедрачах были обычными в первой половине семидесятых годов. Одна из них устроила свои жилища под корнями древних кедров Зеленого храма. У основания деревьев они наскирдовали большие копны свежего, прекрасно высушенного сена. Обычно пищухи живут в каменных россыпях, но встречаются колонии, поселяющиеся в лесу, что до некоторой степени удивительно. Если перевести название этого зверька с латинского «охотона альпина», то получится «пищуха альпийская», и действительно она житель альпийского или гольцового

пояса — россыпей, скал у самых снегов, а тут вдруг в лесу!

Пищуха — это небольшой бесхвостый зверек, напоминающий всем известную морскую свинку. Она такого же размера, такая же круглая, пугливая и заполошная.

В отличие от других грызунов алтайская пищуха обладает особенностью заготавливать на зиму сено и складывать его в своеобразные стожки. Поэтому их называют еще сеноставками, а охотники на Алтае — сеноставцами. И эта способность заготавливать сено впрямую, пожалуй, главное, что очень отличает их поведение и весь образ жизни от других грызунов. Сено они косят зубами. Раскладывают его тут же на лужайке, сушат и время от времени, как положено, перекалывают, чтобы не сопрело. Подсушив, его носят опять-таки в зубах и складывают по трещинам скал. А чтобы его не разнесло ветром, не мочило дождем, заталкивают поглубже под навесы камней. Сено заготавливает каждая колония, семья, чтобы не остаться в бедственном положении зимой. А иногда его запасают так много, что почти половина остается нетронутой. И так из года в год. В конце-концов скапливаются большие кучи уже перегоревшего, порыжевшего или мелко изгрызенного сена. Не съедается оно, видимо, еще и потому, что часть зверьков в зимнее время гибнет от разных хищников, холодов, болезней. Да мало ли разных напастей на всякое живое существо? И вот здесь, в кедраче, целые копны лежалого, почти коричневого сена виднелись у комлей кедров в стожках высотой до одного — полутора метров. Рыжие, быстрые комки спящих зверьков мелькают среди уродливых стволов, у основания каменных валунов, пней и на узеньких (шириной в ладонь) вилющатых тропках, пробитых этими животными. Если пройти ими, то заметишь, что по обочинам крупные травы скусаны. Торчит стерня. Остались нетронутыми лишь кустики чемерицы, жимолости алтайской и ревеня алтайского. Даже удивитель-

но: звери (маралы, медведи, зайцы, косули и лоси) не трогают его. Один человек находит ему применение. Некоторые тропки пищух подходят к крупным валунам. Они любят взбираться на их макушки, неподвижно и подолгу сидеть в дозоре. Очень осторожные и глазастые зверьки. Чуть колыхнулась травинка или кто-то появился, пищуха тотчас напрягается, словно окаменевшая: глаза вытаращены и смотрят непонятно куда, а точнее, куда-то в пространство. И кажется, все вокруг сразу им удастся увидеть. И действительно, они видят одновременно впереди, вверху, позади и под собой, конечно, когда сидят на вершине камня, другими словами, сразу на все четыре стороны смотрят всевидящим оком: так уж у них устроены глаза. К такому зрению подключается чуткий слух. Уши зверьков округлые, широковатые. Раковина тонкая и суховатая, производит впечатление подвяленных кожистых лепестков. Если удастся наблюдать пищуху рядом, когда она жадно всматривается и вслушивается, кажется, что уши ее по-старушечьи выставлены из-под платка, сухие и сморщенные. А сама время от времени вздергивает пуговку носа, словно спохватившись, шамкает толстой, разрезанной надвое верхней губой.

Сидя однажды на поваленной истлевшей колодине и делая записи в полевом дневнике, я вдруг заметил, как из-под корней кедра, присыпанных сеном, выскочила сеноставка. Через несколько стремительных коротких перебежек она оказалась на соседней же валежине и застыла, заподозрив что-то неладное. Меня прямо-таки восхищала беспредельная пустота в ее глазах. Признаться, большей безмозглости во взгляде, чем у нее, ни у какого другого зверька на свете я не видел. Впечатление такое, что она, бедная, даже и не знает о том, что живет на земле. Только голод да страх — не сцапал бы кто! — вот главные заботы в ее повседневной жизни.

Проходит минута, другая, пищуха делает несколько порывистых движений, свидетельствующих о повышен-

ной нервозности. Затем ловко хватает лежащий тут же сухой лист и, хрустя им, словно хлебцами, смачно и аппетитно съедает. За этим занятием она ни разу не моргнула, хотя бы ради удовольствия. Снова замирает рыжей накипью на такой же по цвету валежине.

На коричневатых боках ее видны клочки молодой серой шерсти — линяет. Теперь она смотрела на меня, стараясь заметить, как я выдам себя малейшим неосторожным движением. Она явно подозревала, что за ней следят. Это состояние подтвердил ее глупый жест: она как-то вся вскинулась, приподняла втянутую в плечи крупную голову и опять застыла. Видимо, мне все-таки удалось разуверить ее, что я живое существо. Я тоже «окаменел». И она, в свою очередь, доверившись тишине и спокойствию, решила понежиться. Вдруг резво перевернулась на спину и, комично задрав кверху задние лапы, одной передней как-то умудрялась держаться за валежину, чтобы не свалиться. Потом соскакивала, некоторое время суетливо умащивалась и снова ложилась кверху брюхом, и вот уже все четыре ее мохнатые лапки торчат кверху. От удовольствия чуть глаза прикрыла. Ее кургузое вальковатое тело плохо слушалось, и пищуха неожиданно для себя позорно свалилась наземь. Меня это смешит. Шлепнувшись, она вскакивает и озадаченно смотрит, как я трясусь от смеха. Ей, наверное, не нравится мое поведение, и она, тревожно свистнув, пускается под кедр.

Крик же воспринимается как предупреждение другим пищухам. И в тот же миг сломя голову они мчатся в свои убежища. Но одна из них засела недалеко на макушке валуна, как башенный часовой, и начала сипло коротко свистеть, содрогаясь телом. Но, оказывается, беду на сей раз предвещал вовсе не я. Стремительной тенью среди деревьев мелькает хищная птица, и в следующий миг незадачливый часовой, вереща, болтается в когтистых лапах под полосатым брюхом ястреба-тетеревятника.

Все произошло так быстро и неожиданно, что я успел лишь заметить, как он сделал молниеносный бросок к ней и тут же скрылся среди толстых уродливых стволов, где поселилась колония зверьков.

И снова прежняя тишина и спокойствие, будто ничего такого и не произошло. Однако я почувствовал себя в какой-то степени причастным к этой маленькой заурядной трагедии. Тетеревятника и до этого я многократно встречал здесь, когда он низом, быстро лавируя среди деревьев, на бреющем полете проходил над бегущими в панике зверьками. Лапки их и головы, клочки шкурок я находил в гнездах, где сидели крючконосые птенцы. Так что ястреб-тетеревятник такой же враг пищухи, как соболь, рысь и горноста́й, которых здесь много.

Прошла зима, и мы увидели, что в колонии нет ни одной пищухи. Сиротливо рыжели под кедрами оставленные зверьками копны подпорченного сена. В них гнездились пеночки-зарнички и зеленые пеночки. Иногда было слышно, как в глубине шуршат лесные мыши. Зарастали битые тропки. Все это вызывало унылые мысли: будто мы стали свидетелями исчезновения симпатичных, порой комичных зверьков.

Но по-прежнему пищухи были обычными в соседних осыпях, где я также столкнулся с их главной поведенческой чертой — осторожностью. Сидел я в тот раз среди крупнообломочной серой осыпи, загромоздившей склон горы от вершины и до основания, и наблюдал за парой горихвосток-чернушек. Птички легко перепархивали, собирая в камнях насекомых. Тут же расталкивали их в открытые клювы своих подлетающих птенцов. Темные «переднички» на ярко-рыжем брюхе и огневой хвост делали самцов-горихвосток заметными. Куда бы они не перелетали, там же обязательно на глаза попадались снующие пищухи. Зверьки делали короткие перебежки, вскакивали на камни, потом прыгали куда-то по ним, мелькая рыжими спинами. И вдруг недалеко слышу крик

опасности — громкую трель, похожую на птичью свистовую россыпь — «трррр-трррр-трррр!» Все зверьки в тот же миг скрылись под камнями. Некоторые же остановились и замерли. Панический свист подействовал и на пищуху, суетившуюся неподалеку от меня. «Обратившись» в рыжий комок, она застыла на вершине камня, припав к нему брюхом. Теперь взор ее был устремлен на меня. Однако с моей стороны ни малейшего движения. Сижу. Кажется вечностью долгие минуты. Оказывается, очень трудно сохранять полное или хотя бы заметное для глаза состояние покоя. То вдруг тебя начинает покачивать, то от напряжения где-нибудь нестерпимо начинает кто-то «покусывать» или от неудобной позы занюют нога либо поясница. А пищуха не моргает и глаз не спускает с меня. Вот и сижу сам как каменный, словно экзамен держу на полную неподвижность. Трудное дело — сидеть неподвижно, но выбора у меня нет, и ничего не остается, как сидеть «булыжником», чтобы пищуха не заподозрила во мне какого-нибудь затаившегося хищника, а приняла за обычный валун, потому как я сидел в штормовке защитного цвета, надвинув на голову такой же капюшон.

«Экзамен», похоже, сдан успешно. И признанием этого стало то, что с поразительной легкостью сеноставка ловко прыгает с камня на камень мимо меня и вскоре оказывается на маленькой травянистой лужайке, окруженной сплошной осыпью. Зверек явно проголодался и стал кормиться, скусывая травинки. Сорвав одну из них, он, бездумно вперив пустой взгляд в небо, частит челюстями, и травинка, кажется, сама ползет под острые резцы и вскоре вся исчезает. Одна за другой плывут и пропадают за зубами зеленые ленты травы. Пищуха ни на миг не забывает о возможной опасности. Она то и дело бодро вскакивает на макушки камней, замирает на некоторое время и снова скатывается на лужайку. Перекусив, она набирает в зубы осоку и, мягко прыгая с камня на камень, как по ступенькам, направляется в мою сторону.

Вот она совсем близко от меня, на мгновение останавливается и комично таращит глуповатые глаза. Потом бросает снап и еще некоторое время торчит подле меня, глядя в упор. Видимо, на этот раз я чем-то себя выдал: не сработала конспирация. Со свойственной пищухам птичьей трелью она бросается в глубь камней, и некоторое время я слышу ее приглушенные крики, говорящие о явной опасности.

Не сдаюсь: продолжаю сидеть на том же месте и в той же позе. И вот вскоре из-за камня показался краешек ее уха, окантованный светлой каймой, затем глаз, в котором страх и озабоченность. И вот уже сама пищуха, как из-за прилавка смотрит. Тело ее вздрагивает от гневных свистов. Она предупреждает всех и вся о том, что здесь есть кто-то страшный.

Вдали на камнях неподвижно застыли другие пищухи. Встали столбиками и гнусаво засвистели толстобокие сурки и разом скрылись под камнями. На некоторое время в осыпях воцарилась непривычная тишина.

А вот Витя Чернов рассказал мне, какие отношения были установлены между молодой пищухой и им. Забравшись под большой нависающий камень среди осыпи, он затаился и ждал, пока не покажется только что нырнувшая под него сеноставка. И она вскоре вылезла. Он предложил ей кусочек хлеба. Жительница камней несколько раз пыталась приблизиться, но внутренний страх и осторожность отгоняли ее. Она срывалась и опрометью бросалась обратно под камень. Однако молодость, доверчивость и некоторая беспечность подталкивали ее на необычное знакомство. Кончилось тем, что она и другая такая же молодая пищуха, опершись на край ладони, брали у юнната кусочки хлеба, зажатые между пальцами.

— Можно было бы и поближе познакомиться с ней, — рассказывал в тот день юннат. — Только сидеть около нее не было времени.

Счастливым августовский день

Трудно ответить почему, но птиц я люблю с детства. И особенно неравнодушен был к совам. В них меня завораживало все: выражение глаз, не птичья головастость, таинственные телодвижения, шипение и дьявольское пощелкивание клювом. Это уводило мое воображение в неведомый, полный сказочных таинств, какой-то колдовской мир. Я рисовал сов на обложках тетрадей, береговом песке, стеклах, залитых зимней стужей. Большие глаза этих птиц, от которых во все стороны, как от солнца лучики, штрихи, нередко красовались на моих ладонях, исчерканных чернилами, чтобы только не видела учительница или бабушка, воспитывавшая меня. Однажды мне подарили акварельные краски, и первое, что я изобразил ими на листе бумаги, были снова совы. И, конечно, все краски ушли на рисование сов. Желтоглазые, они сидели на старых извилистых сучьях, а над ними в густо-синем намалеванном небе — звезды и серпик луны. Словом, мне были очень симпатичны эти птицы с необычным обликом. Вот поэтому на протяжении многих лет, изучая птиц алтайской тайги, я всегда с большим интересом относился к совам. Особенно симпатичен мне воробьиный сычик — самая маленькая сова отечественной фауны.

Во время таежных скитаний, связанных с изучением жизни пернатых, пройдены многие сотни километров. Все эти годы я постоянно вслушивался в ночные голоса птиц. Осматривал густые кедры, ели и пихты, зная, что все совы на день устраиваются у самого основания стволов. Не проходил мимо увиденного дупла и запускал руку в первое попавшееся. А каждое старое дерево награждал ударом палки — авось где-нибудь в дупле отсиживается на дневке сычик, и тогда он вылетит от сотрясения ствола. Искал я их таким образом, можно сказать, по всему Казахстанскому Алтаю. Но так и не

представлялась возможность хотя бы краешком глаза увидеть воробьиного сычика в природе. А вот моим приятелям удалось. Владимир Нетисов встретил его однажды зимой у Черемшанки, а Александр Лухтанов — недалеко от Зырянска. Эти их удачи я видел только на прекрасных черно-белых фотографиях.

И вот как-то приходит ко мне страстный любитель птиц — Сергей — и рассказывает, что он только что приехал с Белоубинских озер и там с наступлением сумерек слышал незнакомые голоса каких-то сычиков.

— Пробовал,— говорит,— искать их днем, но разве найдешь в тайге?

Более подробных сведений об их внешности, размерах, которые меня интересовали, Сережа не мог добавить. Мечта, казалось, была рядом, на пороге. Обстоятельно распросив его, где именно он видел и слышал птиц, я на завтра решил ехать. И не откладывая своего намерения, отправился за двести километров от Усть-Каменогорска — к самой восточной границе Казахстана.

Только к концу второго дня после утомительных переходов мы отдыхали у костра на берегу Кедрового озера. Вскоре над хребтами опустилась ночь. Под развесистым кедром, который в сумерках похож на растрепанный стог, темнела палатка. Приехавшие со мной Владимир Петрович и Андрей Никитич, поужинав, забирались на отдых в спальники. Я ушел от озера, поднялся на небольшой холм, покрытый редкостойным кедрово-лиственничным лесом, и углубился в потемневшие кедрачи, что у самой Белой Убы. Сыростью и прохладой дышали пышные горные луга. Тайга и долина налились грозной чернотой. В густо-синем небе повис тонкой золотистой сережкой молодой месяц. Как бы не столкнуться со зверем в темноте. Коряги в такие минуты словно оживают, кажутся черными медведями, росомахами. И чем больше всматриваешься в опустившуюся ночь, тем зримее кажется, что все эти коряги и пни живые: они шевелятся, вста-

ют, приседают, меняют позы. Успокаивает воспаленное воображение то, что они ни на шаг не приближаются, но страх встречи с лесным хозяином (а их здесь много) или с сохатым неотвязно идет по пятам.

Последнюю песню нежно и грустно в соседнем распадке просвистел соловей-красношейка. Мигают высыпки пока еще тусклых звезд. Прожужжал в небе над кедром пролетевший лесной дупель и сел в густые холодные травы. Где-то над болотами набирает высоту азиатский бекас и с вжиканьем пикирует в окутанную сумраком долину. Потом слышу, как зудя — «зик-зик-зик» — он продолжает звать подругу, опустившись в траву. И снова падение лесного дупеля, напоминающее вой летящего снаряда. Все это придавало особое очарование наступившей ночи. И вдруг слышу странные голоса: из сумрачного листвяжника доносятся неизвестные мне шипящие звуки, словно там кто-то на кого-то шикает, приструнивает, чтобы тот замолчал. «Тщип-тщип-тщип» — неслось с деревьев.

Бреду к лиственницам. Голоса то справа, то слева, то где-то впереди. Теперь-то я уж не сомневался, что встретился именно с семьей сычей. Это они, молодые, требуя корма, перемещаются бесшумно с дерева на дерево. Ходить за ними бесполезно — только напугаешь. Останавливаюсь у корявого ствола гигантской лиственницы, затаиваюсь в надежде увидеть желанных птиц. Сквозь ажурные кроны редкостойных деревьев уже в густо усыпанном звездами бархатистом небе полуколючком совиного глаза смотрит, не моргая, молодой месяц. У меня сейчас одно желание: узнать, каких это сычей семья? Надо было стоять и ждать, когда какой-нибудь из них сядет над головой, и тогда на фоне неба можно будет разглядеть его. И вот удача: прямо надо мной, невысоко, пыхтит легковесное существо, у которого вместо головы кубышка какая-то. Оно бесшумно переминается с ноги на ногу, качается из стороны в сторону, приседает, словно

исполняет магический шаманский танец. Сердце от волнения частит, и я пытаюсь разглядеть — с кем имею дело? Рядышком, подобно летучей мыши, совершенно бесшумно опускается другой шептун. Отчетливо слышу, как его коготки царапают кору ветки, на которую он сел. Он так же, как и первый, выделяет замысловатые телодвижения, приседая, отчаянно крутит головой, а сам все пыхтит и будто нашептывает всем: «Тише-тише!» Повинуясь его приказаниям, затаился под лиственницей и я. Можно было подумать, что кроме них в ночном лесу есть еще какая-то тайна, ведомая только им — бесшумно летающим и танцующим головастикам. Мне удалось хорошо разглядеть их. К сожалению, сначала я поддался некоторому разочарованию: передо мной семья лесных, или мохноногих, сычей. Они почти в два раза крупнее воробьиного, то есть примерно с дрозда, только раза в два «толще». Поэтому силуэты их больше походили на танцующую тень маленького кувшина.

Мохноногий сыч очень скрытный обитатель тайги. Встретить его семью — тоже большая редкость. О жизни этой крайне таинственной лесной птицы вообще мало что известно орнитологам и тем более мне. Все равно удача! По-прежнему стою и слушаю их однообразные голоса, пока они перепархивают. А знаю, видят они прекрасно, и я перед ними как на ладони. Через некоторое время семья перелетает еще ниже по логу. Я же поворачиваю и бреду к лагерю, где спят в палатке мои приятели. Время от времени останавливаюсь и слушаю, как там, внизу, у самой речки, требуя корма, «шишкают» проголодавшиеся за день молодые сычи.

На следующий день мы проснулись, когда холодное хрустальное утро поднималось над горами. До краев долину залил обильный солнечный свет. Белой накипью инея покрылись низинные мокрые травы. Отражая умытую росами траву, озеро стояло недвижно и было совершенно зеленым. Первым делом развели костер, вскипя-

тили чай. Заодно попутно просушили отсыревшую за ночь одежду и спальные. Развесили все это на нижних ветках приотвистшего нас кедра. Со всех сторон несется торжествующий птичий гомон. Из карликовых зарослей ивы у берега нежными голосами переговаривались молодые чечевицы. Я знаю, это запоздалые, самые последние выводки — уже начало августа. Чечевицы одни из наиболее рано отлетающих птиц: в конце июля они ночами постепенно подвигаются к югу. Завтракаем на скорую руку. Я ухожу туда, где вечером видел и слышал семью сычей. Хотя надежды найти их мало. Мне хорошо известно: найти в лесу сыча, который прячется где-нибудь в гуще ветвей, практически невозможно. Сидят они днем совершенно неподвижно. Окраска оперения не отличается от коры деревьев. Попробуй разгляди! Утром, при ясном улыбчивом солнце, не верилось, что ночью здесь все казалось не только таинственным но и враждебным.

Хожу, надеясь на удачу, оглядывая, обстукивая каждое дерево. Вскоре оказываюсь под сводами вчерашних лиственниц. Задача не из легких: внимательно ощупать взглядом каждое дерево по кругу от нижних до верхних ветвей. И так рассматриваю каждый ствол и ветку, словно я не в лесу, а в неизвестной миру картинной галерее. Повсюду в кронах мельтешат многочисленные зеленые пеночки-зарнички. В этом поясе леса у горных вершин самая высокая численность птиц на Рудном Алтае. С вершин лиственниц рассыпают трели лесные коньки. Иногда с гневным стрекотаньем выпорхнет чернозобый дрозд: у них птенцы уже давно самостоятельные, и очень редко бывают пары, вторично выводящие птенцов. Много пернатых знакомых встречается на моем пути, но только не семья сычей. Решаю сесть и по голосам мелких птиц подслушать, может, они укажут, где прячутся ночные невидимки. «Они-то, — думаю, — обязательно наткнутся на них и поднимут переполох». Опыт поиска сов по голосам птиц у меня есть. На это я сейчас и рассчитываю. Сажусь

на упавший ствол лиственницы, потерявшей кору, вслушиваюсь, прикидываю, куда бы они могли сесть? Отчетливо вспомнился случай, когда по голосу чернозобого дрозда я нашел затаившегося в пихтаче лесного сыча.

Мы тогда с Сергеем Цыбулиным спускались с горы Столбоухи, расположенной на одном из юго-западных отрогов Холзуна. Шли давно заброшенной, густо заросшей травами лесовозной дорогой. Попадались отпечатки когтистых лап медведей, пересекающих дорогу. В стороне, в темных густых пихтачах, слышался тревожный голос чернозобого дрозда.

— Сову или ястреба нашел! — говорю я Сергею.

— Да нет, так что-нибудь! — возразил он.

Предположения, кто мог там быть, перешли в спор. Я стал продираться сквозь кустарник к пихтачам на крик дрозда. Сергей же демонстративно сел на тропе: мол, не стоит тратить силы на такие пустяки. Добравшись тем временем до дерева, где стрекотал дрозд, у основания пихты под прикрытием кустарника я сразу же заметил отдыхающего сычика. Недовольный надоевшим дроздом, сыч лениво ворочал головой, уставившись на нарушителя его покоя, лениво моргал желто-зелеными глазами и время от времени озирался. Я подошел к нему совсем близко — сычи очень доверчивы к человеку, он обратил на меня ледяной взгляд. В его глазах, казалось, светилась едва уловимая дикая мудрость.

Вот и сейчас я сидел и ждал услуги от каких-нибудь птиц. Не менее часа прошло, но в лесу было по-прежнему тихо и безмятежно. Я продолжил поиск: исходил весь склон, что называется вдоль и поперек, оглядывая каждое дерево. И совсем было потеряв надежду, спустился ближе к шумящей Белой Убе. На ее крутом берегу, густо заросшем высокой травой, стояла гряда старых кедров. Осмотрев некоторые из них, я оказался около широкоствольного спаянного из нескольких стволов дерева. Солнце стояло уже довольно высоко над го-

рами. Приходилось высматривать самые потаенные тенные гущи. Передо мной могучий уродливый ствол. Никого. Медленно обхожу вокруг. И когда устали глаза и одеревенела шея, замечаю вдруг невысоко в густом сплетении отмерших веток необычную пестроту, словно ствол окропило мелкими солнечными пятнышками. И тут же среди светлых рябушек замечаю желтоватые, похожие на мелкие цветки лютиков глаза, которые «распустились» на темно-коричневой шершавой коре кедра. Один около одного, прижавшись коричневатыми боками, сидели сычата — три птенца. В отличие от взрослых перо их было пушистым, коричневым, усыпанным светлыми пестринами. Трудно заметить их в гуще веток, куда мелкими зайчиками пробивалось солнце. Я еще некоторое время удивлялся, как мне удалось отыскать этих сов? У сбившихся в кучку птенцов золотились колечки глаз. Кажется, несмышлениши не научились еще как следует пользоваться своими глазами: они тарасили их так, что я, признаться, побаивался, как бы они не вывалились у них из орбит или не лопнули от напряжения.

Теперь я имел прекрасную возможность получше разглядеть вчерашних шептунов. Они походили на пушистые игрушки из темно-коричневого ворсистого плюша, не в меру набитые каким-то легковесным материалом, а вместо глаз им в спешке прикололи ярко-желтые выпуклые стекляшки. Сычата жались друг к другу и тарасились на меня. Если бы не глаза, я бы их не заметил. Сычата, очевидно, были в прекрасном настроении. Их вовсе не клонило ко сну после ночи, и они простодушно и комично разглядывали меня. При этом отчаянно крутили круглыми головами, кособочились, приседая, и пританцовывали, потом вдруг прятались друг за друга, выглядывали, вставая на «носочки» и вытягивая изо всех сил шею. Удивление их было безмерным. Они поочередно моргали глазами, то вдруг, играя, поворачивали головы так, что глаза их оказывались поставленными по

вертикали — один над другим. В таком положении они еще и крутили ими вверх-вниз, да так резко, что можно было ждать: головы вот-вот совсем отвалятся. Необычные телодвижения наводили на мысль, что передо мной вовсе не птицы, а посланцы ночи — лесные чертенята: чудные, глазастые и головастые.

Для начала нацеливаю телевик и несколько раз подряд фотографирую сычиную семью, хотя заведомо знаю — хорошего кадра не получится: спрятанные за сплетением ветвей совыта вряд ли будут видны на фотографии. Все они исчирканы и залиты как попало пробившимся сквозь ветки светом. Мои приготовления оптики, блеск объектива немало заинтересовали их. По забыв о страхе, они всюю крутят головами: по кругу и вверх-вниз, при этом ужимаясь или вытягиваясь насколько можно. Плосковатые пестрые «личики» их под пушистыми папахами, украшенные желтыми блестящими глазами; мохнатые, словно унты, лапки и все их движения буквально завораживали. Окончив фотографические манипуляции, я принялся делать зарисовки в свой дневник и подробные описания. Весь день я провел около них, не спуская глаз.

Когда мы довольно хорошо разглядели друг друга и интерес наш притупился, сычата первыми затихли, насупились и прикрыли глаза. Я лежал в траве в четырех-пяти метрах. Утомившись, они томно зевали, а затем погрузились в легкий сон, прикрыв глаза нижним пушистым веком.

Прошло не более получаса, и совыта вновь оживились. По-прежнему они бойко крутили головами, рассматривая меня как бы с новым интересом. Но теперь было заметно, что я для них уже не так страшен, как утром, и это делало наблюдения только интереснее — птицы не боялись меня и вели себя естественнее. Они ухитрялись так перевернуть себе головы, что клюв в это время оказывался вверху. Похоже, их уже не интересовал белый

свет в таком виде, как он есть, и они хотели видеть все вверх ногами.

В полдень солнце пробилось сквозь ветки и место дневного ночлега сычат оказалось под его прямыми лучами. Пучеглазых это явно не устраивало. Один за другим они вскоре же переместились на теневую сторону и, все также сидя вместе, выглядывали из сухих переплетенных веток, будто сквозь прутья клетки.

Люди непросвещенные привыкли считать, что совы днем не видят. Убедиться в противном, даже в то время, когда я наблюдал совят, не представляло особого труда. О том, что совы видят в дневное время, мне стало известно еще в школьные годы. Тогда я содержал у себя дома мелких совок-сплюшек и буланых совок, которых привозил с Амударьи. Выкормленные из пуховых, еще слепых птенцов, они по-своему были привязаны ко мне. Без страха я выходил с ними на улицу из нашей избушки, что стояла на окраине Усть-Каменогорска. Обычно та или иная совка сидела на моей руке, щуря от яркого солнца красивые глаза. Спокойно вглядываясь, они покачивали головами и на любой интересующий их звук мгновенно оборачивались. Иногда я замечал, что тело их на глазах уменьшается, словно из него выходит воздух; глаза сжимаются, обретая презрительный прищур. Сама же совка, не мигая, смотрела куда-то в знойное небо, выпуская при этом из чуть надутого горлышка тонкий, силпый, едва слышный свист. Догадываясь, чем она напугана, разглядываю небо, пытаюсь увидеть какого-нибудь хищника, но ничего не замечаю. Тогда отвожу в сторону руку вместе с воспитанницей, однако глаза ее по-прежнему, как намагниченные, смотрят куда-то вверх в одну точку. И только после того, как я потратил несколько минут, уставившись в небо, сумел увидеть очень высоко едва заметный крестик небольшой птицы, летающей кругами. Судя по реакции совки, это явно был хищник. В подобных фактах я имел возможность убе-

даться много раз и с другими совами, которых держал у себя дома. Если придется, посмотрите, как побеспокоенная днем сова быстро летит и лавирует среди густых ветвей деревьев, а потом совершенно точно выбирает ветку, на которую и садится. Слепая птица этого не сделает. Всякие сомнения после таких наблюдений сразу же отпадают.

Сычи, за которыми я вел наблюдения, среди своих ближних сородичей слынут строго сумеречными птицами. Связано это с тем, что, по-видимому, не приходилось наблюдать их жизнедеятельность днем. Но доводы, связанные только с их сумеречным образом жизни, не совсем справедливы. Для них также существует мир солнца и света, и я имел возможность убедиться в этом.

В начале августа, спускаясь глухой пихтово-кедровой тайгой, заваленной замшелыми валунами и трухлявыми валежинами, к речке Громатухе с Проходного белка, я оказался свидетелем интересного факта. Солнце, миновав зенит, только-только стало клониться к горам. На широких листьях чемерец и борщевиков, покрывающих спуск, застыли солнечные блики.

В тенистых пихтах на рыхлом полуразваленном пне вдруг замечаю одинокую сутулую фигурку лесного сычика. Сгорбившись, он лениво опускал голову и, упираясь мохнатыми лапами, рвал какую-то добычу. Встав за дерево, я наблюдал за ним в бинокль. Некоторое время сыч, настороженно округлив глаза, смотрел в мою сторону. Но вскоре, потеряв интерес, опять принялся за добычу. Рвал он полевку, которую только что поймал. Глазастый охотник близко не видел (совы дальнороркие), поэтому, прикрыв мохнатыми белесыми веками глаза, он подносил мышку к глазам, словно обнюхивал, ощупывал темными упругими «усами» и, зацепив клювом, опускал, упирался лапами и что есть силы тянул, пока не отрывал нужный кусочек. Сычик находился в интенсивной стадии линьки: перья на нем, за исключением крыльев, вы-

глядели неопрятно, лохматились. Выбросив из полевки потроха, он содрал и выбросил также несколько лоскутов серебристо-рыжеватой шкурки. Остальное (почти половину полевки) схватил в клюв и стал энергично заглатывать, пока она вся не исчезла в широком разрезе рта. Окончив трапезу, он снова уставился на меня, ни разу не моргнув за несколько минут. Недаром говорят: «Уставился, как сыч». Вдруг он резко и бесшумно взмахнул крыльями, бросился вверх, камнем упал в гущу ветвей и спрятался у самого ствола пихты. Подхожу ближе: передо мной комичная физиономия. Сыч казался таким безобидным, будто он и букашки не обидит. Однако теперь я не сомневался, что, заметив снующую около него полевку, он не заставит себя долго ждать — «станет на тропу охотника».

Вот и сейчас, наблюдая за компанией юных «чертят», я решил проверить: могут ли они в этом возрасте сами охотиться или их еще опекают родители, которых, кстати, я нигде не мог обнаружить?

Под кедром, на котором сидели беспечные птенцы, я вытоптал в траве небольшую прогалину. Срываю сиреневую шапочку цветущего маральего корня. Цветок его в сероватой корзинке со стебельком походил на лесную мышку, даже с хвостиком. Лучше ничего и не придумать. Наспех привязываю «мышку» к нитке. Обвожу ее за ствол дерева, за стебли трав и с другим концом ухожу в сторону, чтобы совы чувствовали себя смело, естественно. Прячусь за дерево. Даю им полностью успокоиться.

В это время с противоположного склона реки появляется кедровка. Мое присутствие оказалось для нее полной неожиданностью. Увидев меня, она оробела, нервозно закрутилась, поворачиваясь то одним, то другим боком и, сверкая глазами, озадаченно изучала, что я такое? Мне тоже интересно: пестрая, нарядная, чистая, словно выпорхнула из какой-то веселой сказки. Эта лесная пти-

ца покрутилась кокетливо, несколько раз негромко крикнула и все показывала мне свой пестрый хвост и отпускала никчемные поклоны, выражая свое недоумение. Сычата же затаились и подняли мохнатые чубы на головах. Только вот глаза их, которыми они бестолково моргали, придавали их мордашкам какое-то плаксивое выражение. Глядя на них, мне так и хотелось сказать: «Не бойтесь, ничего страшного. В обиду не дам. Вы мне очень нравитесь!»

Деловито покрутившись, кедровка взмахнула округлыми крыльями и улизнула на свою сторону реки, в кедровник. Стало тихо. Слышно было, как тревожно, с оттенком грусти, какая приходит с голосом осени, пересвистывались пеночки-теньковки. Звонко перезванивались в густых травках кобылки.

День пошел на убыль: от деревьев поползли длинные тени. Мои подопечные заметно оживились. Некоторое время, как сговорившись, они чистили мягкие пестрые перышки, потягивались. Поведение их окончательно убедило меня, что они перестали бояться моего присутствия. Так сблизил нас один день.

Я знал теперь каждого из них, как говорят, «в лицо» и каждому свиному детенышу дал имя: Темный, Потешный и Попрыгунья.

Темный прежде всего отличался более темным коричневым оперением. Даже «личико» у него было чумазым, словно выпачканным. А колечки радужин поэтому казались особенно яркими, глаза выразительными. Он обладал спокойным нравом. Я бы сказал, он был до некоторой степени застенчив и стыдлив, как послушный мальчик при посторонних. Чаще всех прятался за совят, выглядывая украдкой.

У другого совершенно иные нрав и повадки. Это — Потешный. Он был подвижным, более раскованным, и пожалуй, отчаянней остальных крутил головой. Он больше всех пританцовывал, раскачиваясь, и, как казалось, спе-

циально строил умильные рожицы, будто хулиганил по-маленьку и тем самым выказывал свое непочтение: то подмигивал, глядя в глаза, и больше всех кособочился, раскачиваясь. Словом, держался независимо и тем самым напоминал другого мальчишку, который если и хотел, чтобы на него обратили внимание, то придумывал какую-нибудь злую шутку.

Последний птенец был заметно крупнее своих братьев и я, зная, что у сов самки, как правило, крупнее самцов, считал этого совенка представительницей женского пола. Кличка Попрыгунья подходила к птенцу. Остроглазая, она то и дело либо перешагивала с ветки на ветку, либо прыгала куда-нибудь в сторонку, чтобы через несколько минут снова оказаться около своих братьев. Но обязательно через каждые полчаса сидела одна где-нибудь в стороне. Соскучившись, она снова втискивалась между двух таких же веселых головастиков. Как и подобает для сестрички, у нее было более светлое «личико», будто подвязанное легкой темной косынкой. Взгляд Попрыгуньи не был лишен некоторой кокетливости, без которой трудно себе представить любое существо, принадлежащее к женской половине.

В тот момент, когда она фокусировала свои глаза, разглядывая что-либо, зрачки с бешеной скоростью то сжимались, то расширялись, прыгали, они то разбегались до размеров горошин, то сжимались до просяного зерна. Оно и понятно, ведь неподвижность глаз у сов компенсируется высокой подвижностью не только шейных позвонков, но и резким изменением размеров зрачка — аккомодацией глаза.

И вот я решил поиграть с ними в «кошки-мышки»: осторожно тяну за кончик нитку, на другом конце которой привязана «хвостатая мышка». Она оживает, шевелится, но пока стоит на месте. Это сразу же привлекает внимание совят. В одно мгновение они дружно уставились на нее, склонив головы. И вот «мышка», шурша,

ползет через вытопанную в траве лысинку. Не передать словами, как это удивило моих зрителей. Дружно, словно по команде, повернулись они в одну сторону, чтобы лучше видеть ползущее чудо, слегка натопорщились, отчего стали горбатыми. Возбужденные, настороженные, они застыли в напряженной позе, будто изготавившись к прыжку и, не моргая, уставились на загадочного «зверька». На некоторое время, пока они тарачились, я оставил нитку. Минут десять совыта поглядывали — ползет или не ползет? Я повторил «ползущую мышку». И снова та же картина. Сбитые столку — что это такое? — они вдруг испуганно стали раскачиваться, шипеть, хлопая по отдельности испуганными глазами, и продолжали строить гримасы, пока моя «мышка» не скрылась в траве.

Я все-таки надеялся на то, что кто-нибудь из них бросится на добычу. К моему разочарованию, они даже не собирались сделать это. Значит, сычки еще не могли самостоятельно охотиться: их опекали родители.

На склоне дня, когда солнце приблизилось к линии гор, закрывающих горизонт с запада, и его косые лучи расстелили глубокие тени под деревьями, Попрыгунья первой перепорхнула на соседнюю лиственницу. Ее братья оживленно закрутили головами. Им, видимо, не нравился ее поступок. Они в нерешительности вытягивались, приседали, раскачивались, словно собирались не лететь, а нырять в холодную воду. Неусидчивые, они стали прыгать по ближним веткам вокруг своего дневного убежища, которое все еще не решались оставить. Но как только погас за горой последний луч солнца, оставшиеся совыта один за другим бесшумно перепорхнули на ближние деревья. Вскоре же они подали знакомые мне голоса — «тщип-тщип-тщип», сопровождающиеся приятным тихим верещанием. Неторопливо перелетая, сычата поднимались выше к озеру.

Сгущались сумерки. Чтобы не спугнуть их, я также медленно следовал за ними. Сычата держались вместе,

хоть то и дело перепархивали по деревьям. Вдруг ниже по склону, из кедрачей, послышался нежный и чистый свист — «ху-ху-ху-ху!» Это кричала взрослая птица.

Я присел в траву у самого комля одиночного кедра. Вровень со мной пышные заросли борщевиков и чемериц. Тенями перепархивали и покрякивали голодные птенцы. В сумеречной тишине меня заставил вздрогнуть сильный певучий звук: прямо над головой вдруг басовито загудела сухая ветка. Не понимая, что это, я поднял глаза: на ветке, почти в метре надо мной, сидел взрослый сыч. Согнувшись, опустив большую голову, это кургузое существо злобно смотрело мне в глаза. Выражая крайнее неудовольствие, связанное с моим присутствием, он издавал гневное «кцав-кцав-кцав!» Не успел я и моргнуть, а он уже напротив, на такой же сухой ветке другого дерева. Наклонился в мою сторону, присел, вовсе сгорбился, сверлит глазами. Птица явно демонстрировала неудовольствие от моего присутствия: ее беспокоила судьба птенцов. Может, сыч-родитель считал, что я за ними охочусь? Если он и наблюдал за мной днем спокойно, то только потому, что, вероятно, думал, будто я вижу плохо при солнце и не обладаю нужной расторопностью, а ночью — другое дело — время охоты!

Я сидел и радовался, что прикоснулся к жизни этих таинственных птиц. Но тут на меня навалилась «таежная беда». словно сговорившись, со всех сторон стали набедать сотни, а может, тысячи вылетевших на охоту и жаждущих крови комаров. Целая туча! Они беспардонно обклеивают лицо, руки, шею. Дружный победный хор кровожадной орды приводит меня в отчаяние. Появляется неодолимое желание отогнать их, но если я так попытаюсь, все пропало. И я позволяю себе лишь медленно прикрыть лицо ладонями. Заметив мои движения, сыч не выдерживает и тут же стрелой летит прямо в глаза. «Хорошо, что руки у глаз, — думаю. — Кто его знает, что у него на уме?» Обдав меня волной свежего воздуха, сыч

взмывает вверх и снова садится на ветку. Налет его повторяется несколько раз.

Исполненный отваги, вызванной ненавистью, завершив пугающие атаки, он не улетел за молодыми, которые в это время переместились несколько выше по склону. Оказавшись впервые в вотчине скрытных таежных домостроевцев, я, испытывая их немилость, все-таки украдкой наблюдал за родителем-налетчиком. От возбуждения движения его были резкими. А вид его и налеты говорили об отважном характере и готовности сражаться за покой птенцов, за эту ночную тишину — родную стихию, для которой они созданы.

Сумерки стали плотнее, до черноты залили межгорные впадины и кедровники. С горных вершин, припорошенных снегами, течет над травой холод. Холодными, как жель, стали голые листья чемериц. Поумерили страсти и комары. Встаю, разминаю затекшие ноги. Двигаюсь, чтобы согреться. Стало совсем темно. Сыч еще несколько раз бросается на меня. Но теперь не садится над головой. Только по издаваемым им звукам узнаю, где он. Вижу, как светлым лоскутом несется он, едва не задевая крыльями макушек трав. Вот сыч легко взмывает и светлеет на нижней ветке лиственницы. В холодном небе ярко разгорается лунный серпик. Медленно иду за ночным отшельником. И снова кричит сыч. Голос его теперь звучит как протяжный полусвист — «у-ук, у-ук!»

Тем временем я вышел на поляну и остановился около причудливого ствола лиственницы. Когда-то она сломалась пополам, упала и в средней части еще держалась за высокий сутунок своего ствола так, что получился треугольник, на изломе которого, у вершины, торчали кинжалами дранощепины. Около нее теперь и держались молодые сычата. А на вершине лиственницы маячит, раскачиваясь, головастая фигурка одного из них. Тотчас над ним (откуда ни возьмись!) повисает ушастая сова. Сычонок стремительно бросается вниз и в сторону. А на

его место, сгорбившись, садится сова. Мне отчетливо виден не только ее силуэт, но и белые опояски вокруг «лица». Отражая лунный свет, слегка поблескивают глаза. Сова тоже, по-видимому, молодая, потому так доверчива. Возможно, и человека видит впервые. Еще несколько секунд мы рассматриваем друг друга. И вот она, подобно лесному привидению, совершенно бесшумно, легко и плавно взмывает вверх, несколькими кругами облетает меня и стремительно пропадает в темном провале гор. Примерно еще четверть часа стою, вслушиваясь в тишину, не крикнет ли где сычонок? Но, увы, оказывается, семья сразу же оставила это место. Похоже, до смерти они испугались своей «троюродной тетушки». Я бреду к палатке. Где-то далеко на болотах жужжит одинокий лесной дупель.

Августовский день окончился.

Из семьи бекасиных

Семейство бекасиных куликов на территории нашей страны представлено незначительным числом видов. И каждый из них в этой небогатой семье по-своему интересен. Это кулики средних размеров с типичным бекасиным обликом: покровные перья у них серые, длинный прямой клюв и недлинные куличьи ноги. В Казахстане три рода этого семейства. Наиболее многочисленный из них — бекасы. Его прекрасно знают охотники, потому что птицы, принадлежащие к этому семейству, — промысловые. Мясо их нежное и вкусное. Они же — прекрасная мишень для стрелков высокого класса.

Азиатский бекас, о котором хочу рассказать, ничем особенным не отличается от своих близких сородичей. Он, как и все остальные, окрашен в сероватые тона. Однако стоит рассмотреть его окраску поближе, как откроешь для себя удивительную гармонию. Сочетание разноразмерных полос, штрихов, вилушек и вообще зако-

номерность распределения рисунка бекасов изумляет. Несмотря на похожесть, в окраске каждого вида свои особенности, по которым они прекрасно различаются. Но главные отличительные признаки в том, что у азиатского бекаса больше, чем у всех его родственников, перьев в хвосте (так называемых рулевых). Средние из них — нормальные, широкие; по краям — тоненькие, а самые последние походят на булавовидные узенькие полоски. К тому же они заметно меньше средних рулевых. Поэтому развернутый хвост имеет округлую форму.

До последнего времени азиатский бекас в нашей республике отмечался очень редко, и то во время пролетов. Это были одиночные случаи. Объяснить редкость его встреч можно тем, что область распространения этого бекаса обнимает тайгу и лесотундру Сибири от Северного Урала на западе и до берегов Тихого океана. Гнездится он также в хребтах Южной Сибири и Северной Монголии. Западный ареал его обитания на юге нашей страны расположен в центральной части Алтая. Как видно, жизненное пространство этого кулика лежит северо-восточнее Казахстана. Зимует бекас на островах Юго-Восточной Азии, реже — Индии и на Цейлоне. Поэтому и основные пролетные пути его лежат также восточнее, хотя имеются основания предполагать, что часть этих куликов зимует в Иране.

Всем птицам этого семейства свойственна большая осторожность. Они, как перепела и коростели, прекрасно бегают в траве и также умеют становиться неведимками — затаиваться и, подпустив вплотную, неожиданно взлетать, и в стремительном полете в мгновение ока скрываться из виду. Увидеть бегающего или кормящегося на земле бекаса почти невозможно. Усугубляется это еще и тем, что бекасы — сумеречные птицы. Зато можно слушать их токование, когда они летают в небе, затекающем густеющими сумерками, а если посчастливится, наткнуться на их гнездо или даже выводок.

Бывая каждое лето на Белоубинских озерах, где проводились наблюдения за жизнью птиц, мы хорошо знали состав пернатых, гнездящихся там. Поэтому надежды на встречу нового вида практически не оставалось. И вот в одно очень дождливое лето мы оставили Райскую долину и целый день добирались до ближайшей автотрассы по Черной Убе, минуя таежные, кристальной чистоты речки — Гладкую и Седяшиху. Путь в основном пролегал через труднопроходимые кочковатые болота, крупноствольный валежник по отрогам долины, пышные луга и девственную тайгу. Измотанные дорогой под обложным дождем, мы уже в сумерках пришли к полевому вагончику лесорубов. Вода залила долину и поднялась под его крыльцо, под самые двери. Седой лавиной, приступами падали с низкого неба каскады воды. Черная Уба вздулась и стремительно катила мутную бурлящую воду. Дождь переставал, но не более чем на час-два. Небо не успевало посветлеть, занавешанное плотными клубящимися облаками. Лесорубы в резиновых сапогах с порога опускались чуть ли не до колена в воду. Если бы не их гостеприимство, ночевать бы нам под дождем. Мы с радостью согласились на приглашение лесорубов.

Перед наступлением сумерек я вышел на крыльцо посмотреть на небо: не ожидается ли вёдро? И в это время услышал неизвестные мне звуки, воспроизводимые в мутном сером небе какой-то птицей. Через некоторое время мне удалось заметить как над залитой водой долиной кругами, подобно лесным дупелям, ходили похожие на куликов птицы. Но какие? Вскоре я разглядел, что хороводили примерно шесть — восемь незнакомых птиц. Стремительными кругами они летали на высоте пятидесяти-семидесяти метров и постоянно подавали зудящие протяжные звуки — «зить-зить-зить...» И вот одна из них, учатив взмахи крыльев, стремительно пикирует вниз, а я слышу нарастающие по силе звуки «зит-зит-зит-зи-зи-зи-чик-чик-чи-чи-жи!» В конце этой какофонии слыша-

лась визгливая заливистость. Несмотря на сплошной дождь мы с ребятами высыпали на крыльцо послушать неизвестных поднебесных певцов.

Нетрудно было заметить, что птицы токовали и садились тут же на оголенную и развороченную бульдозерами землю. В это время, спасаясь от воды, из земли выползли дождевые черви, они-то, видимо, и привлекали внимание куликов. Туда пошел Витя Чернов. И вот, поднимая фонтаны брызг, вытянув вперед обе руки, он уже бежит назад, не глядя под ноги. Он бежал и падал так, словно на руках у него были наручники или по крайней мере он нес упавшую с неба хрупкую звезду. Счастливый и озадаченный, Витя показывает мне какую-то птицу — в его руках длинноносый кулик бекасиной окраски и такой же величины.

— Смотрите! — запыхавшись, показывал он в ладонях птицу.

— Где ты ее взял? На гнезде поймал? — спрашиваю.

Переведя дыхание, Витя рассказал, как, наблюдая на болотинке бекасов, он увидел, что один из них сел в густую траву. Он побежал туда, кулик, взлетая, запутался в густой осоке. Этого оказалось достаточно, чтобы Витя успел прыгнуть и сцапать оплошавшую птицу. Взяв ее в руки, я к удивлению и великой радости тут же узнал, что это азиатский бекас.

Это была мокрая, отяжелевшая от яйца самка. Чтобы она обсохла и не билась, я занес ее в вагончик и посадил под фуражку. И каково же было наше удивление, когда, решив посмотреть ее через час, мы обнаружили под птицей яйцо. Теперь можно было смело говорить — азиатский бекас на Западном Алтае гнездится.

Опустилась ночь. Дождь по-прежнему дробил по крыше нашего пристанища. Шумела вздыбившаяся Черная Уба, глухо роптала тайга, а вокруг вагончика под чьими-то лапами постоянно чавкала грязь, словно вокруг нашего временного жилища кто-то бродит. Может, так и было?

Я не решился в такую черную непогоду выпускать свою пленницу и отложил это до утра. Куличиха сидела в углу на нарах. Слабый свет от маленькой лампы падал на нее и отбрасывал большую тень на крашеную голубую стену. Бекасиха на ней «выросла» почти в анста. Огромная тень ее была недвижна. Печально склонив голову и опустив длинный клюв, она сидела, не шелохнувшись. Ребята, уставшие и промокшие за день, спали. За столом, собравшись в круг, чаевничали лесорубы и шоферы: в такую непролазную грязь никакая техника не в состоянии подняться по разбитым глинистым дорогам. Среди этих мужчин сидел и мой бывший юннат. Лет десять назад это был шустрый мальчишка, с идеально круглой белой головой.

— Как же ты надумал оставить город и перебраться сюда, Алексей? — спросил я.

— А вот так, — говорит он, шевельнув плечами. Передо мной возмужавший, загорелый, с жилистыми руками мужчина.

— Вот с вами побродил тогда еще на юннатской — так и запала мысль где-нибудь в лесу поселиться. Стал работать шофером, потом лесорубом. А сейчас снова шоферу. А вообще собираюсь поступить в лесной техникум. Тогда уж мечта сполна осуществится: буду лес охранять.

Смотрел я на него и думал, не каждому под силу работа в таких условиях. Только целеустремленные люди, мужественные и влюбленные в свое нелегкое дело могут трудиться здесь. Я почувствовал гордость за него, за то, что есть такие ребята и среди моих сегодняшних юннатов, а юннатская станция — это своеобразная школа, которая помогает избрать, может быть, и нелегкий, но свой путь в жизни.

Потом все уснули, я долго прислушивался к пугающему чавканью и хлюпанью грязи и воды вокруг вагончика: бродил какой-то зверь.

Утром, когда я рассказал лесорубам, что слышал чьи-то шаги и чавканье, повар обыденно, без малейшего удивления объяснил, как здесь постоянно кормится медведица с двумя «ребятишками».

— Мясо как-то недоглядели — испортилось. Выбросил его вон туда, — показал он на берег Убы, на мысок метрах в пятидесяти. — Так она пришла и на глазах, никого не пугаясь, съела. С тех пор всегда часов в десять утра приходит. Кашу, супы ей выливаем — все подбирает. Иногда ночью около вагончика чего-то шарится. Но не пакостит пока. Так и живем.

Увидев мое удивление, он добавил.

— Уже давно — больше месяца. И сегодня, наверное, приходила: с пропитанием в такое ненастье плохо.

Он вытер о захватанный фартук руки и понес кастрюлю с оставшимся с вечера ужином на берег реки.

Нам не повезло в это утро. Не пришла медведица и на следующий день. Мы уехали, так и не увидев тех, кто до полуночи ходил вокруг жилища лесорубов в черную ненастную ночь.

Утром, как только небо яркими окнами заголубело среди бегущих клубящихся туч, мы вышли на болото и выпустили нашу серую пленницу-бекасику. Уже на следующий день пару этих бекасов мы встретили недалеко от нашей избушки на альпийской лужайке среди одиночных лиственниц и кедров. Внимание в тот раз привлекла неизвестная одиночная птица. «Зик-зик-зук-зук...» — бесконечно зитькала она. Однако сколько мы не пытались подойти к ней, птица все время сохраняла нужную дистанцию, умело и незаметно отдалялась. То она справа — в траве, то слева — в карликовой березке, то где-то уже позади — в кедровой поросли. Вскоре мы поняли, что нет смысла гоняться за этим голосом. Каково же было наше удивление, когда нам все-таки удалось поднять обеспокоенную птицу на крыло — ею оказался опять же азиатский бекас!

На хорошо прогретом травянистом бугорке среди осок и манжетки мы нашли его гнездо. В нем было только одно яйцо. Надо сказать, что в отличие от своих самых близких родственников — лесного дупеля и бекаса, — предпочитающих увлажненные или заросшие густой травой низинки, азиатский бекас избирает чаще всего суховатые и голые участки лугов, леса и верхние его границы, где стоят одиночные лиственницы и кедры.

Обычные они были и в суховатых зарослях березки, где почва местами покрыта лишайниками, а травостой редкий и невысокий — с прогалинами.

Гнезда у бекасов этого вида устроены в небольших углублениях на земле из скудной подстилки, состоящей из стебельков прошлогодних трав и листьев осоки. Но все найденные гнезда были очень хорошо замаскированы листьями растущих трав. Они укрывали гнезда не только от дождя и прямого солнца, но и, самое главное, пожалуй, от глаз хищников. Разглядеть сидящую в гнезде птицу просто невозможно. Даже если бы кто-нибудь и специально показывал ее, скажем, с расстояния трех-четырёх метров: она слилась бы с землей, не выдавая себя ни малейшим движением, хотя блестящая бусинка пугово-неподвижного глаза и способна в исключительно редком случае привлечь внимание человека. Но как бы ни был «набит» глаз натуралиста, попробуй в море трав, где все шевелится, колышится, сверкает, заметить эту живую блестку.

У каждого натуралиста есть свои прекрасные воспоминания о каких-либо особо интересных днях, часах или даже минутах, которые на всю жизнь остаются в памяти. Есть такие воспоминания и у меня, и связаны они в большей степени с азиатскими бекасами.

В то лето, оставив нашу избушку, мы пробирались к Коксинскому перевалу лесистыми склонами, заболоченными долинами. Идти было очень трудно, особенно на кочкарниковых болотах. Вот уж действительно — шаг

вперед, два шага назад. Под вечер кое-как добрались до речки Седяшихи. Густые ивняки и болота с кочками высотой до пояса образовали здесь целое займище. Недалеко под кедрами и старыми елями, кора которых покрылась наростами губки, стояла охотничья избушка. Ее мы и заняли для ночлега.

Вечерело. Развели костер, и, пока кипятили чай, я пошел на болото, откуда слышались голоса дупелей. Это было обыкновенное комариное болото. Густели сумерки. Невидимые полчища насекомых носились в воздухе с печальным песнопением. Послышались крики азиатских бекасов. О том, чтобы зайти на само болото, нечего было и думать: высокие кочки, густо заросшие осокой, шаткие, как будто внутри каждой — пружина. Между ними вода. Сделаешь шаг-другой и заваливаешься набок.

Бекасы взлетали один за другим, а вскоре их токовало уже более десяти. Небо буквально жужжало и свистело. Недалеко от того места, где я стоял, падающими рядами завывали лесные дупеля. Наподобие крупной летучей мыши с тихим цвирканьем, едва не задевая широкими крыльями деревьев, летал вальдшнеп. Выше всех в сумрачном небе кричал токующий бекас. Казалось, поднялись все пернатые обитатели болота. В сплошной неразберихе голосов я все-таки разобрался. Каждый бекас токует только над своей самкой. Она же прячется среди кочек и настойчиво в это время подает голос, на который он и ориентируется. Обе птицы знают друг друга и постоянно издают звуки, чтобы не потеряться в ночном мраке и травяных джунглях болот. Самки захлеб кричат свое «зик-зик-зик», словно кто-то на болоте остро точит косу. Крики их адресованы самцам, асами пикирующим над болотом, над своим будущим гнездом.

По воле случая я оказался в нескольких метрах беспрестанно зудящей бекасихи. Теперь почти надо мной вился ее токующий самец. Через одинаковые промежутки времени он с могучим визгом пикировал вниз, к ней.

Удивляло еще и то, как среди такой какофонии они узнавали голоса своих суженых. Но что меня больше всего поражало, так это обилие в безлюдных горах на черном болоте птиц в общем-то редких у нас. Я чувствовал себя натуралистом прошлого века, оказавшимся свидетелем торжества пернатых. Наверное, поэтому мне так запомнилась эта ночь. Всего мы нашли четыре гнезда и более десятка выводков азиатского бекаса. Яйца, как у всех кулициных птиц, крупные, заостренные спереди. Скорлупа пестрая, преимущественно с коричневым оттенком и темными, неправильной формы нашлапками пятен. Появившиеся на свет птенчики имеют нежный шелковистый пух коричневого цвета, живописно исчерченный симметричными пятнышками, черточками и точками разных размеров, разбросанных по всему телу. Это придает ему красивый ковровый рисунок. Главное в окраске, что все эти черточки, темные и светлые пятнышки маскируют птенца, делают его незаметным на земле для любых глаз: и человека и хищника.

Однажды на лишайниковой прогалине в зарослях березки мне на глаза попались бекасята, я поймал их, чтобы сфотографировать. Подготовил цветную пленку и посадил малышей на пестрый, изрисованный накипными лишайниками камень. Смотрю — и не вижу их: птенчики словно растворились, потерялись. Только коричневых «лишайников» на камне стало чуть больше.

Малютки-бекасята похожи на птенцов лесного дупеля, но окраска у них несколько темнее и лапы у азиатских бекасов голубее, чем у дупелят. Это же отличает их и от сходных с ними внешне птенцов горного дупеля.

Первые дни птенцы кормятся и отдыхают на лужайках с редким травостоем. Слабые, неустойчивые, они здесь легче передвигаются, ведь каждая травина для них — дерево, а густой травостой — непроходимый лес. Только по мере взросления бекасы продвигаются на влажные травянистые луговины, к болотцам и берегам речушек.

Кормятся они в основном мелкими дождевыми червями, которыми изобилует раскисшая вблизи водоемов и рек земля. В их зобах мы находили мелкие личинки хioneй и других неизвестных насекомых, а также семена обычных здесь осок. Вероятно, в связи с тем, что питаются бекасы семенами растений, они вынуждены время от времени заглатывать мелкие камешки-гастролиты для перетирания пищи в мускулистых желудках. Подобные камешки находили у азиатских бекасов орнитологи в среднем течении Лены.

Нам удалось установить одну очень интересную особенность. Оказывается, насиживают кладки и водят птенцов у азиатских бекасов не только самки, но и самцы. Более того, чаще всего при выводках, с которыми приходилось встречаться, были одиночные птицы — один из родителей, и, как правило, самец.

Каждый раз, когда нам попадался выводок с бекасами, будь то пуховички или подлетьши, находящаяся с ними птица вылетала обычно из-под самых ног. Путаясь в траве, она подавала характерный для них крик тревоги и опасности — «кжжаа-кжжаа-кжжаа!» Вылетит, нескладно махая серыми крыльями, пролетит несколько метров и падает, как подстреленная, в траву. А через некоторое время, пока промеряешь птенцов или прилаживаешься, как их получше снять, взрослая птица тут же снова взлетит из-под носа — и снова крик и паника. Так повторяется несколько раз.

Азиатские бекасы на Западном Алтае живут на разных высотах: в лесном поясе и выше верхней границы леса. Гнезда и выводки их мы находили у Белоубинских озер. Это дало возможность выявить еще одну интересную деталь: сроки гнездования у разных пар, живущих в одних и тех же высотных пределах, различны. Трудно объяснить, с чем это связано. Но, как показали наблюдения, в одно и то же время у них можно встретить свежие яйца в гнездах, насиженные кладки, пуховичков и

птенцов, у которых только-только начали отрастать крылышки и даже птенцов, уже способных хорошо летать.

В некоторых местах живущие на одних и тех же болотах азиатский бекас и лесной дупель успешно гибридизируют, образуют смешанные семьи и выводят птенцов. Гибриды по окраске и с необычными по форме и размерам рулевыми перьями были добыты именно здесь. Неоднократно на речке Седашихе и Гладкой я слышал ночами совершенно незнакомые звуки, которые воспроизводили какие-то кулики, токующие вместе с названными бекасами и дупелем. Голоса их издали напоминали отдаленное вибрирующее гоготание гусей. Встреча гибридов наталкивает на мысль, что именно они и удивляли нас своими токовыми полетами и необычайными, редкими для тайги звуками.

Примечательно то, что в семидесятых годах на территории Западного Алтая их стало заметно больше. Без сомнения, нам посчастливилось стать свидетелями расселения этих птиц в данном зоологическом участке Алтая из сопредельной ему территории Горного Алтая. Однако вскоре сюда, в Райскую долину, начали пригонять стада крупного рогатого скота. Коровы разрушали покров болотистых низин, повреждали заросли березки, ломая и передавливая стволы растений. И бекасов не стало. Когда скота паслось меньше или он вовсе не пригонялся, бекасы отмечались, но очень редко, а в самом начале восьмидесятых годов я их вообще не видел.

Так еще, к сожалению, бывает в наше время, когда от человека зависит судьба животных: помешал, потеснил — и их не стало.

Кедровый листопад

Под вечно зелеными древними кедрами за эти годы произошло много разных памятных встреч со зверями и птицами. Нам посчастливилось наблюдать жизнь слабо-

изученных и редких их видов. Одной из больших натуралистических удач была находка, связанная с гнездованием скрытнейшей и красивейшей птицы тайги — шура. Здесь же впервые в республике после нескольких дней специальных поисков удалось обнаружить и его гнездо. Много часов мы провели около него в неприметном шалашике, сделанном наспех из лапника в густой траве у основания кедра.

Гнездо, за которым мы наблюдали, шуры устроили у вершины кедра на ломкой ветке далеко от ствола. Сначала в гнезде было три яйца, потом появились птенчики. Прилетали к птенцам и улетали шуры тихо и незаметно. Они каким-то образом умудрялись (непонятно, зачем?) все это делать крайне таинственно. Подлетев, например, к гнезду, они садились на соседнее дерево. Пять — десять минут сидели на одном месте. Никуда не торопились. Потом, словно оглядевшись — не подсматривает ли кто за ними? — тихо переступая с ветки на ветку, поднимались выше и выше. Оказавшись напротив рыхлой плоской чаши гнезда, перепархивали к нему. Когда шуры подлетали к своему дереву сразу, то делали это тоже несколько странно: они залетали из-под самого низа. И после недолгого отсиживания на ветке винтом поднимались к гнезду. Накормив птенцов, шур-самец уходил так же незаметно на несколько метров от гнезда, малиновой молнией нырял вниз и исчезал среди соседних деревьев.

Самец и самка обычно вместе улетали на поиски корма. В это время один из юннатов забрался на соседний кедр и решил сфотографировать птенцов. Но птенцы были уже в таком возрасте, когда появление человека показалось им страшным, и они разом, как сговорившись, порхнули в разные стороны. Кое-как на коротких крыльях долетели до соседних деревьев и сразу затаились там. Поиски наши ничего не дали. Мы вынуждены были спрятаться снова в шалаш и ждать, когда появятся родители и как отреагируют на случившееся в их отсутст-

вне. Прилетели щуры через двадцать — сорок минут. И вот они у гнезда. Следуя своим привычкам, они медленно добрались до него и, обнаружив пустым, стали грустно и нежно звать. Надо сказать, песня щура, даже когда он в хорошем настроении, меланхолична, всегда с оттенком светлой грусти и необычной нежности. Теперь они свистели особенно печально, зазывая птенцов. Мы с ребятами в это время испытывали угрызение совести за свой поступок, ведь это они из-за нас прежде времени вынуждены были вылететь из гнезда. С испорченным настроением мы слушали, как родители почти «оплакивали» своих птенцов, призывая их нежным свистом.

К нашей радости, птенцы вскоре подали ответный голос, и взрослые птицы, разыскав их, накормили и успокоились. Еще один день мы видели эту семью. Наблюдали, как взрослые кормили своих буро-зеленоватых птенцов, таившихся среди кедровых ветвей.

Эту маленькую историю о щурах я рассказал для того, чтобы передать то настроение, которое испытывал, оказавшись несколько лет спустя в этих же самых кедрках, которые мы называли Зеленым храмом. Шел последний день августа. Ребят со мной не было, я сидел и вспоминал всех тех, кто бывал здесь со мной, с кем делил поровну радости и огорчения, связанные с нелегкой, но интересной работой орнитолога. За эти годы мы стали близкими по духу и интересам. Здесь они набирались опыта, привыкали к трудным и увлекательным будням натуралиста, становились самостоятельными и обретали нужное всем нам чувство товарищества.

Мои юннаты давно уже окончили школу, большинство поступило в высшие учебные заведения. А те, кто отправлялись со мной в наши самые первые походы, давно окончили техникумы и вузы: стали охотоведами, охотниками-промысловиками, научными сотрудниками, работниками областных охотинспекций, охотсоюзов, музеев, заповедников, некоторые — ветеринарами, другие уже са-

ми учат школьников любить и беречь природу. Более тридцати бывших юннатов нашей станции связали свою жизнь и работу с изучением природы и ее охраной. А работающие на промышленных предприятиях, я уверен, навсегда прониклись уважением и любовью к природе, ко всему живому и чем бы они не занимались, они никогда не станут в ряды браконьеров или людей, бездушных к богатствам земли. Они нашли свое призвание, свое место в жизни, стали нужными и полезными обществу людьми.

Об этом я думал, сидя среди могучих полуразвалившихся кедров. Тишина. В первых числах сентября упадут первые снега. И сейчас здесь уже осень, она метит свой путь золотом увядающих трав, ржавчиной оседает на мшистых болотинах, наливает медью заросли березки. Хрустальной струной звучат похолодевшие ручьи и речки. Музыка осенней воды полнит лога и щели. Время от времени слышны грустные и короткие голоса припозднившихся пеночек.

Слились воедино и грусть и раздумья, как молодые и старые стволы кедров. Пробиваясь сквозь их сучья и ветки, сквозь мохнатые лапы, свет косыми пластинами ложится на перезревшие жухлые травы. Платиновыми нитями вспыхивает паутина.

Где солнца больше, сохранились по низинам зеленые травы, беспечно стрекочут в них последние кобылки и тихо, словно о чем-то сожалея, монотонно свистит снегирь.

На всем лежит печать усталости: на травах, деревьях и даже на самой тишине. Я знаю, с первыми ветрами, с обложными дождями, холодными и тягучими, полягут перезревшие луговины. С первыми ночными заморозками взорвутся на изломах стебли трав, обнажив беловатую ткань. И словно после косовицы, падут они, битые холодом. Земля здесь уже готовится принять снега. Ветры гор сорвут золото и медь кустарников и унесут в

ручь, отчего те станут золотыми и медными. А листья будут плыть, как маленькие игривые солнца. От ветров по кедровнику пройдет рокот, и тогда, как сейчас (только еще больше), полетят в косом свете кедровые, иглистые воланы. Так они растут — пять игл из одной почки, так и отмирают. Прощаются с летом, с родным деревом, падают, чтобы стать землей, согреть корни своего дерева и питать их своим истлевшим телом.

Наблюдаю опадающие кедры. Светлый след оставляют в косом свете какие-то насекомые. Снова вспыхивают паутинки, связавшие протянутые кедром ветви. Природа ожидает грядущих перемен, связанных с наступлением холодов.

Сберечь красоту...

Мне кажется странным, что люди, глубоко осознавшие сегодня непреходящую ценность шедевров старины в истории культуры человечества, порой не хотят понимать и не стремятся вникать в другую сущность: живущие с нами звери и птицы, травы и деревья, сотворенные природой за многие миллионы лет, как и произведения искусства — картины, скульптуры, памятники архитектуры и т. д., — неповторимы. Если в наше время, что просто велепо, исчезает какой-либо вид, то это уже навсегда. И утрата эта на все времена и эпохи невозможна. Невозможно восстановить вымершее животное или растение.

Сегодня нас должны глубоко волновать факты, говорящие, что какой-то вид оказался вдруг по нашей вине на грани исчезновения. И нам необходимо как никогда осознать: с каждым таким видом умирает, бесследно исчезает бесценная частица истории развития живой материи в бесконечности времени, в бесконечности Вселенной.

Я постоянно с большой тревогой слежу за Красной книгой Земли. От каждого из нас сегодня зависит мно-

теризует этот район как уникальный по количеству выпадающих осадков даже в пределах СССР. В связи с этим и вопросы климатического, гидрогеологического, почвенного, флористического и фаунистического порядков представляются весьма интересными при дальнейшем их изучении.

Край, привлечший наше внимание, примечателен и с биологической точки зрения. Большое количество осадков, различные экспозиционных условий горных склонов, почвенно-климатические разности сформировали свой, до некоторой степени особый состав растительных группировок.

На высотах от 1600 до 1800 метров над уровнем моря здесь преобладают темно-хвойные формации — пихта сибирская, ель обыкновенная, сосна сибирская (кедр) — с примесью березы бородавчатой.

Подлесок формируют красная и черная смородина, алтайская и татарская жимолость, рябина сибирская, различные виды спирен и многие другие кустарники и травы.

Верхняя граница лесных природных насаждений (от 1800 до 1900 метров, а местами до 2000 метров над уровнем моря) представлена преимущественно кедрово-лиственничным редколесьем, иногда кедровниками, где возраст отдельных деревьев достигает шестисот — тысячи лет. Некоторые склоны покрыты чистыми кедровниками, лиственничниками паркового типа. И только склоны Холзуна, обращенные на юг, представляют некоторую необычность в закономерности распространения древесных пород на этих высотах. По щелям и вдоль ручьев, берущих начало у снежных пятен этого хребта, в виде гряд и длинных лент кедровники поднимаются на значительные высоты и достигают местами высоты 2200 метров над уровнем моря. Таким образом, деревья выходят прямо к голым участкам нагорной тундры. Стоит сделать всего один шаг и из леса выходишь прямо в тундру.

Факт этот весьма интересен в вопросах поясной зональности, когда выпадают целые растительные пояса. Это, казалось бы, нарушает логику природы гор — парадоксально и противостоит естественности. Но в том-то и состоит одна из особенностей распределения растительного покрова на данной широте в горах Алтая. Подобные неожиданности на этих же высотах местами свойственны и Ивановскому хребту.

Там, где господствуют сильные и устойчивые ветры, крупноствольные деревья уступают место массивам, грядам карликовых форм кедра, ели, пихты и редко лиственницы, которые называют стланиками. Высота их у верхней границы леса достигает роста человека. Однако чем выше, тем заросли становятся плотнее и ниже. Их искривленные стволы у пределов своего верхнего распространения, подверженные губительным условиям, порой не поднимаются выше колена. По гольцам распространены нагорные низкотравные тундры, представленные разнотипными формациями и покрывающие огромные площади на вершинах хребтов.

Фауна позвоночных в общей сложности достигает немногим более ста видов. Земноводных нет. Из рептилий по лесистым и заболоченным местам живет только небольшая живородящая ящерица. Она изумительна: будто сделана из фарфора, в цветном глянце, разрисованном яркими точками и кружками. У самцов в отличие от самок нижняя часть хвоста окрашена в горячие красновато-оранжевые тона.

Наиболее богато представлены птицы. Их около восьмидесяти видов. Десять лет назад здесь были сосредоточены относительно многочисленные популяции белой и тундряной куропаток. Формы, которыми они представлены, эндемичны для Алтая и Саян. Белая куропатка населяет высокогорные заросли ивы и карликовой березки, тундряная — осыпи камней.

В кедрачах и елово-пихтовых лесах обычны глухарь и рябчик. Число названных видов за последнее десятилетие сильно уменьшилось, на отдельных хребтах эти птицы и вовсе исчезли. Особенно неблагоприятно складывается судьба белой и тундряной куропаток и глухаря. Первые на Ивановском хребте почти уже полностью истреблены. Численность глухаря сильно сократилась вообще по всему Казахстанскому Алтаю в связи с интенсивным промыслом его и пожарами. Только на Западном Алтае граница его западного распространения отступила не менее чем на сто километров. Причин оказалось достаточно: интенсивно вырубается леса, продолжается охота на этот вид, хотя и в ограниченном количестве, чего бы не следовало делать. Ведь известно, что когда лес рубят, щепки летят... Одни из существенных факторов, сокращающих его численность — браконьерская охота. Чего греха таить: редко какой охотник, находясь в таежной глухомани и встретя такую птицу, как глухарь, откажется выстрелить. С другой стороны, охотники-промысловики, пребывающие на охоте в зимнее время почти три месяца, для поддержания сил не упускают возможности добывать этих птиц, а ведь в тайге нет таких участков, которые бы не были закреплены за охотниками.

Акклиматизация баргузинского соболя, стремительный рост численности его за последние десятилетия тоже не проходят даром для многих птиц, и в первую очередь куринных, гнездящихся на земле и ночующих зимой в снегу.

Из куликов у Белоубинских озер гнездятся такие редкие и малоизученные, как хрустан, горный дупель, азиатский бекас, а также лесной дупель, вальдшнеп. Совместное пребывание их на столь небольшой территории, как Белоубинские озера, уже интересно. Получается, что бок о бок живут кулики-сибиряки, европейцы, северяне и представители более южных районов. Немного подобных мест, да их почти нет во всей Евразии. В высокогор-

ных лугах найдены гнездовья перепела и коростеля, не встречающихся на остальной территории Алтая.

Из крупных, занесенных в Красную книгу пернатых хищников встречаются беркут, сапсан и балобан, а также ястребы — тетеревиатник и перепелятник, осоед, канюк, коршун, чеглок, пустельга. Из крупных сов — филин, лесной сыч, ушастая сова. В верховьях Тургусуна и на прилежащих к Белоубинским озерам горах вновь, хотя и редко, стали гнездиться вернувшиеся сюда черные аисты. Эти «краснокнижные» птицы из-за усиленных мер охраны и пропаганды их охраны возрождают былую численность и становятся все более обыкновенными по всему Алтаю.

Привлекательны гнездящиеся в труднодоступных скалах иссиня-черные по окраске с желтыми лапами и клювами альпийские галки, пришедшие сюда в давно минувшие времена с гор западной части Южной Палеарктики, и белопоясничные стрижи — выходцы из Восточной Сибири. Из врановых гнездятся черная ворона, кедровка, кукушка и ворон. Кстати, у кедровки и кукушки еще не найдено ни одного гнезда в Казахстане.

Из богатого семейства синиц, широко распространенных в лесах нашей Родины, здесь отмечены только три вида — московка, буро- и сероголовая гаички. Последняя долгое время оставалась почти неизвестной для казахстанской части Алтая. Нам же удалось не только наблюдать их здесь, но и проследить их гнездовую жизнь. Впоследствии птенцов их я содержал дома. К такому же разряду по степени изученности и редкости следует отнести и бурюю пеночку. Эта скрытная птичка здесь обычна, и даже было найдено несколько их гнезд. Зарничка, теньковка, зеленая и индийская пеночки тоже обычны в соответствующих для них биотипах.

Гордостью орнитофауны Казахстана является красивейшая и малоизученная птица тайги — щур. Нам с юннатами повезло — найдены три гнезда. Установлены не-

которые примечательные особенности в их скрытной жизни. Встречаются здесь серые и обыкновенные снегيري, сибирская чечевица, синехвостка, соловей-красношейка, синий соловей, мухоловка-касатка, певчий сверчок и сибирский жулан. Это тоже практически еще не изученные птицы республики. Интересно, что часть из них стала расселяться в западном направлении на наших глазах. Почти все они выходцы из Восточной Сибири. Большой неожиданностью явилось гнездование здесь обыкновенной чечетки. Прежде считали, что она гнездится только в высокоширотных тундрах — в Заполярье. Потом гнезда ее нашли гораздо южнее и даже на Саянах. Здесь же, по низкорослым густым зарослям березки, растущей среди валунов, она встречается редко, только вблизи снежников, на которых собирает проклюнувшиеся семена. Вместе с ней у кромки снегов изредка встречаются сибирские вьюрки, обычные гималайские завирушки.

На протяжении ряда лет мы наблюдали в этих горах не только расселение в западном направлении птиц с восточно-сибирским ареалом, но в некоторые годы, особенно в засушливые, были свидетелями их отступления. Границы ареалов у птиц, таким образом, пульсировали: победное расселение как бы сменялось на время «поражением». Некоторые виды из года в год нормально гнездятся, потом вдруг исчезают и на протяжении нескольких лет вовсе не встречаются.

Обилие птиц, звонкие пересвисты их создают особое настроение в тайге, на болотах, в тундрах и скалах. Бывая здесь, я всегда искал и надеялся найти что-либо «оригинальное», то есть вид, который ранее никем не отмечался. И мой поиск часто оправдывался.

Состав млекопитающих в этом районе точно еще не изучен. Однако если говорить о самых обычных и заметных животных, то в первую очередь следует сказать о бурых медведях, которых здесь достаточно много.

Из крупных зверей обычны лоси, посещающие болоти-

ны. А в верховьях Черной Убы с Южного Алтая ежегодно заходят на летние пастбища маралы. Их собирается до пятидесяти голов. На зиму они регулярно откочевывают снова на Южный Алтай, поскольку на Западном, особенно на этих высотах, выпадает столько снега, что на подветренных склонах скапливаются многометровые его толщи. Ходить по такому снегу невозможно, маралы могут стать легкой добычей хищников, попасть под снежную лавину. В 1983 году маралы впервые пришли на южные склоны Линейского хребта, обращенные к Белобуинскому плато.

Из других копытных в этих лесах и среди останцев весьма обычны косули. И наконец самый маленький олень отечественной фауны — кабарга. Она появилась здесь сравнительно недавно и расселяется отсюда западнее по Ивановскому хребту. Есть надежда, что этот оригинальный зверь в ближайшие годы (конечно при условии его охраны) будет обычным.

Стали привычными встречи с белками и бурундуками, но численность их испытывает значительные колебания в разные годы. Живут в этих местах колонок, горностаев, ласка; в россыпях каменных цирков — колонии сурков. На водоемы изредка заходит норка, пищей которой служат, вероятно, обычные здесь водяные полевки. В народе их называют «водяными крысами». Рыбы в местных водоемах нет. По отлогим склонам, где почвенный слой мощный, обитают землероющие зверьки — крот и цокор. Повсюду в тайге обычны красно-серые полевки.

По россыпям, в кедрачах можно встретить соболя. Он успешно охотится на сеноставку, или алтайскую пищу, — его любимую добычу. Из хищников водятся рысь, лиса, росомаха, за копытными приходит волк.

Одним словом, эти места достойны охраны не только за свой богатый животный и растительный мир, но и за красоту, за ту радость, которую дарят всем, кто побывал здесь хотя бы однажды.

Содержание

Начало пути 6. Палевая Яма 11. Сибирский пришелец 13. Таежная избушка 17. К Тургусунскому перевалу 21. У Черного Узла 36. На крыше хребта 38. Необычная встреча 41. В карликовых джунглях 46. На пороге Райской долины 51. Как-то в августе 53. Голубые глаза гор 59. У истоков рек 66. Оскровки среди островков 69. Альпийское многоцветье 79. В зеленом храме 85. Каменная сказка 91. Серые плащи гор 96. Горные самоцветы 98. Лесная обитель 102. Тайна зеленых «курганов» 110. Ворона со странной окраской 115. Нос к носу 121. Невидимый солист 125. Жители каменных дебрей 138. Счастливый августовский день 145. Из семьи бекасиных 161. Кедровый листопад 171. Сбереечь красоту... 175.

Щербаков Борис Васильевич

Тропа длиною в год

Редактор *В. Г. Семькина*

Фото на обложке *Б. Н. Бондина*

Художественный редактор *А. В. Ефимцев*

Технический редактор *Т. В. Суранова*

Корректор *А. К. Тогушаева*

ИБ № 3032

Сдано в набор 15.11.84. Подписано к печати 13.03.85. УГ15012. Формат 70x108^{1/8}. Бумага тип. № 1. Печать высокая. Гарнитура литературная. Объем в усл. печ. л. 8.1. Уч.-изд. л. 8.4. Кр.-отт. 8.45. Тираж 30 000 экз. Заказ 419. Цена 55 коп.

Издательство «Кайнар» Госкомитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Типография оперативной и билетно-бланочной продукции производственного объединения полиграфических предприятий «КИТАП» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480016, г. Алма-Ата, ул. К. Маркса, 15/1.